

ному. Здесь все упирается в характер, темперамент, и я не хочу навязывать свое отношение к предмету другим, чтобы для них это стало каким-то законом. Имея все это в виду, кто-нибудь может задать вопрос: «Если толкование этих испытаний носит столь субъективный характер, то зачем их изучать?» Я не могу на это ответить иначе, как снова указать, что природа смерти волнует все человечество. Я верю, что любой свет, пролитый на эту тему, будет ко всеобщему благу.

Освещение этого вопроса необходимо представителям многих профессий и научных направлений. Оно необходимо и врачу, сталкивающемуся со страхами и надеждами умирающего пациента, и священнику, помогающему другим встретить смерть. Нужно оно психологам и психиатрам для выработки надежных рабочих методов терапии умственных нарушений — им надо знать, что такое ум, может ли он существовать отдельно от физического тела. Если нет, то попытки психотерапии полностью сведутся к физическим методам — лекарствам, электрошокотерапии, церебральной хирургии и тому подобному. Если указания на отдельное существование сознания имеются и ум сам по себе во всем правомочен, тогда терапия психических заболеваний должна крайне отличаться от предыдущей.

Кроме того, вопрос этот выходит за рамки академических и профессиональных интересов. Он глубоко затрагивает личные стороны жизни каждого человека, ибо в зависимости от того, что мы знаем о смерти, будем строить свою собственную жизнь. Если все, что здесь обсуждалось, реально, то это не может не иметь огромного значения для каждого из нас. Тогда поистине выходит, что мы не можем полностью постичь эту жизнь, не бросив взгляд на то, что лежит за ее чертой.

Петр Калиновский

СМЕРТЬ И ПОСЛЕ

ОТ АВТОРА

Смерть совсем не такая, какой мы ее чаще всего себе представляем. Всем нам при умирании придется увидеть и пережить много такого, чего мы не ждем и о чем не думаем. Зная немного больше, мы будем иметь меньше страха и меньше страданий.

Труды современных нам врачей-реаниматоров позволили взглянуть за пределы земной жизни и узнать немного больше, чем мы знали до сих пор. Первые главы книги будут об этом.

Христианство учит, что душа бессмертна и что после смерти тела она переходит в другие условия реальности и продолжает сознательное существование. В это можно было верить или не верить. Счастливы те, кто могли верить просто и глубоко, не входя ни в какие размышления. Их жизнь была светлее и лучше. Но такая вера бывает не у всех. Современный человек, даже близкий к вере в Бога, привык размышлять, доискиваться, искать подтверждений. В этом нет ничего плохого. Один из путей к вере ведет через поиски, через знание. Неверие никогда не бывает результатом знания. Тот, кто утверждает, что знание разрушает веру, — обманывает.

Я глубоко благодарен докторам Сабому, Моуди, Кюблер-Росс и другим, чьи труды помогли мне укрепить начатки моей веры и немного лучше понять, что в жизни действительно важно.

Умирание может быть очень трудным, но может быть столь же легким, как переход из яви в сон. Смерть следует ожидать и нужно встретить ее так, чтобы умирание было достойным и не очень трудным. Этому посвящены главы о предсмертной болезни и умирании.

О загробном мире и о жизни в нем в книге будет сказано не много. В наше время наука приподняла завесу и над этой тайной, но мы коснемся только того, что кажется действительно достоверным. Глава 9 — это попытка рассмотреть последние научные данные в свете христианского учения о потустороннем мире.

Глава 14 — о последней болезни и о том, что может помочь больному в последние месяцы его жизни.

В главах 18 и 19 — несколько советов родственникам больного о том, чем и как можно облегчить страдания ему и себе. Большинство из этих советов — старые и верные, но теперь забытые. Есть и несколько новых, действительность которых проверена учеными, изучающими смерть.

Я хочу выразить личную благодарность доктору М. Сабому — за его моральную поддержку и разрешение пользоваться богатыми материалами его книги. Благодарю и всех, кто помогал мне написать, обработать и издать эту книгу.

На нашей родине после долгой ночи начался процесс духовного возрождения. Я знаю, что в моей книге есть много недостатков, но решился издать ее в надежде, что книга на русском языке на эту тему может теперь оказаться полезной.

«Feci quod potii, feciunt meliore potentes». («Я сделал, что мог, кто может сделать лучше — пусть сделает».)

ВСТУПЛЕНИЕ

На наших глазах, за время Одного-двух поколений, жизнь на земле принимает новый облик.

Наши материальные успехи превосходят любое воображение, на одновременно идет угасание духовной жизни. Материальное обогащение при обнищании духа. Рост знания при потере мудрости.

Основная причина нового образа жизни — в потере веры во все духовное. Кризис европейской христианской культуры. Есть ли надежда?

Эта книга о современном понимании смерти.

Давно известно, что для того чтобы крупное научное открытие стало достоянием широких людских масс, должно смениться минимум два или три поколения. Это, конечно, не относится к какому-либо маленькому техническому усовершенствованию. Но если сегодня один из светлых умов человечества увидел и понял что-нибудь новое, важное для пересмотра всего нашего миропонимания и нашего образа жизни, то только наши внуки или правнуки смогут освоить смысл и значение этого нового.

Человеческое мышление много консервативнее и ленивее, чем принято думать. Есть, конечно, люди живого ума, думающие своей головой, которые смогут сразу, с первого знакомства, усвоить новое знание или новую идею или хотя бы заинтересоваться ими. Но очень многие слепы, не думая, принимают все, чем дышит в настоящее время их эпоха — ее научные и социальные теории, ее мораль, этику и верования. Их миропонимание создается школами, университетами, газетами и журналами, популярными лекциями, радио и телевидением. Чувствуя себя на уровне эпохи, они уже все знают, в новом не нуждаются и примут новое и необычное медленно и с трудом, когда не видеть его будет уже невозможно.

Мы живем в очень интересное и трудное время. Может быть, еще никогда не было такого преобладания материального над духовным. Мир не стоит на месте. Еще философы Древней Греции знали, что «все течет,

все изменяется», но никогда в прошлом эти изменения не были такими глубокими и такими быстрыми.

На наших глазах, за время одного-двух поколений, жизнь на земле принимает новый облик. В мир входит что-то новое, меняется не только образ жизни людей, меняются и сами люди. Мы видим феноменальный и быстрый рост материальных знаний и материальных возможностей, освоение и, можно сказать, покорение материального мира человеком. Но наряду с этим теряются духовные ценности, развилось и усиливается пренебрежение к миру духовному и уход от него. Материальное обогащение при обнищании духа. Рост знания при потере мудрости.

В кратчайшее время мы освоили силы пара, электричества, скрытой энергии атома. Мы господствуем не только над животным и растительным миром, но теперь и над миром микроорганизмов. Наша медицина буквально творит чудеса. Мы начали освоение космоса. Наши материальные успехи превосходят любое воображение.

Одновременно с этим идет угасание духовной жизни, растет безразличие, а иногда даже враждебность ко всему духовному. Теряется, иногда совсем потеряна вера не только в Бога и бессмертие души, но и во все, что выше материи. Нормы поведения, данные всеми великими религиями, уходят в прошлое. Рекомендуются и принимаются новые нормы, более легкие и приятные, чем те, которыми люди жили несколько тысячелетий. У людей все больше прав и все меньше обязанностей. Повсюду в мире умирает свобода — политическая, экономическая и личная. Свобода нужна человеку для осуществления его высших духовных творческих запросов. Для пользования материальными благами творческая свобода не нужна. Есть много людей, которые свободу не ценят и в ней не нуждаются.

В странах, ставших тоталитарными, та или иная форма рабства вводилась открыто, причем нередко при одобрении, даже ликовании большинства населения. В странах, еще не совсем утративших свободу, почти все новые принятые законы увеличивают зависимость жителей страны от ее правителей.

Без свободы жить легче. Все больше людей охотно отдают свою свободу в обмен на удобную и спокойную жизнь. Не нужно принимать какие-либо решения. Меньше ответственности, можно даже воспитание собственных детей передать в руки государства.

Ни за что не отвечая, жить легко, но при этом теряется самое главное — жизнь без ответственности всегда бездуховна.

Явно снижается моральный уровень многих наших вождей и правителей. В ряде стран правят люди, главная цель которых — сохранение и расширение своей власти, а не благосостояние подвластного им населения. Во всей истории человечества, вплоть до двадцатого века, не бывало, чтобы ради укрепления собственной власти диктатор уничтожал террором или искусственно вызванным голодом миллионы жителей своей собственной страны. Правители же демократических стран, зная и понимая, что происходит, заботятся главным образом о выгодных сделках с любыми режимами. Этот порядок вещей вошел в привычку и никого больше не удивляет.

Войны стали более кровавыми и безжалостными, чем раньше. Теперь бомбят далекие от фронта города, уничтожая все население, включая женщин и детей. Военная доктрина, гласящая, что нужно сломить мораль противника, уничтожая его мирное население, родилась в XX веке.

Меняется облик самого человека, меняются отношения между людьми и сами люди. Теряются глубинные связи и понимание между мужчинами и женщинами, между родителями и детьми.

Основой достойной человеческой жизни всегда была семья. В наше время семья быстро разрушается. Частая смена так называемых «партнеров». Противозачаточные средства с 14-летнего возраста. Аборты воспринимаются обществом как что-то естественное. Молодая супружеская пара не торопится иметь детей: сперва нужно обеспечить себе полный комфорт, а дети — это обуза, новые обязанности, скорее затруднение, чем счастье и радость.

Все больше мужчин и женщин приобретают богатый опыт половых сношений, ни разу не испытав чувства настоящей любви. Нужно уметь получить удовольствие, не связывая себя никакими обязательствами. Мы перестаем уважать себя и других, даже близких нам людей.

Меняется наше отношение к труду и творчеству. Все больше людей не любят трудиться. Труд, даже творческий, не приносит радости. Любое усилие неприятно и кажется ненужным. Жизнь сводится к непрерывной погоне за развлечениями и поискам все новых ощущений, пусть даже мимолетных и никчемных. Однако жизнь,

лишенная внутреннего содержания, оказывается ненужной и пустой.

Конечно, не все на земле плохо, есть и хорошее. Есть много людей, которые нашли какую-то опору и сохранили душевное спокойствие. Живут по-человечески, трудятся на благо себе и другим. Но таких все меньше. Поток грязи, порока, безразличия к добру или злу затопляет нашу планету. При пышном расцвете материальных возможностей мы живем в эпоху моральной дегенерации и потери духовности. Из мира уходят любовь, забота о других, искренность в отношениях, честность, достоинство человека. Жить становится холодно и одиноко.

Почему? Что случилось с людьми. Можно, конечно, объяснить по-разному, то основная причина очевидна — это потеря веры во все духовное. Если нет бессмертной души, вообще нет души, а есть только тело, то в чем тогда смысл моей жизни на земле?

В самом деле, ведь если со смертью кончается мое существование, так что больше не будет ничего для меня, ни меня самого, так для чего же тогда что-то планировать, трудиться, стараться создать что-то новое и постоянное? Ради чего приобретать новое знание, воспитывать в себе новые качества, зачем вообще думать о будущем? Пока еще есть время, нужно взять от жизни все, что она может дать — нужно есть, пить, «любить», добиться власти и почета и так далее. Нужно не думать ни о чем трудном и неприятном и уж, конечно, не допускать мыслей о смерти. Так многие и делают.

Индустрия развлечений в небывалом расцвете. Развлечений и отвлечений всякого рода сейчас больше, чем когда-либо раньше. Может быть, во время упадка Римской империи было столько же.

Однако счастья, радости, покоя и равновесия это не приносит. Отсюда — алкоголизм, наркомания, изощренный разврат, бессмысленные преступления и самоубийства. А позади этого глубокий инстинктивный страх смерти — не помнить о ней, не думать.

Совсем не думать о смысле жизни все-таки невозможно. Каждый, хоть иногда, задаст сам себе вопрос: «Ну, а дальше что? Что это все кончится? А мои дети? В каком мире будут жить наши дети?»

В истории народов бывали периоды, похожие на наше время. Пресыщение жизнью с упадком морали, развращенностью и бездуховностью вело к потере жизненной

силы и грозило народу гибелью, вырождением или завоеванием менее цивилизованным, но сильным и жизнеспособным врагом. Достаточно почитать Библию или историю Рима, чтобы понять, как или почему гибли великие цивилизации. Причиной была болезнь народа — потеря духовности, за которой следовала неизбежная гибель. Губили не столько пороки и разврат сами по себе, сколько терпимость и безразличие народа к любому пороку.

Бывало и иначе. Уже на краю пропасти народ находил в себе живые силы и преодолевал болезнь. В мир входило что-то новое. В древности и в средние века пророки и святые призывали людей одуматься и отказаться от порочного образа жизни. К их призывам прислушивались государственные деятели, вводились законы, сурово каравшие распространителей порока и помогавшие тем, кто выходил на верную дорогу. Находилась достаточно людей, откликнувшихся на призывы, и народ восстанавливал подорванные жизненные силы. Ночь снова сменялась днем.

Можем ли мы, люди конца двадцатого века, надеяться, что мы найдем в себе силы преодолеть кризис, который грозит уничтожить европейскую христианскую культуру?

Недавно Солженицын опубликовал свой призыв «Жить не по лжи». Все еще живут христианская и другие религии с их вечными светлыми заповедями. Есть еще немало честных пастырей Церкви, писателей, ученых, которые зовут нас подумать, остановиться и сделать выводы. Но крупницы истины тонут в массе самых разнообразных противоречивых мнений и предложений по любому вопросу. Экраны телевизоров, радио, газеты, популярные лекции — о чем говорят и чему учат все эти средства промывания мозгов? Много лжи, много призывов к наслаждению, ко всякого рода удовольствиям, а главное — такое количество все новых и новых мнений и «открытий», что подумать и разобраться во всем этом нет никакой возможности. Слово измелъчало, и ему придают любой смысл, нередко противоположный истинному.

Все это приводит к тому, что люди привыкают не верить ничему, кроме того, что они могут проверить своими пятью органами чувств. Все меньше людей верят «сказкам» о бессмертии и души и в жизнь души после смерти тела. Современный человек массы верит только

осязаемой реальности, только фактам. Он верит науке или, точнее, тому, что он считает наукой, но он не верит ничему нематериальному, и требования религии для него несущественны и необязательны. Мир для него — это материя, притом материя неодухотворенная. Сбывается то, что предсказал апостол Павел: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху» (2 Тим. 4, 3). Человечество катится вниз к плохому концу.

Могло казаться, что если не случится чудо и не появится что-либо новое и неопровержимое, которое заставит людей пересмотреть свое материалистическое миропонимание, то и христианство и выросший из него христианский образ жизни скоро навсегда исчезнут с лица земли.

И вот вдруг такое чудо случилось, хотя многие его пока еще и не замечают. Новое, вошедшее в мир, неизбежно затронет каждого из нас. Оно важнее всего другого в нашей жизни. Медицинская наука наглядно показала нам, что после смерти тела наша личность, наше «Я» не умрет, а будет продолжать существование, хотя и в совершенно новых условиях. Это существование будет пассивным, личность будет развиваться или хотя бы изменяться подобно тому, как она это делала во время своей земной жизни.

Этому всегда учило христианство, но многие, с детства воспитанные на материалистических теориях, привыкли не придавать религии большого значения. Материалисты всегда противопоставляли религию и науку. И вот вдруг за последние 15—20 лет наука подтверждает то, чему всегда учило христианство.

Новые методы реанимации, то есть возвращения к жизни недавно умерших людей, позволили ученым-медикам приоткрыть завесу над тайной смерти и увидеть немного больше, чем было возможно до сих пор. Оказалось, что смерть тела еще не конец существования личности. Какая-то часть человека — назовите ее как хотите «личность», «сознание», «Я», «душа», дело не в названии, — покидает умершее тело и продолжает жить в новых условиях. Исследователи были поражены полученными результатами и сперва встретили их с недоумением, почти с недоверием. Но новые данные были не плодами фантазии, а неоспоримыми фактами, добытыми наукой.

Христианскому учению можно было верить или не верить, христианский образ жизни принять или отбросить и жить, как будет удобнее. С фактами так поступить не удастся. От них можно отворачиваться, но они останутся, и через некоторое время новое знание неизбежно станет достоянием всех.

Изменит ли это что-нибудь? Каждое большое открытие в чем-то меняло образ жизни людей. Использование силы пара, электричества, энергии атома сделало жизнь удобнее, комфортабельнее. Это были крупные открытия в материальной сфере, а теперь сделано новое и большое открытие в сфере жизни духовной. Произошло это как раз в то время, когда все духовное было унижено, осмеяно и почти забыто, а неверие стало обычным и привычным.

Но вот становится очевидным, что смерть — это не конец существования личности. Моя жизнь на земле — это только часть всей моей жизни, только начало развития моих свойств и меня самого.

Для широких масс современных людей эти открытия настолько неожиданны и огромны, что для понимания и усвоения их значения потребуется время. Вероятно, должны смениться два или три поколения. Но новое знание уже с нами, и оно обязательно охватит весь мир. На смену мертвому материализму идет иное, более полное и светлое понимание мира и судеб каждого человека.

Раз смерть не конец, то смысл жизни на земле будет восприниматься мной по-иному, независимо от моей воли, даже если я буду стараться не думать об этом. Образ жизни на нашей планете начнет меняться. Люди станут более ответственными, будут с большим вниманием относиться к самим себе и к другим, и это сделает наше существование здесь чище и лучше.

Личность, наше существенное «Я» продолжает жить и после смерти тела. Понимание этой изначальной истины входит в мир, и чем скорее оно станет достоянием всех людей, тем лучше будет для нас и наших детей и внуков.

СМЕРТИ НЕТ

Глава 1

В настоящее время медицинская наука пересматривает свое традиционное понимание смерти. Новые данные говорят о том, что смерть не конец жизни личности, а ее переход в другие условия существования.

Большинство людей XX века знают о смерти очень мало. Незнание пугает, и о смерти стараются не думать, принимая на веру материалистические теории.

Материалистические теории о жизни и смерти. Они устарели и сменяются новым пониманием. Вселенная больше, чем только материя. Кто верит и кто не верит. Проявление жизни духа. После смерти тела жизнь продолжается.

За последние 15—20 лет ученые, изучающие процессы, связанные с умиранием и смертью, сделали много новых открытий, часто совершенно неожиданных и идущих вразрез с нашими привычными взглядами на жизнь и смерть. В настоящее время медицинская наука пересматривает свои старые, традиционные понятия, так как новые данные показывают, что смерть — это не конец существования личности, а ее переход в новые условия бытия.

Большинство людей XX века мало знают о смерти, о том, как происходит умирание и что будет после него. О смерти не думают. Это может показаться странным, так как смерть — самое важное событие во всей земной жизни человека, и ничего более определенного и более окончательного ни с кем из нас случиться не может. Это ясно всем, и все же во время нашей жизни почти все мы живем, что называется, день за днем и о смерти не думаем или, может быть, правильнее сказать, только стараемся не думать, потому что где-то в глубине всегда есть ощущение неизбежного и смутная тревога.

Мысль о смерти — трудная и неприятная, вот и стараемся не думать. Мы всегда заняты, день заполнен;

нужно подумать о будущем, чего-то добиться, в чем-то успеть, что-то закончить. И вдруг — смерть. Сразу приходит конец всем нашим планам и надеждам. Это иногда кажется странным, непонятным и даже нелогичным. Как же так? Я ведь еще не успел сделать то, что было нужно, и вдруг такое?

Мы смерти не знаем и поэтому боимся ее, может быть, сильнее, чем она этого заслуживает. Прежде всего, что пугает нас больше всего? Для многих смерть — это что-то вроде сна без сновидений. Закрыв глаза, заснул, и Ничего больше нет. Тьма. Только сон утром кончится, а смерть — это навсегда. Конечно, жаль и только потерять все, что мы любим на земле, но это скорее горе, чем страх. Многих больше всего страшит неизвестность, а что с нами будет? Страшит ощущение, что со мной будет происходить что-то неизвестное, не зависящее от моего желания, и я ничего не смогу сделать. Вот и стараемся забыть, что смерть неизбежна. Каждому из нас придется перейти через этот рубеж. А мы о самом главном не думаем и к нему не готовимся. Могут спросить: «А о чем думать и к чему готовиться? От нас не зависит. Придет наше время — умрем и все. Думать не о чем». Многие так и делают.

И все-таки каждому из нас иногда приходят в голову и другие беспокойные мысли: «А что если это не так? А что если смерть не конец, и после смерти тела я, неожиданно для самого себя, вдруг окажусь в совершенно новых условиях, сохранив способность видеть, слышать и чувствовать? И самое главное — а что если наше будущее за поргом в какой-то мере зависит от того, как мы прожили наше время и какими мы были, когда перешагнули смертный порог?».

Люди верующие обо всем этом уже думали, и, когда придет их время, им, вероятно, все будет понятнее, чем так называемым «неверующим». И не только понятнее, но и легче. А ведь перейти через этот рубеж придется всем, и многие встретят то, чего они не ждут и о чем не думают. Если вы попытаете поговорить на эту тему с кем-нибудь из «прогрессивных», то скорее всего услышите: «Я в такое не верю». Поэтому не будем сейчас говорить «верю» или «не верю», а подойдем к этому вопросу с точки зрения чистой логики.

Сразу бросается в глаза одна очевидная несообразность. У человека есть разум; сталкиваясь с каким-нибудь вопросом, он обдумывает все возможности. Может

случиться так, а может и иначе. Даже если проблема и совсем маловажная, разумный человек непременно обсудит обе возможности. Почему же, встречаясь с этой серьезной проблемой, которая непременно возникнет у каждого, почему в данном случае так много людей поступает иначе? Смерть неизбежна, и после нее есть только две возможности — полное ничто или какое-то продление нашего существования. Мы назвали это будущее существование возможностью, хотя сейчас, после новых открытий, сделанных медицинской наукой, правильнее было бы назвать посмертное существование не возможностью, а-вероятностью или даже очевидностью. А сколько людей об этом или совсем не думали, или если и думали, то не очень серьезно. Значит, дело не в вере, а в том, что с фактами, с «за» и «против» они не знакомы и просто так вдруг решили, что «такого быть не может».

Почему, как это получается, что человек проходит мимо самого важного, важного для него самого и, не думая, считает, что ему все ясно и думать тут не о чем? Ведь факты говорят о другом, и если обратить на них внимание, то сразу станет ясно, что такой вопрос, как наша судьба после смерти, сам собой не решается.

Прежде всего — откуда пришло и как развилось это почти повальное неверие, нависшее над человечеством XX века? Ведь так было не всегда.

Христианство и все великие религии всегда учили, что человек имеет не только тело, и душу и что при умирании душа исходит из тела и продолжает жить в новых условиях. Христианство существует почти 2000 лет, и из его идей выросла и ими жива европейская цивилизация. Бывали в истории периоды безверия, и всегда это были темные периоды. Они характеризовались упадком морали, потерей покоя и благоденствия, снижением благосостояния. Больше обычного свирепствовали войны, внутренние распри, эпидемии, голод. Как будто какая-то животворящая сила покидала народы. Трудно объяснить эти темные периоды истории простой случайностью.

Французский историк Тэн пишет: «На наших глазах и на виду истории совершается превращение образованных людей и целых классов в зверей там, где христианская вера забывается. Христианство — это великая пара крыльев, необходимая для того, чтобы поднять человека выше его самого... Всегда, в течение 19 веков, как скоро

эти крылья слабеют или их разбивают, общественная нравственность понижается».

Извечно только истинное, ложное никогда не бывает долговечным. Все религии и даже примитивные язычники-дикари в той или иной форме верят в какой-то потусторонний мир и в то, что смерть не конец существования. Вера в духовность охватывает все человечество с самого начала его истории и до сих пор.

Отрицание бога и всего духовного развилось только в течение последних 100—150 лет. Оно выросло из материалистической философии, признававшей только видимое или доступное другим органам чувств. Эта философия сейчас потеряла всякое научное значение и обанкротилась не только в теории и практических выводах, но и в самой своей основе, когда было обнаружено, что материя не есть нечто постоянное и что ее первооснова — протоны, электроны и так далее — энергия. Понимание духовности вселенной присуще людям извечно, отрицание всякой духовности кратковременно и уже уходит из мира, как всякое ложное учение.

Многие из нас, ныне живущих, были воспитаны на материалистических идеях. Материализм господствовал не только в науке и искусстве, но и в школах, университетах, в прессе, в отношениях между людьми — всюду. В наше время большинство людей все еще материалисты до мозга костей.

Религия в упадке. Бога больше нет. Загробная жизнь — сказки для утешения умирающих. Упоминание какой-либо духовности свидетельствует о вашей отсталости.

Материалисты учат, что человек состоит полностью, на все 100 процентов, из материи. Жизнь — это поток разных химических и молекулярных процессов, происходящих в тканях организма; даже мысль — это что-то вроде секрета мозговых клеток. Профессор Ховард Хаггард из Лондона писал в середине XX столетия: «Мозг — это такой же орган тела, как печень или сердце... будучи стимулирована, печень выделяет желчь, сердце, когда его стимулируют, накачивает кровь, а мозг, когда его стимулируют, выделяет мысли». И так далее. При умирании материя, из которой состоял человеческий организм, распадается и существование личности прекращается.

Вот и вся философия материализма. У ученых-материалистов все просто и ясно. Они не задают себе

вопроса — зачем же все это и в чем тогда смысл жизни. И ответа на такие вопросы у них нет.

Все, даже очевидные проявления духовной жизни игнорируются или высмеиваются. Трансцендентальные духовные способности, включая предчувствия, предвидения, мистические состояния, состояния одержимости, пророческие сны и видения, ясновидение, ясновыслушивание, случаи экстериоризации и так далее, и так далее, для материалистов не существуют. Работы Карла Юнга и других ведущих психологов и психиатров, свидетельствующие о жизни души, не оспариваются, так как с фактами не спорят, а замалчиваются.

Современный нам материализм не имеет ничего общего с научным методом, хотя все еще используется для политических целей. В ряде стран материализм стал государственной философией и поддерживается правительствами этих стран, так как бездуховное население послушнее. Сами правители прекрасно понимают, что вселенная много больше, чем только материя, и делают из этого практические выводы. Так, например, проблемы жизни вне тела и другие трансцендентальные феномены изучаются в специальных государственных институтах. Труды эти держатся в строгом секрете от населения. Это понятно, так как здесь наглядно доказывается, что какая-то часть человека может выходить из тела и жить вне какой-либо связи с материей.

Мир устроен разумно, а не случайно. Не видеть этого можно, только буквально закрыв глаза, примеры на каждом шагу. Эту целесообразность материи видел и один из творцов материалистических теорий — Карл Маркс. Для него существовала только материя, а очевидную для всех изменчивость в природе и эволюцию растительного и животного мира он объяснял существующим у материи свойством саморазвиваться. Что значит это свойство и откуда оно, Маркс не объяснял.

Один из философов, отвечая материалистам, сказал: «Можно, конечно, думать, что все во вселенной сложилось как-то само собой, без участия высшего разума, но тогда можно думать, что после взрыва в типографии буквы, попадая на землю, сами собой сложились в полный текст Британской Энциклопедии».

Языки всех народов земли свидетельствуют о том, что в мире существуют понятия материальные и понятия духовные. Есть вещи, которые можно измерить и взвесить, можно видеть, слышать, воспринять одним или

всеми нашими органами чувств. И есть понятия другого порядка: любовь, ненависть, сострадание, зависть, желание, отвращение, чувство совести, стыда... Ни взвесить, ни измерить их нельзя, но все они существуют и более реальны и более важны, чем все вещи и понятия мира материального. В книге д'Сент-Экзюпери для детей и взрослых «Маленький принц» есть чудесная фраза: «Самое главное для глаз невидимо».

Лучшие умы человечества видели духовную сторону мира и верили в Бога и в бессмертие души человека. Все великие философы древности, включая Платона и Сократа, верили в бессмертие. Платон учил: «Душа человека бессмертна. Все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. Истинный мудрец желает смерти как начала новой жизни».

Верующими людьми были Ньютон, Галилей; ближе к нам: Паскаль, Пастер, Эйнштейн, основоположник науки о мозге и психике Иван Петрович Павлов, наши русские писатели и мыслители, такие как Толстой, Достоевский, В. Соловьев, а теперь Солженицын. Лев Николаевич Толстой сказал: «Не верит в бессмертие души лишь тот, кто никогда серьезно не думал о смерти».

Люди, живущие простой трудовой жизнью, особенно люди; близкие к природе, инстинктивно чувствуют присутствие Бога. Большие умы подтверждают это чувство своим знанием. А не чувствуют и не верят обычно те, кто посередине — от одного ушел, а к другому не пришел. Есть чудесная английская поговорка: «Поверхностное знание очень опасно». Это очень верно, не верят те, кто не думает серьезно. На такой вопрос, заданный ему журналистом, хорошо ответил А. И. Солженицын: «Я думаю, что ощущение присутствия Бога доступно каждому человеку, если он не будет давать себя замотать суетой ежедневной жизни». Это ответ на то, почему многие «не верят». Не думают, нет времени на то, чтобы подумать.

Многим вообще свойственно замечать только то, что бросается в глаза, только то, что реально ощутимо. Невидимое, хотя и безусловно существующее, игнорируется или просто не замечается. Человек увидит, что умерший перестал двигаться, перестал дышать, глаза остановились. Это все. И прошел мимо, не останавливаясь, не подумав и не сделав для себя никаких выводов. А ведь когда вы стоите рядом с умирающим, вы ясно

чувствуете, что происходит что-то невидимое, происходит что-то глубокое и большое, для нас необъяснимое.

В. А. Жуковский написал стихотворение «На смерть Пушкина». Оно было написано в 1837 году, а опубликовано почему-то только много лет спустя, после смерти Жуковского. Вот это стихотворение:

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня.
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были открыты глаза.
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизнь такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто виденье,
Что-то сбывалось над ним... и спросить мне
хотелось, что видишь?

Известно также немало случаев, когда человек, мужчина или женщина, вдруг просыпается ночью и чувствует, что около него стоит его мать, жена или муж, находящиеся в то время очень далеко. А потом выясняется, что этот близкий ему или ей человек умер как раз в тот момент, когда проснувшийся ощутил его присутствие рядом с собой.

Уже давно были свидетельства, что в момент смерти душа умершего может преодолеть любое пространство и посетить своих близких, любимых, живых, которые видят, слышат, а чаще только чувствуют присутствие умершего.

Животные иногда могут воспринимать невидимое присутствие лучше людей. Кошка выгибает спину, ее шерсть поднимается дыбом; собака начинает лаять.

Было много разных наблюдений, говорящих о жизни души; вера в это никогда не покидала людей. А теперь, за последние 15—20 лет, верования в продолжение существования после смерти получили и объективное подтверждение. Было сделано много новых открытий. Современные методы реанимации — возвращения жизни недавно умершим — приподняла завесу и позволили бросить взгляд «по ту сторону». Оказалось, что и после смерти тела жизнь продолжается. Многие из врачей и психологов начинали свои наблюдения и размышления, будучи скептиками, не верившими в существование души. Они

встречали новое с недоумением и изумлением, но, видя все новые случаи, в корне меняли свое мировоззрение.

Еще совсем недавно лишь немногие учение осмеливались высказывать мысли, несогласные с официальной доктриной материализма. Но наука не стоит на месте, люди узнают то, чего раньше не знали. В настоящее время у ученых, изучающих проблему смерти, нет никаких сомнений в продолжении жизни после смерти тела.

Происходит пересмотр основных научных теорий. Отрицается даже сама первичность материи. Подвергается пересмотру и наше понимание сути жизни и смерти.

Мы стоим на грани двух эпох. Эпоха материализма уходит в прошлое. На смену ей приходит совершенно другое миропонимание — вселенная не только материя, а много больше...

Глава 2

Современная наука о смерти — молодая, но быстро прогрессирующая отрасль медицины. Новые данные. Смерть клиническая и смерть органическая.

Попытки оживления умерших в древности. Современные методы реанимации. Доктор Раймонд Моуди и его наблюдения. Недоверие к новым данным и его причины.

К. Иксуль. Цитаты из Священного писания. Несколько случаев, описанных в духовной и светской литературе.

Есть люди, которые, пройдя всю свою жизнь, от колыбели до могилы, ни разу серьезно не подумали о смерти. Им, как и всем прочим, было, конечно, ясно, что смерть — это конец земной жизни в том виде, как мы ее знаем, но они видели в смерти «конец всему», конец существования личности. А это совсем не так. Тело умирает, но какая-то часть человека продолжает существовать, сохранив способность видеть, слышать, думать и чувствовать.

Раньше, еще не так давно, можно было по-разному думать о смерти, можно было сомневаться в существовании жизни за гробом, можно было «верить» или «не верить», и если последнее, то есть «не верить», было приятнее или просто удобнее, то так и делали — не думали и не верили. Однако теперь, в наше время, у

человека, не боящегося нового и знакомого с последними достижениями науки о смерти, никаких сомнений больше быть не может, потому что видеть и принимать приходится из теории, а факты.

За последние десятилетия науки сделала много новых открытий. Стало точнее известно, чем является смерть в самой сути своей, как происходит умирание человека, что чувствует умирающий, и наука начала даже приоткрывать завесу над самым главным — что ждет всех нас после смерти. То, что раньше знала и говорила нам Церковь, теперь во многом, можно сказать в основном, подтверждается наукой. Последние открытия оказались — особенно для так называемых «неверующих» — совершенно неожиданными, и далеко не все знают о них.

Современная наука о смерти — это молодая отрасль медицины, но прогрессирует она очень быстро. Известные ученые отдают ей свои силы. Наблюдения и исследования ведутся в научно-медицинских институтах и крупных больницах. Вышел ряд серьезных научных трудов.

Новые горизонты в этой области были открыты наблюдениями, экспериментами, а потом и практикой реанимации, то есть оживлением умерших людей. Сейчас предлагают различать два состояния смерти — смерть клиническую, то, что мы всегда называли смертью, и смерть органическую, когда уже началось структурное изменение тканей. Оживление возможно только в том случае, когда оно начато раньше, чем проявилось необратимое разрушение тканей организма, то есть пока ткани, хотя и мертвые, еще сохраняют свою нормальную структуру; после того как ткани начали распадаться, никакая реанимация не поможет *

В литературе есть описание случаев, когда умерший и уже объявленный мертвым иногда оживал, иногда даже без какой-либо посторонней помощи. Это побуждало людей постараться оживить только что умерших. Самые древние попытки были, конечно, очень примитивны — применяли тепло на живот, пороли крапивой, вдували воздух в легкие мехами, сажали на лошадь в надежде, что тряская езда вернет умершего к жизни. Как и сейчас с применением электрических шоков, чувствовали, что

* В русских народных сказках о живой и мертвой воде есть много скрытой мудрости. Если обрызгать мертвой водой мертвое и искалеченное, даже разрубленное на части тело героя, оно не оживет, но станет цельным. Сказка чувствует состояние клинической смерти. Только такому телу сможет вернуть жизнь вода живая.

необходимо сильное раздражение. Конечно, все эти ранние попытки редко увенчивались успехом. Тем не менее люди не переставали надеяться, что когда-нибудь станет возможным возвращать жизнь умершим. А ученые не только надеялись, но и работали над этой проблемой.

Еще не так давно, если жизненно необходимый орган переставал работать, человек умирал. Например, остановка сердца означала смерть, и ничего сделать было нельзя. Однако ученые-медики разработали новые методы оживления: искусственное дыхание, переливание крови, впрыскивание адреналина в сердце, новые фармакологические препараты. Появились сердечно-легочные машины, стало возможным стимулировать остановившееся сердце электрическими токами. И вот оказалось, что, если состояние смерти продолжалось не слишком долго и еще не произошел необратимый распад тканей организма, можно заставить остановившееся сердце биться снова, неподвижную кровь снова циркулировать и снабжать мозг и другие органы кислородом, глюкозой и другими жизненно необходимыми материалами.

Недавно умершего человека иногда удается оживить. Такие люди, прошедшие через временную смерть, потом рассказывали о своих переживаниях во время пребывания «по ту сторону». Они сохраняли способность воспринимать окружающее, могли, например, со стороны смотреть на свое мертвое тело, видеть, как врачи и сестры пытаются вернуть его к жизни, и могли слышать и понимать их разговоры. Таким образом, оказалось, что возвращенный к жизни человек сохранял память о происходившем и позже мог рассказать о том, что он видел и слышал, когда его тело было мертвым.

«Личность», или «душа», не умирает одновременно с телом, а продолжает независимое существование. Если умершего удастся оживить, душа возвращается в тело.

Одним из пионеров этой новой отрасли медицины является доктор Раймонд Моуди. В ноябре 1975 года вышла в свет его книга на английском языке «Жизнь после жизни» с подзаголовком «Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела», а в 1977 году вышла его вторая книга «Размышления о жизни после жизни».

Доктор Моуди собрал большой материал — 150 случаев; его книги написаны очень просто и ясно. Он приводит ряд клинических историй болезни с описанием

заболевания, характера смерти, применения методов оживления и рассказы своих пациентов.

Доктор Моуди пишет, как он впервые заинтересовался этой проблемой. В 1965 году, еще будучи студентом, он был на лекции профессора психиатрии, рассказавшего, что он дважды умирал, но был возвращен к жизни, и описавшего то, что происходило с ним, когда он был мертв. Фантастический рассказ профессора заинтересовал доктора Моуди, но личного опыта у него не было и он не предпринял никаких действий. Однако спустя несколько лет он встретился с другим подобным случаем и был поражен тем, что необразованная старая женщина описала то же самое, о чем говорил профессор психиатрии. После этого доктор Моуди всерьез занялся изучением этого, как он пишет, феномена — продолжения жизни после смерти тела. Он приводит много случаев.

Вот один из них — это рассказ женщины, поступившей в больницу с болезнью сердца. Она лежала на больничной койке. Когда у нее начались сильные боли в груди, она успела надавить кнопку звонка, чтобы вызвать сестер, и они пришли и начали что-то делать с ней. Ей было неудобно лежать на спине, она повернулась и вдруг перестала дышать и чувствовать удары своего сердца. Услышала крики сестер: «Дайте сигнал, дайте сигнал», а сама в это время чувствовала, что она выходит из своего тела и падает вниз, на пол, проходя сквозь защитные перила у края кровати, а потом начала медленно подниматься вверх. Она видела сестер, вбегавших в комнату, и своего доктора и удивилась: «Зачем он тут и что он здесь делает?». Она поднялась до самого потолка и остановилась рядом с висячими лампами; она видела их совершенно ясно. «Я чувствовала себя как кусочек бумажки, на которую кто-то дунул, подняв ее до потолка».

Она парила под потолком и смотрела вниз. «Я смотрела, как они старались оживить меня. Мое тело лежало там, внизу, вытянувшись на кровати. Его было ясно видно, а все они стояли вокруг него. Я слышала голос одной сестры: «О, Господи, она умерла», а в это время другая наклонилась и делала мне искусственное дыхание—губы к губам. Когда она это делала, я смотрела на ее затылок. Я хорошо помню вид ее волос — они были коротко острижены. И тогда я увидела, как они вкатили туда эту машину и дали токи на мою грудь. Когда они это сделали, я увидела, как мое тело просто прыгнуло

вверх на кровати, и я слышала, как трещали мои кости; это было ужасно. Когда я видела их там, внизу, бивших мою грудь и растиравших мои руки и ноги, я думала: «Зачем они так стараются? Сейчас мне хорошо».

Второй случай касается девятнадцатилетнего мужчины, который вез своего друга домой на автомобиле. Он рассказал, что на перекрестке на них налетел другой автомобиль. «Я слышал, как трещал бок автомобиля, а затем был один момент, будто я двигался в темноте, в каком-то со всех сторон закрытом пространстве. Все это длилось только одно мгновение, а затем я вдруг — ну как бы парил два метра над дорогой, четыре метра от автомобиля, и я слышал слабеющее эхо от грохота столкновения. Оно утихало вдаль».

Потом он видел людей, которые бежали и толпились вокруг машины, видел своего друга, вышедшего из машины и потрясенного, видел в разбитом автомобиле свое собственное тело, залитое кровью и с перекрученными ногами. Смотрел, как люди старались освободить его тело. Он был возвращен к жизни и позже рассказал об этом переживании.

Описанные выше явления и само понятие клинической смерти могут иногда вызывать недоверие. После моего доклада мне иногда возражали: «Если после клинической смерти человек оживал, значит, это не была смерть».

Как понять такое возражение? Суть ведь не в том, как назвать такое состояние — «клиническая смерть» или «около смерти», как называет его Моуди, а в самом существовании этого удивительного феномена, когда какая-то часть человека выходит из своего тела и способна наблюдать тело и все его окружающее со стороны. Уже одно это показывает, что сознательная жизнь может продолжаться вне зависимости от физического тела и даже вовсе без него.

Отрицание этого феномена говорит о нежелании человека понять и допустить его в свое сознание, и он находит словесную формулу «значит, это не была смерть», которая избавляет его от необходимости принять то, что нарушает его удобное мировоззрение. Этот механизм подсознательного блокирования хорошо известен психологам.

В медицинской литературе есть немало сообщений о продолжении жизни после смерти тела. Жизнь вне тела испытал и описал Карл Густав Юнг, один из ведущих

психологов-психиатров нашего времени, и ряд других ученых. Некоторые из возвращенных к жизни пробыли в состоянии временной смерти больше часа. С этим феноменом хорошо знакомы мормоны.

Случаи временной смерти с выходом души из тела и возвращением в него были известны и до трудов современных нам врачей-реаниматоров. Время от времени их описывали, но этим сообщениям обычно не верили, слишком уж странным казалось то, о чем они свидетельствовали. В качестве примера приведем случай К. Искуля.

Это сообщение было впервые опубликовано архиепископом Никоном в «Троицких листках» в 1916 году, а позднее перепечатано в журнале «Православная жизнь» (№ 7, 1976) и в третьем выпуске сборника «Надежда» под заглавием «Невероятное для многих, но истинное происшествие».

К. Искуль, рассказавший о своем переживании, вскоре после случившегося ушел в монастырь.

Сообщение архиепископа Никона приводится в сокращенном виде.

Он пишет, что раньше К. Искуль не задумывался, читал священные книги, признавал, что все в них написанное — правда, но чувства веры у него не было, и смерть оставалась для него финалом человеческого бытия. Он много лет был формальным христианином. Ходил в церковь, крестился, но по сути не верил, всерьез всего не принимал.

После многих лет спокойной жизни он заболел воспалением легких. Болел долго и серьезно, но как-то утром температура упала до нормы. К его удивлению, врачи забеспокоились... принесли кислород. А потом — озноб и полная безучастность к окружающему. Он рассказывает:

«Все мое внимание сосредоточилось на самом себе... и как бы раздвоение... появился внутренний человек — главный, у которого полное безразличие к внешнему (к телу) и к тому, что с ним происходит».

Он продолжает: «Удивительно было жить, видеть и не понимать ничего, такую чувствовать ко всему отчужденность. Вот доктор задает вопрос, а я слышу, понимаю, но не отвечаю — мне незачем говорить с ним... И вдруг меня со страшной силой потянуло вниз, в землю... я заметался „Агония“ — сказал доктор. Я все понимал. Не испугался. Вспомнил, что читал, что смерть болезненна,

но более не было. Но мне было тяжело, томно. Меня тянуло вниз... я чувствовал, что что-то должно отделиться... я сделал усилие освободиться, и вдруг мне стало легко, я почувствовал покой.

Дальнейшее я помню ясно. Я стою в комнате, посредине ее. Справа от меня полукругом стоят врачи и сестры, вокруг кровати. Я удивился — что они там делают, ведь я не там, я здесь. Я подошел ближе, посмотреть. На кровати лежал я. Увидев моего двойника, я не испугался, а был только удивлен — как это возможно? Я хотел потрогать самого себя — моя рука прошла насквозь, как через пустоту.

Себя стоящего я тоже видел, но ощущать не мог — рука проходила через туловище насквозь. И пола я не чувствовал... Дотянуться до других тоже не мог.

Я позвал доктора, но тот не реагировал. Я понял, что я совершенно одинок, и меня охватила паника.

Посмотрев на свое мертвое тело, он подумал, а не умер ли он. «Но это было трудно себе представить — я был живее, чем прежде, я все чувствовал и сознавал. Кроме того, в жизнь души я не верил, и эта мысль не приходила».

Позже, вспоминая пережитое, Искуль говорит: «Предположение, что, сбросив тело, душа сразу все знает и понимает, неверно. Я явился в этот новый мир таким, каким ушел из старого. Тело — не тюрьма души, а ее законное жилище, и потому душа является в новый мир в той степени своего развития и зрелости, каких достигла в совместной жизни с телом».

Он видел, как старушка няня перекрестилась: «Ну, Царство ему небесное», и вдруг увидел двух ангелов. В одном он почему-то узнал ангела-хранителя, а другого он не знал. Ангелы взяли его за руки и пронесли через стены палаты на улицу.

Затем он описывает подъем, видение «безобразных существ» («Я сразу понял, что этот вид принимают на себя бесы) и появление света... ярче солнечного. «Всюду свет и нет теней». Свет был так ярок, что он не мог ничего видеть. «Как во тьме. И вдруг сверху, властно, но без гнева, раздалось слово: „Не готов“, и началось стремительное движение вниз». Он вернулся к телу. Ангел-хранитель сказал: «Ты слышал Божие определение. Войди и готовься».

Оба ангела стали невидимы. Появилось чувство стеснения и холода и глубокая грусть об утраченном. «Она

всегда со мной». Он потерял сознание и очнулся в палате на койке.

Врачи, наблюдавшие за Иксулем, сообщили, что все клинические признаки смерти («он отсутствовал») были налицо и состояние смерти продолжалось 36 часов.

Доктор Моуди и другие ученые описали много подобных случаев. Все они говорят о том, что за порогом не начинается новое существование, а продолжается бывшее прежде. Перерыва в жизни не происходило, и личность начинала жизнь там такой, какой она была в момент перехода. Видимо, жизнь человека на земле — это только начало, только подготовка к тому, что ждет нас всех после смерти тела. Начатое здесь будет продолжаться там; вероятно, ждут и какая-то ответственность и возмездие за сделанное во время земной жизни; Об этом говорят все великие религии. И, по-видимому, очень важно перейти порог в состоянии беззлобности, умиротворенности и покоя, не унося с собой ни одного темного пятна на своей совести.

Христианство всегда знало это, поэтому и советовало каждому перед смертью исповедоваться и причаститься. Состояние личности в момент смерти важнее всей предыдущей жизни человека.

Об этом говорит и евангельское повествование от Луки (23, 32-33 и 39-43) о разбойниках. Вот оно: «Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону... Один из них злословил Его и говорил: „Если Ты Христос, спаси Себя и нас“. Другой же, напротив, унимал его и говорил: „Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал“. И сказал Иисусу: „Помяни меня, Господи, когда приедешь в Царствие Твое“. И сказал ему Иисус: „Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю“».

Жизнь разбойника была плохой, но раскаяние в последние часы перед смертью обещает хорошее начало будущего существования.

Христианство всегда говорило нам об этом. В откровении святого Иоанна Богослова сказано: «Блаженны мертвые умирающие в Господе... они успокоятся и дела их идут за ними».

Христианство всегда знало и учило, что человек — это больше, чем мясо и кости или простое сочетание

химических элементов, что, кроме тела, человек имеет душу и что в момент смерти тела душа не умирает, а исходит из тела и продолжает жить и *развиваться* в новых условиях.

Вот несколько цитат из Священного Писания. Совершенно определенно говорит о вечной жизни Самс Иисус Христос. Обращаясь к своим ученикам — апостолам, Он сказал: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную». Это из Евангелия от Иоанна (гл. 6, стих 47).

И еще: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (от Матфея 10, 28).

А вот еще слова Иисуса Христа: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (от Иоанна 5, 24).

И еще: первое свидетельство от Луки (20, 38), второе от Иоанна (12, 50 и 14, 1-2). «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы». «Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Да не смущается сердце ваше» — то есть не сомневайтесь — «в доме Отца моего обителей много...». Ближайших учеников Иисуса Христа называли апостолами — столпами веры. Сначала их было двенадцать, потом еще семьдесят. Они пришли ко Христу в разное время. Среди них были простые люди — рыбаки, были и ученые. Апостол Лука, из числа семидесяти, был врачом. Они пошли за Христом, оставив все, и, постепенно познавая новое для них, пришли к глубокой вере в единого Бога и вечную жизнь. После того ни у одного из них никаких сомнений больше не было. Они видели, что Иисус Христос возвращал умерших к жизни, и значит, смерть на земле не всегда окончательна. Они видели Иисуса Христа распятого, умершего на кресте, через три дня восставшего из гроба для жизни вечной и несколько раз являвшегося им в новом теле. Все они посвятили свою жизнь служению Иисусу Христу, подвергаясь преследованиям и мучениям. Одиннадцать из двенадцати приняли мученическую кончину. Они приняли ее радостно, без колебаний, так как знали, что умирает только тело, а душу убить нельзя, потому что она бессмертна.

Многие апостолы и ученики Иисуса Христа, а потом многие святые и просто ученые-богословы писали, что смерть не конец и что душа живет вечно. Если читать

это без предубеждения, то на душе становится светлее, ведь писали люди правдивые, отдавшие свою жизнь за то, во что они верили. И описанное ими — это результаты виденного и пережитого, а не плод размышлений; не игра ума, а результаты опыта.

Один из учеников апостола Павла, зная, что его учитель не боится смерти, спросил его об этом. Апостол Павел ответил: «Мне и здесь хорошо и там будет хорошо». Говоря о жизни после смерти тела, он сказал: «Не видел глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9).

В том же послании, в главе 15, он поясняет больше: «Не всякая плоть такая же плоть... есть тела небесные и тела земные... и как мы носили образ земного, будем носить и образ небесного... ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему — облечься в бессмертие... Смерть! Где твое жало?». Эти слова святого апостола Павла говорят о том, как христианство понимает смерть, — при умирании человек меняет свое тленное, временное тело на тело нетленное, вечное.

Для апостолов и многих святых существование души было очевидностью, поэтому они не доказывали, не убеждали, а смотрели на это, как на нечто само собою понятное. Святой Иоанн Богослов написал пророческую книгу «Апокалипсис», ее также называют «Откровение». В ней много интересного и важного, много предсказаний, частично уже сбывшихся. В первой главе святой Иоанн пишет: «Я был в духе в день Господень», а потом описывает то, что ему было показано, когда он был в духе, вне тела. Он не объясняет, что значит быть в духе, а говорит: «Я был в духе», как вы бы сказали: «Я был на улице» или «У моего соседа».

Святой Иоанн был в этом не одинок. Кроме него, о том же свидетельствовали писания многих апостолов и святых. Для них тогда было очевидным, что душа может жить и вне тела и может иногда выходить из тела и возвращаться в него.

И в последующие века в богословской литературе и в Житиях святых было много описаний жизни души.

Святой Августин рассказывает о неверующем враче Геннадии. Геннадий во время сна вышел из тела и беседовал с юношей, но не понял происходившего. Это повторилось несколько раз, но Геннадий продолжал не верить. Тогда юноша спросил его: «А свое тело, отдельно

от тебя, там, на кровати, ты видишь?» — «Вижу». — «Ведь глаза твоего тела закрыты, а ты видишь и свое тело и меня. Ты видишь духовными глазами. Знай, что после этой жизни будет другая». Святой Григорий в «Диалоге» пишет: «Часто на грани смерти душа узнает тех, с кем она будет разделять небесное жилище за аналогичную награду или наказание».... «К праведным часто являются святые, чтобы успокоить их». Архиепископ Антоний Женеvский пишет о том, что жизнь души за гробом есть естественное продолжение ее жизни на земле. Перейдя в загробный мир, душа чувствует, сознает, воспринимает, рассуждает.

Не только в духовной, но и в светской литературе есть много похожих описаний. В повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» умерший проходит через темную пещеру, видит картины всей своей прошлой жизни и появление яркого света.

Эрнест Хемингуэй описывает случай временной смерти в своем романе «Прощай, оружие!». Рассказывает герой романа, но, видимо, описанное случилось с самим автором.

Солдаты сидят в траншее под артиллерийским обстрелом. «Мы продолжали есть... я надкусил свой ломоть сыра и глотнул вина... потом послышалось: чух-чух-чух, потом что-то сверкнуло... и рев, все белое, потом все краснее, краснее, краснее в стремительном вихре... я попытался вздохнуть, но дыхания не было, и я почувствовал; что весь вырвался из самого себя и лечу, и лечу, подхваченный вихрем. Я вылетел быстро, весь как есть, и знал, что я мертв и что напрасно думают, будто умираешь и все. Потом я поплыл по воздуху, но вместо того, чтобы подвигаться вперед, скользил назад. Я вздохнул и понял, что я вернулся в себя. Земля вокруг была разворочена... голова моя тряслась и я вдруг услышал чей-то плач».

Этот солдат был тяжело ранен и пережил временный выход из тела.

А в книге, помеченной 1984 годом, опубликован рассказ Федора Абрамова «Материнское сердце».

Крестьянка везла на санях в районную больницу тяжело больного сына. Ему шесть лет. Он всегда жил в бедности и убогости. В дороге ему становится хуже. Мать торопится.

«Не довезла. Стужа была, мороз. „Степа, — говорю, — к району подъезжаем. Можешь ли, говорю, посмотреть-

то?" А он сам меня просил: „Мама, скажи, когда к району подъезжать будем". Ребенок ведь! Нигде не бывал дальше своей деревни — охота на белый свет посмотреть.

И вот Степанушко у меня голову приподнял: „Мама, — говорит, — как светло-то. Какой район-то у нас красивый..." да и все — кончился. Так на руках у матери дух и испустил».

Подобных сообщений очень много. Все больше людей говорят и пишут о жизни души вне тела. Конечно, не все. Те, кто не хотят верить ни во что духовное, все еще не видят света, входящего в мир.

Глава 3

Начало потусторонней жизни. Выход из тела. Две стадии восприятий. Аутоскопические восприятия. Жизнь продолжается. Наблюдения «со стороны». Попытки контакта с материальным миром. Пространство и время. Темный туннель. Появление света.

Трансцендентальные восприятия. Свет. Показ прошлого (Первый суд). Встречи с бестелесными существами. Что видели там. Возвращение в тело.

За последние 15—20 лет наше понимание смерти во многом изменилось. О том, что казалось неправдоподобным и невероятным, пишут не только духовные и светские писатели, но и ученые, в том числе и медики. Опубликовано много проверочных исследований.

Мы уже писали о докторе Моуди и его наблюдениях. Его заслуга в том, что он объективно подошел к этой проблеме, собрал большой материал, систематизировал его и привлек к нему внимание серьезных научных кругов. Он не был первым, занявшимся этим вопросом. До него над проблемой смерти трудились доктор Е. Кюблер-Росс из Чикаго, еще раньше — Карл Густав Юнг, профессор Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука), доктор Георг Ритчи и другие ученые. Позже много сделал доктор Михаил Сабом.

К 1980 году было известно более 25 000 случаев возвращения к жизни недавно умерших. В настоящее время их много больше. Восприятия людей во время пребывания «на той стороне» записаны, систематизированы и многие из них проверены.

Сейчас ученые предлагают различные две стадии восприятий: аутоскопическое — то, что душа видит,

слышит и чувствует непосредственно после выхода из тела, когда она находится еще здесь, в нашем мире; и трансцендентальные — восприятия души, уже ушедшей в нездешний мир.

Выше мы привели три рассказа об аутоскопических восприятиях людей, прошедших через временную смерть. Один из них, случай Иксуля, описан более 70-ти лет назад, то есть еще до того, как началось систематическое научное изучение феномена продолжения жизни после смерти тела.

Приводимые ниже примеры взяты из разных источников, многие из них — из книг доктора Р. Моуди «Жизнь после жизни» и профессора М. Сабом «Воспоминания о смерти». Оба ученых передают рассказы своих пациентов. Они говорят их словами, сохраняя этим яркость и свежесть описанных переживаний.

Аутоскопические восприятия

Вот несколько сообщений о пережитом.

Мой друг передал мне рассказ солдата, раненного во время артиллерийского обстрела. Сперва была короткая потеря сознания, а потом солдат увидел, как санитары укладывают на носилки израненное безжизненное тело. Он хотел помочь санитарам, что-то говорил им, но они не обращали на него внимания, а один из них прошел просто сквозь него. Он попытался взяться за ручки носилок, но не почувствовал их тяжести, его руки не ощущали контакта. Посмотрев на убитого или, может быть, раненого, солдат с удивлением узнал самого себя.

В сборнике «Надежда» (вып. 3, 1979) опубликован перевод с французской статьи Жан-Жака Грейфа «Жизнь после смерти». В числе описанных случаев есть такой рассказ: «Я ничего не понимал. Я видел свое собственное тело на кровати. Было грустно видеть его таким жалким... Я видел себя плоским, как на фотографии или в зеркале... Вдруг я увидел себя полностью в трех измерениях, на расстоянии двух метров. Мне понадобилось время, чтобы узнать себя».

Остановка дыхания у женщины. Реанимация. Она рассказала: «Я видела, как они старались оживить меня. Все это было очень странно. Я была выше их и будто смотрела на них сверху... Я пыталась говорить с ними, но никто не замечал меня. Доктора и сестры колотили мое тело, пытались делать вливание в кровь... Я, все

время стараясь привлечь их внимание, говорила им: «Оставьте меня в покое, я хочу остаться одна...» Но они меня не слышали. Тогда я попыталась убрать их руки, чтобы они больше не били меня, но у меня ничего не выходило. Это было, я не знаю как... я видела, что я трогаю их руки, стараясь оттолкнуть их, но они все еще были там же. Я не понимала. Я не чувствовала давления их рук, может быть, мои руки проходили сквозь них или еще что?» (Моуди. С. 43—44).

Есть много описаний того, как душа мужчины или женщины, выйдя из тела, пытается войти в контакт с врачами или сестрами, старающимися оживить безжизненное тело. Душа женщины, умершей во время остановки сердца, чувствовала себя совершенно реальной и удивлялась безуспешности попыток: «Почему они не видят, не отвечают? Может быть, это они нереальны? Как в зеркале?».

Иногда душа, парившая над своим телом, может вдруг мгновенно перенестись в другое место. Солдат, тяжело раненный во Вьетнаме, во время операции вышел из тела и наблюдал, как врачи пытались вернуть его к жизни. «Я старался остановить их, потому что там, где я был, мне было хорошо. Я был там, а он (доктор) был, но как будто его и не было. Я схватил его, а его не было. Я вроде прошел просто насквозь через него... А потом я вдруг оказался на поле боя, где я пострадал. Санитары подбирали раненых. Я хотел помочь им, но вдруг оказался снова в операционной... Это будто вы материализуетесь там, а потом снова здесь, будто моргнули глазами...»

Другой пациент сказал, что он мог посмотреть близко или вдаль, как в телефотолинзу (Сабом. С. 54—55).

Таких рассказов много. Испытавшие это говорят не о полете, а о моментальном перемещении — «чисто мыслительный процесс и очень приятный. Захотел — и я там».

Почти все пережившие состояние временной смерти говорят о каком-то темном закрытом пространстве, а потом о появлении яркого света.

«Я слышал, как доктора объявили меня мертвым, а я в это время как бы плыл в каком-то темном пространстве. Нет таких слов, чтобы это объяснить. Все вокруг было совсем черным, и только далеко-далеко я увидел этот свет. Он был очень ярким, но не очень большим сначала, а чем ближе, тем больше и больше. Я стремился

к этому свету. Страшно не было, а было хорошо. Я — христианин, и я сразу подумал: „Этот свет — Христос, ведь Он сказал: „Я свет миру“. Я сказал себе: если это смерть, я знаю, что меня ждет» (Моуди. С. 63).

В других рассказах говорится не о темном пространстве, а о чем-то вроде черного туннеля, в котором движется, летит вышедшая из тела душа.

В Священном Писании тоже есть термин «Долина смертной тени».

В конце туннеля — свет. Умерший стремится к нему, свет может напоминать собою заход солнца — яркий центр и зарево вокруг.

Видимо, туннель отделяет восприятия этого мира от потустороннего. Свет — это начало потустороннего, волшебной красоты и очарования. В рассказах тех, кто не дошел до встречи со светом, нет никаких описаний трансцендентального мира.

Трансцендентальные восприятия

Те люди, у которых состояние временной смерти продолжалось несколько дольше, рассказывают примерно то же самое, но, кроме описанных, у них бывают и совершенно другие восприятия.

«...Я знал, что я умираю и ничего сделать было нельзя, так как меня никто не слышал... Я не был в моем теле, никаких сомнений быть не могло, потому что я видел мое тело там, на столе в операционной. Моя душа была вне тела. Из-за этого я чувствовал себя очень плохо, но потом пришел этот очень яркий свет. Сперва он был немного тусклым, а потом — как очень яркий луч. Я чувствовал от него тепло. Свет покрывал все, но не мешал мне видеть операционную, и докторов, и сестер, и все другое. Сперва я не понимал, что происходит, но потом Он как бы спросил меня, готов ли я умереть. Он говорил, как человек, но никого не было. Голосом говорил Свет.

Теперь я думаю, что голос понял, что я не готов к смерти. Он как бы проверял меня. Но с того момента, когда Свет начал говорить, мне стало очень хорошо; я чувствовал, что я в безопасности и меня любят... Любовь, шедшая от Света, была невообразимой, неопиcуемой» (Моуди. С. 63—64).

Многие из переживших состояние временной смерти говорят об этом свете. Им было ясно, что говорил не

просто свет, а Кто-то в свете. Обычно они не слышали слов, но понимали их. Какого-либо языка — русского или другого — здесь не было. Они воспринимали и передавали мысли, и все было так ясно, что ни обмануть, ни утаить что-либо было невозможно. Свет всегда приносил любовь, понимание и покой.

О свете пишут также Озис и Харольдсон.

Тем, кто пытался описать этот свет, было трудно найти слова. Свет был иным, чем тот, который мы знаем здесь. «Это был не свет, а отсутствие тьмы, полное и совершенное. Этот свет не создавал теней, было просто отсутствие темноты. Свет не был виден, но он был всюду, вы были в свете» (Сабом. С. 66).

Свет понимают по-разному. Люди религиозные считают свет Иисусом Христом; неверующие искали других объяснений или вовсе не думали.

Интересно, что в «Тибетской книге мертвых» тоже пишется про встречу со светом и что, приближаясь к свету, нужно стараться чувствовать к другим только любовь и симпатию.

Существуют и другие восприятия, тесно связанные с умиранием, иногда непосредственно перед смертью, иногда — и в таких случаях ярче — вскоре после смерти. Это — просмотр, иногда связанный с переоценкой того, что произошло за время жизни.

Профессор Войно-Ясенецкий в своей книге «Дух, Душа и Тело» описывает два известных ему случая.

Адмирал Бофр рассказал, что, когда он тонул, он видел «...детство, проказы, время, потраченное зря, прежнее плавание с кораблекрушением, все это в панораме, причем каждый шаг мой являлся предо мною, сопровождаясь сознанием правильности или неправильности его, с точным пониманием его причины и следствия. Многие маленькие приключения моей жизни, на самом деле уже забытые, предстали пред моим духовным взором в полной ясности». От падения в воду до извлечения прошло две минуты. Значит, была сверхъестественная быстрота течения сознания.

В другом случае говорится об одной даме, упавшей в воду и чуть не утонувшей. С момента прекращения всяких движений ее тела и извлечения ее из воды прошло две минуты, в которые она, по ее словам пережила еще раз всю свою прошлую жизнь, развернувшуюся перед ее духовным взором со всеми подробностями.

О таком просмотре пишут Ритчи, Моуди, Сабом и многие другие. При состоянии, близком к смерти, перед глазами человека происходили, как на экране, все главные события его жизни.

Вот выдержки из длинного рассказа пациентки доктора Моуди, возвращенной к жизни на земле:

«Когда пришел Свет, Он спросил меня: „Что ты сделала в своей жизни? Что ты можешь показать Мне?“ Или что-то в этом роде. И тогда начали появляться эти картины. Они были очень ясные, трехмерные и в красках. И они двигались. Перед моими глазами прошла вся моя жизнь... я еще маленькая девочка... а потом, как я вышла замуж... мелькнуло перед моими глазами и исчезло... дольше всего стояло перед глазами, когда я приняла Иисуса Христа... это было много лет тому назад».

Она продолжает: «В каждом эпизоде, а Свет выбирал их, Он показывал мне самое главное. Он не обвинял, а как бы наставлял меня, что нужно учиться любви и просто учиться, приобретая знания, потому что это непрерывный процесс, и я буду продолжать его после того, как Он во второй раз придет за мной. Свет сказал, что на этот раз я вернусь назад» (Моуди. С. 65—68).

Вернувшиеся говорили, что этот показ похож на воспоминания, но есть и разница — во-первых, очень быстро, а во-вторых, не последовательно, а все одновременно, в один момент. Вся жизнь — за несколько секунд. Это очень живые картины; они сопровождаются эмоциями, и остается яркая память о них.

Многие рассказывали о встречах с уже умершими родственниками или просто знакомыми — иногда в земных условиях, а иногда в обстановке нездешнего, «небесного» мира. Они всегда видели уже умерших и никогда — еще живущих людей.

Женщина, пережившая эпизод временной смерти, слышала доктора, сказавшего ее родным, что она умирает. Выйдя из тела и поднявшись вверх, она увидела под потолком умерших родных и подруг. Она узнала их, а они радовались, встречая ее.

Другая женщина видела своих родственников, которые приветствовали ее и пожимали ей руки. Они были одеты в белое, радовались и были счастливыми... «и вдруг повернулись ко мне спиной и стали уходить, а бабушка обернулась через плечо и сказала: „Мы увидим тебя позже, не на этот раз“. Бабушке, когда она умерла,

было 96 лет, а она выглядела... ну, на 40—50, здоровой и счастливой».

Во время сражения рота потеряла убитыми 42 солдата. Один из них, тяжело раненный, видел свое искалеченное тело и беседовал со своими убитыми товарищами. Он их не видел, но они были тут, с ним. Говорили без голосов, но все друг друга понимали. Печали, сочувствия не было ни у кого. Назад в тело они не хотели, были там счастливы. (Оба последних случая подробнее описаны профессором Сабомом в его книге на стр. 71 и 72).

Большинство, почти все из имевших трансцендентальные восприятия, говорили о встречах с близкими им, но уже почившими людьми.

Иногда недавно умершему дается возможность выбора — остаться в потустороннем мире или вернуться в земную жизнь. Голос Света может спросить: «Готов ли ты умереть?» Иногда умершим против их желания приказывают вернуться. Душа уже преисполнилась чувством радости, любви и мира, ей там хорошо, но ее время еще не пришло; она слышит голос, какие-то слова или приказ и возвращается в жизнь на земле. Эти возможности и предписания часто принимают символическую форму ручья, тумана, другого берега и тому подобного. Таких рассказов много.

Женщина, выйдя из тела, видела протянутые к ней руки уже прежде нее умершего мужа, но дотянуться он не смог, и она снова оказалась в своем теле.

Солдат, тяжело раненный на поле боя, видел свое искалеченное тело и слышал Голос. Он думал, что с ним говорил Иисус Христос. Ему была дана возможность вернуться в земной мир, где он будет калекой, или остаться в мире загробном. Солдат решил вернуться на землю.

Вот отрывок из рассказа одной пациентки доктора Моуди: «У меня был сердечный приступ, и я оказалась в черной пустоте. Я знала, что я покинула мое тело и умираю... Я попросила Бога помочь мне, и я скоро выскользнула из тьмы и увидела впереди серый туман, а за ним людей. Их фигуры были такие, как на земле, и я видела что-то похожее на дома. Все это было залито золотым светом, очень нежным, не таким грубым, как на земле. Я испытывала неземную радость и хотела пройти через туман, но вышел мой дядя Карл, умерший много лет тому назад. Он преградил мне дорогу и сказал:

„Иди назад. Твое дело на земле еще не закончено. Сейчас иди назад". Против своего желания она вернулась в тело. У нее был маленький сын, которому она была нужна» (Моуди. С. 75—76).

Есть много сообщений о том, что встретили «на той стороне» люди, заглянувшие за завесу.

Они описывают ручей, преградивший дорогу, поле, перегороженное изгородью или рядами колючей проволоки; по одной стороне — сухая трава, по другой — чудесное пастбище, лошади, деревья — «здесь» и «там». Описывают встречи с духовными фигурами, нездешнюю природу, дома, города света.

В основном все рассказывают об одном и том же, но детали различны. Иногда люди видят то, то они ожидали увидеть. Христиане видят ангелов, Богоматерь, Иисуса Христа, патриархов. Индусы видят индусские храмы; неверующие видят фигуры в белом, юношей, иногда ничего не видят, но чувствуют «присутствие». Психологи видели в свете облик своего отца или понимали его как «коллективное сознание» и так далее. Убежденные атеисты тоже видели свет и царство света и не хотели возвращаться назад, к жизни на земле.

Есть много описаний природы, похожей на нашу, земную, но чем-то и отличную от нее: холмистых лугов, яркой зелени такого цвета, какого на земле не бывает, поля, залитого чудесным золотым светом, разделенного забором, за который переходить нельзя. Есть описания цветов, деревьев, птиц, животных, пения, музыки.

Озис и Харольдсон собрали 75 случаев трансцендентальных восприятий с описаниями лугов и садов необычайной красоты, городов, музыки, встреч с другими существами.

Свыше ста случаев приводит Моуди и столько же Сабом.

Есть очень много интересных сообщений о личных переживаниях.

Карл Густав Юнг, один из ведущих психиатров нашего времени, в книге «Воспоминания, сны и размышления» пишет о своих восприятиях вне тела во время сердечного приступа. Он был в пространстве и видел землю — пустыни, моря — с высоты 1000 миль.

Богослов протоиерей С. Булгаков после операции на горле (рак) в 1939 году тоже видел картины нездешнего мира.

В самиздате есть рассказ одного монаха Троице-Сергиевой лавры, возвращенного к жизни из состояния клинической смерти.

Вот выдержки из рассказа женщины, больной раком и вышедшей из тела во время операции. Она видела себя и двух врачей и с великим ужасом смотрела на свое тело. Весь желудок и тонкие кишки были в раковых узлах. Она стояла и думала: «Почему нас двое? Я стою и я лежу» Вдруг она очутилась в воздухе. Она чувствовала, что летит, что кто-то ее держит и они поднимаются все выше и выше; стало так светло, что она не могла смотреть... Потом она видела толстые деревья с разного цвета листьями, небольшие домики. Ей также показали ад — «змеи, гады, невыносимый смрад, бесы», а потом показали рай — там хорошо, но она услышала голос: «Спустите ее на землю», — и вернулась в тело. Она не хотела возвращаться.

Бетти Мальц описывает свои переживания в книге «Я видела вечность», вышедшей в 1977 году. Она пробыла в состоянии клинической смерти 28 минут. Случилось это в июле 1959 года во время второй операции по поводу аппендикулярного перитонита. Ей было тогда 27 лет.

Она пишет, что переход был ясным и спокойным. Сразу после смерти тела она оказалась на чудесном зеленом холме. Ее удивило, что имея три операционные раны, она стоит и ходит свободно, без боли. Над ней яркое синее небо. Солнца нет, но свет повсюду. Под босыми ногами — трава такого яркого цвета, какого на земле она не видела; каждая травинка, как живая. Холм был крутой, но ноги двигались легко, без усилий. Яркие цветы, кусты, деревья. Слева от нее — мужская фигура в мантии. Бетти подумала: «Не ангел ли это?» Они шли, не разговаривая, но она поняла, что он не был чужим и что он знал ее.

Потом перед ее взором прошла вся ее жизнь. Она увидела свой эгоизм, и ей было стыдно, но она чувствовала вокруг себя заботу и любовь.

Бетти Мальц нашла очень хорошие слова, описывая то, что она испытывала там. Она чувствовала себя молодой, здоровой и счастливой. «Я чувствовала, что я имею все, чего когда-либо желала, была всем, чем когда-либо хотела быть, шла туда, где я всегда мечтала быть».

Она и ее спутник подошли к чудесному серебряному дворцу, «но башен не было». Музыка, хор; она слышала

слово «Иисус». Стена из драгоценных камней. Ворота из слоя жемчуга. Когда ворота на мгновение приоткрылись, она увидела улицу в золотом свете. Она никого не видела в свете, но поняла, что это — Иисус. Она хотела войти во дворец, но вспомнила отца и вернулась в тело.

Ее отец, убитый горем, все эти 28 минут стоял у ее кровати и был поражен, когда она «оживла» и отбросила простыню, которой было закрыто ее лицо.

Это переживание привело ее ближе к Богу. Она теперь любит людей и люди — ее.

Не менее интересна книга доктора Георга Ритчи «Возвращение из завтра», вышедшая в 1978 году. Он описывает случившееся с ним самим в 1943 году.

Предисловие к его книге написано доктором Раймондом Моуди. «Его книга, — пишет доктор Моуди, — один из наиболее фантастических и хорошо документированных отчетов о переживании смерти, известных мне».

Свою собственную книгу доктор Моуди посвящает доктору Ритчи и «Тому Единственному, которого он называет».

Во вступлении к своей книге доктор Ритчи пишет: «Иисус — это не только сила, это невероятная, безусловная любовь». И дальше: «Я не имею понятия о том, какой будет следующая жизнь. Я смотрел, можно сказать, только из прихожей, но я видел достаточно, чтобы полностью понять две истины: наше сознание не прекращается с физической смертью, и время, проведенное на земле, и отношения, которые мы выработали к другим людям, много важнее, чем мы можем думать».

В возрасте 20 лет, готовясь поступать в университет, Ритчи заболевает. После длительной и тяжелой болезни он слышит, как врачи объявляют его мертвым. Его душа выходит из тела, некоторое время странствует и наконец оказывается в маленькой комнате, где на больничной кровати лежит закрытое простыней тело. Он не сразу понял, что это его тело и что, значит, он умер. Он представлял себе смерть как какое-то небытие, а он был жив, видел и думал.

Свет в комнате усилился, он был настолько ярок, что физические глаза его не вынесли бы. Ритчи начинает чувствовать «присутствие» и потом видит Иисуса Христа.

Христос любит его полной и безграничной любовью, и Ритчи испытывает покой, радость и такое удовлетворение, что он хочет остаться в таком состоянии навсегда.

Перед его взором проходят все годы его жизни, здесь было все — в данный момент и в течение времени; он видел знакомых людей, которые двигались и говорили. Время шло очень быстро — вся жизнь за несколько минут. Ритчи воспринял вопрос: «Как ты использовал свое время на земле?» Вся его жизнь была видна — Христос спрашивал не о фактах, а об их значении — что важного сделал Ритчи за свою жизнь. Ему было показано, что важны не его личные достижения, а любовь ко Христу и людям.

Потом — полет в сопровождении Христа и несколько видений загробной жизни на земле и в потустороннем мире. Улицы, дома, фабрики, люди и бестелесные существа.

Он видел самоубийц. Они страдают. Они прикованы к жертвам своего акта. Они причинили страдания другим, плачут, просят прощения у тех, перед кем они виноваты, но их не слышат. Ничего сделать нельзя.

Он видел и другие картины ада — привязанность к земным желаниям, которые там неутолимы. «Где лежит твое сердце, там и ты сам».

Потом он видел небесный мир, где процветают наука, искусство, музыка. Библиотека всеобъемлющего знания. Существа — по виду такие, как люди, трудятся, не думая о себе. Они росли в земной жизни и продолжают расти.

Он вернулся в тело против своего желания. Его рассказ встретили с недоверием, но пережитое изменило его жизнь и его самого.

У святых, поднятых в духе на небо (апостолы Иоанн, Петр и другие), тоже есть описания небесного мира и его природы. Они видели луга, цветы, реку; видели птиц и слышали их пение.

Почти все рассказы людей, переживших клиническую смерть, имеют светлый характер. Смерть не страшна, нам ничто не угрожает; смерть рисуется как приятное переживание. Так, однако, бывает не всегда. В сообщении доктора Ритчи, Бетти Мальц и других фигурирует и ад. Переживания вне тела у самоубийц, возвращенных к жизни на земле, тоже носили далеко не радостный характер. Мужчина, покончивший с собой после смерти жены, попадает в такие ужасные условия, что не находит слов для их описания.

Возврат в тело происходит моментально, иногда совпадая с применением электрического шока или другим реанимационным приемом.

Часто, после того как пришло понимание наступившей смерти, у умершего появляется чувство горечи и острое желание вернуться в тело. Однако по мере углубления восприятия горечь проходит и, наоборот, появляется желание остаться там. Некоторые даже пытаются сопротивляться возвращению в тело, особенно те, кто встретился со Светом.

«Я хотел всегда оставаться в присутствии Света».

Назад в тело притягивает чувство обязанности по отношению к оставленным, а иногда и желание закончить что-то начатое на земле. Несколько женщин говорили, что ради себя они хотели бы остаться «там», но вернулись из-за маленьких детей.

«Я не хотела возвращаться, но подумала о своих маленьких детях и муже».

«Я был вне тела и понял, что я должен принять решение... Там, на той стороне было очень хорошо, и я вроде хотел остаться. Но я знал и то, что на земле я смогу делать что-то очень хорошее... и я подумал: „Да, я должен идти назад и жить“, — и я вернулся в тело» (Моуди. С. 79).

Некоторые считают, что возвращение было результатом их собственного решения. Другие думают, что Бог разрешил им вернуться и жить еще, потому что дело их жизни не было закончено, и что Он удовлетворял их просьбу, если она не была эгоистичной.

Были и такие, которых вернули вопреки их желанию остаться: «Еще не время, иди назад».

Попытки сопротивляться не помогали. Какая-то сила тянула назад, часто через черный туннель.

Еще некоторые считают, что против их желания их вернули молитвы или любовь оставляемых ими близких людей.

Возврат в тело иногда происходит моментально. Все восприятия исчезают, и он или она сразу чувствуют себя снова в кровати. Есть рассказы о том, что человек, наблюдавший со стороны за попытками оживления своего тела, в момент применения электрического тока вдруг терял все восприятия и оказывался снова в своем теле.

Некоторые чувствуют, что входят в тело как бы толчком. Сперва бывает неуютно и холодно. Иногда перед возвращением в тело бывает короткая потеря сознания. Врачи-реаниматоры и другие наблюдатели отмечают, что в момент возвращения к жизни человек часто хихает. О том же говорит народное поверье.

Рассказы людей, прошедших через временную смерть, говорят о совершенно новом; новом для науки, но не для христианства. Многие ученые, в том числе и медики, прошли мимо не думая, но нашлись люди, которые увидели, что раскрывается нечто новое в понимании самой сущности человеческого существования, и постарались дать не только описания, но и поискать доказательства тому, что эти кажущиеся странными явления не фантазия, а существуют на самом деле. Этим проверочным работам посвящена следующая глава.

Глава 4

Доктор Михаил Сабом и его проверочные работы. Несколько свидетельств о продолжении жизни после тела.

Сомнения. Необычность описанного. «Да, это было, но этого не могло быть». Часто ли это бывает?

Трудность собирания материала. Новым знанием делаться неохотно. Его влияние на характер и образ жизни.

В предыдущей главе было приведено много свидетельств о жизни души независимо от тела и после смерти тела. Сообщения, сделанные докторами Моуди, Сабомом, Кюблер-Росс и другими, очень интересны и важны. Случаи тщательно отобраны. В большинстве своем — это клинические истории болезни с описанием заболевания, характера смерти, примененных методов оживления и свидетельств людей, возвращенных к жизни.

Рассказы о пережитом «на той стороне» искренни и схожи, отличаясь друг от друга только в деталях; люди разных уровней образования, разных профессий, национальностей, пола, возраста и так далее говорят об одном и том же. Это поражало всех ученых, занимавшихся этим вопросом. Необразованная женщина видела и переживала то же самое, что и профессор психологии. Обычно часть человека, вышедшая из тела, видела свое тело со стороны, часто сверху, видела врачей и сестер, старавшихся оживить его, и все, что происходило вокруг, а немного позже воспринимала и многое другое.

Несмотря на их правдивость и искренность, эти сообщения все еще не были абсолютно доказательны, так как во многом они основывались на рассказах людей, прошедших через временную смерть. Не хватало объективной научной проверки — действительно ли су-

ществует этот, как его называют ученые, феномен продолжения жизни после смерти тела.

Следующий шаг сделал доктор Сабом. Он организовал проверочные наблюдения и подтвердил, а по сути доказал, что сообщения о жизни после смерти не выдумка и что личность после смерти тела действительно продолжает существовать, сохраняя способность видеть, слышать, думать и чувствовать.

Доктор Михаил Сабом — профессор медицинского факультета в университете Эмори в Соединенных Штатах Америки. Он специалист-кардиолог, член Американского общества кардиологов и имеет большой практический опыт реанимации (оживления). Его книга на английском языке «Воспоминания о смерти» с подзаголовком «Медицинское исследование» вышла в 1981 году. Доктор Сабом подтвердил то, о чем писали другие, но главное в его книге не это. Он провел ряд исследований, сопоставляя рассказы своих пациентов, переживших временную смерть, с тем, что фактически происходило в то время, когда они находились «по ту сторону», и что было доступно объективной проверке. Результаты его трудов подтвердили вышеописанные наблюдения других ученых. После смерти тела жизнь продолжается. Сомневаться в этом могут только те, кто не знаком с последними достижениями медицинской науки, изучающей смерть.

Доктор Сабом пишет, как он пришел к изучению этого вопроса. Он работал в больнице на ночных дежурствах со срочными вызовами к умирающим. В это время его взгляды на смерть были очень простыми. Он пишет: «Если бы меня спросили, что я думаю о смерти, я ответил бы, что, когда приходит смерть, человек умирает, и это все». Он строго отделял науку от религии и видел смысл религии в моральных предписаниях и утешении умирающих. Он был человеком неверующим, признавая только науку, и в своей работе доверял только точным лабораторным и техническим данным. Конечно, иногда наталкивался на что-либо необъяснимое, но тогда считал, что позже наука объяснит и это.

С книгой Моуди «Жизнь после жизни» он познакомился в 1976 году и описанным там случаям сначала не придавал особого значения. Книжный рынок тогда, как и теперь, был наводнен самой дикой фантастикой. Книгу Моуди легко было принять за интересную выдумку, однако Сабом заинтересовался и начал расспрашивать своих пациентов. Их рассказы подтвердили описанное Моуди,

и доктор Сабом был поражен искренностью людей, прошедших через временную смерть, и одинаковостью их переживаний.

Его больные, испытавшие состояние временной смерти, обычно никому до него о пережитом не рассказывали, друг друга не знали, и тем не менее все их рассказы говорили об одном и том же. Так, например, эти люди рассказывали, что, выйдя из тела, они могли свободно перемещаться, куда им угодно, и могли видеть и слышать происходившее в других комнатах и коридорах больницы, на улице и так далее. Они могли делать это в то время, когда их тело лежало бездыханным на операционном столе. Они могли видеть со стороны свое собственное тело и все, что с ним делали врачи и сестры, старавшиеся вернуть его к жизни.

Доктор Сабом решил проверить эти удивительные сообщения, посмотрев на них со стороны глазами объективного исследователя. Он проверял, совпадают ли рассказы больных с тем, что в это время происходило на самом деле. Действительно ли применялись те медицинские аппараты и методы оживления, которые описывали люди, бывшие в это время мертвыми, действительно ли в других комнатах, отдаленных от той, в которой находился умерший, происходило то, что последний видел и описывал.

Доктор Сабом собрал и опубликовал 116 случаев. Все они проверены им лично. Он сверял рассказы больных с историями болезни, расспрашивал тех людей, которых видели и слышали его пациенты, возвращенные к жизни, опять-таки сверяя показания тех и других. Так, например, он проверял, действительно ли описанные люди находились в комнате для ожидающих и в какое именно время. Он составлял точные протоколы с учетом места, времени, участников, произнесенных слов и так далее. Для своих наблюдений он отбирал только психически здоровых и уравновешенных людей.

Такая проверка полностью подтвердила существование изучаемого феномена. Подтвердилось, что после смерти тела существование личности продолжается. Какая-то часть человека остается жить, она видит, слышит, думает и чувствует, как и раньше.

В то время когда тело было мертвым, люди видели не только включенные аппараты, но и стрелки их манометров в том положении, которое они принимали в действительности, они детально и точно описывали

машины и приборы, которых они раньше и не видели и о существовании которых не знали. Они слышали разговоры врачей и сестер; наблюдая сверху, они видели их прически и головные уборы, видели, что происходило за стенами комнаты, в которой лежало их тело, и так далее. Все эти удивительные сообщения получили достоверное подтверждение.

Для иллюстрации приводим несколько примеров и сообщений доктора Сабома.

Тяжелый сердечный приступ с остановкой сердца у 44-летнего мужчины. Для оживления пришлось применить несколько электрических шоков. Умерший наблюдал происходившее с позиции вне своего физического тела и позже смог сделать детальное описание.

«Я был как-то отдельно, стоял в стороне. Я не участвовал, а смотрел безучастно, меня это не очень интересовало... Прежде всего впрыснули что-то через резиновую трубочку, которая там для вливаний... потом они подняли меня и положили на доску. И тогда один из докторов начал бить по моей груди. Они раньше давали мне кислород — такая резиновая трубочка для носа, а теперь они ее вынули и положили на лицо маску. Она покрывает рот и нос. Она для давления... светло-зеленого цвета... Я помню, как они вкатили столик, на котором было что-то, как лопасти. И на нем был манометр, квадратный, с двумя стрелками. Одна стояла, а другая двигалась... она двигалась медленно, не прыгала сразу, как на вольтметре или других приборах. Первый раз она дошла до... между третью и половиной шкалы. И они повторили это, и она прошла больше половины, и на третий раз почти три четверти. Неподвижная стрелка дергалась каждый раз, когда они толкали эту штуку и кто-то возился с ней. И я думаю, они ее починили и она остановилась, а другая двигалась... И были две лопасти с проводами от них; это — как два круглых диска с ручками. Они держали в каждой руке по диску и клали на мою грудь. На ручке были маленькие кнопки... я видел, как меня дергало...» (С. 48).

Персонал, участвовавший в реанимации, подтвердил этот рассказ во всех деталях.

Второй случай: 60-летний рабочий, переживший остановку сердца, рассказал: «...умирая, я видел там мое тело и мне было жаль бросать его... я видел все, что делалось... сперва не знал, кто это был, и тогда я посмотрел очень близко и увидел себя и не мог этого

понять... как же это? Я смотрел сверху и тихо поднимался все выше».

Потом он описывает, что делали с его безжизненным телом врачи и сестры: «Я все понимал... и я видел моих родных в приемном покое госпиталя... совершенно ясно... они стояли там — моя жена, мой старший сын, моя дочь, а также доктор... нет, не было никакой возможности, чтобы я был где-то там, меня в это время оперировали... но я видел их и чертовски хорошо знаю, что я был там... я не знал, что происходит и почему они плакали. А потом я пошел дальше, я попал в другой мир» (С. 154).

Доктор Сабом позже расспросил жену и дочь своего пациента. Жена полностью подтвердила рассказ своего мужа. Дочь тоже помнила, что в это время они втроем были в комнате для ожидающих и разговаривали с врачом ее отца.

Такое состояние временной смерти может наступить у человека не только при остановке сердца, но и при других обстоятельствах, например во время хирургической операции. Доктор Сабом приводит один из таких случаев. Его пациент был в состоянии клинической смерти, под глубоким наркозом, с остановившимся сердцем и, конечно, без сознания. Он был с головой укрыт операционными простынями и физически не мог ничего видеть или слышать. Позже он списал свои переживания. Он видел в деталях операцию на своем собственном сердце, и его рассказ соответствовал тому, что действительно происходило.

Вот короткие выдержки из его длинного рассказа: «Анестезист обезболит эту часть и вставил туда эту штуку (внутривенно). Я, очевидно, заснул, я ничего не помню, как они перевезли меня из этой комнаты в ту, где оперируют. А потом вдруг я увидел, что комната освещена, но не так ярко, как я ожидал. Мое сознание вернулось... но они уже что-то сделали со мной... моя голова и все тело были покрыты простынями... и тогда я вдруг начал видеть то, что делается... я как бы был на пару футов над моей головой, будто был еще одной персоной в комнате... я видел двух докторов, как они зашивали меня... они пилили грудную кость... я мог бы нарисовать вам пилу и вещь, которой они раздвигали ребра... она была завернута вся вокруг и была из хорошей стали, без ржавчины...»

Он описывает ход операции: «много инструментов... они (доктора) называли их зажимами... я удивился, я

думал, что везде будет много крови, а ее было очень мало... и сердце не такое, как я думал. Оно большое; большое сверху и узкое внизу, как континент Африка. Сверху оно розовое и желтое. Даже жутко. А одна часть была темнее, чем остальное, вместо того чтобы все было одного цвета... Доктор С. стоял с левой стороны, он отрезал кусочки от моего сердца и вертел их так и этак и долго рассматривал... и у них был большой спор, нужно ли делать обвод или нет. И решили этого не делать... У всех докторов, кроме одного, ботинки были в зеленых чехлах, а этот чудака был в белых ботинках, покрытых кровью... это было странно и, по-моему, антигигиенично...» (с. 93—96).

Описанный больным ход операции совпадал с записями в операционном журнале, сделанными, конечно, другим стилем.

В истории болезни было отмечено, что восстановить кровообращение было трудно — подтверждение тому, что больной действительно пережил состояние временной смерти.

Очень интересно самое начало этого рассказа, когда больной, сам не размышляя и не стараясь понять, описывает простыми словами два совершенно разных состояния: глубокого наркоза и клинической смерти. В первом случае — потеря сознания, полное «ничто»; во втором — способность со стороны видеть свое собственное тело и все окружающее, способность видеть, слышать, думать и чувствовать, находясь вне своего тела.

Повторяю его слова: «Анестезист обезболит эту часть и вставил туда эту штуку. Я, очевидно, заснул, я ничего не помню, как они перевозили меня из этой комнаты в ту, где они оперируют». Это — действие наркоза. Многие из нас точно так, но ошибочно, представляют себе и смерть — полное ничто, отсутствие каких-либо восприятий. Однако больной продолжает: «А потом я вдруг увидел... мое сознание вернулось... я видел двух докторов, как они зашивали меня, я слышал их разговоры, я мог понимать... я был вне моего тела». Это не наркоз, а продолжение жизни души после смерти тела, в данном случае после временной смерти тела.

Конечно, многие совсем иначе представляют себе смерть. Тем из нас, кто отошли от христианства и о Боге и о душе вообще не вспоминают, тем трудно принять факт, что после смерти тела какая-то часть человека продолжает сознательное существование.

Это относится и ко многим врачам. Возникали сомнения и у ученых, изучавших феномен «жизни после жизни».

Конечно, рассказы, вроде приведенных выше, когда вы их слышите в первый раз, могут показаться просто выдумками. Поверить в это вот так, сразу, трудно, и не только вам или мне. Не сразу поверили и все трое названных нами ученых: Кюблер-Росс, Моуди и Сабом.

Все трое — люди далекие от какой-либо фантастики, спокойные и серьезные ученые. Их книги написаны сухим, точным языком, без всяких украшений. Их целью являлось не удивить или развлечь читателя, а объективно проверить новые данные. Все сомнительное они отбрасывали и выводов по сути не делали, ограничиваясь изложением фактов.

Они долго не знали друг друга и работали отдельно, но результаты наблюдений всех троих оказались идентичными. Все они начали работу, будучи скептиками, верившими науке, а не религии, ожидая, что их исследования, скорее всего, покажут ошибочность и ненаучность верований в загробную жизнь. Но все трое были объективными учеными и, встретив неожиданное, не побоялись признать его и подтвердить своим авторитетом, хотя это могло уронить их в глазах собратьев-ученых, в большинстве своем настроенных скептически. Все трое стали людьми верующими. Доктор Кюблер-Росс, отвечая на вопрос, сказала, что для нее это не вопрос веры, потому что она совершенно твердо знает, что после этой жизни на земле будет другая.

В начале своих трудов все трое ученых встретились с сомнениями; а не выдумывают ли или хотя бы не приукрашивают ли те, кто рассказывает о своих фантастических переживаниях? Почему так мало подобных свидетельств? Почему мы начали узнавать об этом только так недавно?

Однако оказалось, что такие случаи совсем не редкость. Доктор Сабом позже начал читать лекции о жизни после смерти и по окончании лекции приглашал желающих выступать. Каждый раз в аудитории из 30—35 человек находились один или двое, сообщавших, что и на их долю выпали подобные переживания. И все эти переживания, хотя и различались в деталях, в основном были близки одно к другому

у людей разного социального положения, профессии и так далее. У верующих и у неверующих, у простых людей и у ученых — одно и то же.

На вопрос: «Почему вы до сих пор никому об этом не рассказывали?» — обычно следовал ответ: «Я боялся, что мне не поверят, будут высмеивать или сочтут ненормальным».

Обычно люди, заглянувшие за завесу, были склонны скрывать от других то, что они там увидели. Они раскрывались и начинали рассказывать только после того, как убеждались, что здесь не простое любопытство, а серьезная заинтересованность, и чувствовали симпатию спрашивавшего. Зато, встретив внимание и понимание, они были рады облегчить душу и поделиться тем, чего многие не понимали и что их смущало. Некоторые начинали сомневаться в здравости своего ума и радовались, когда узнавали, что и с другими случалось то же самое, что и с ними.

Были и такие, которые просто не могли освоить происшедшее. Один из них, пытаясь объяснить, сказал: «Да, это было, но этого не могло быть».

А второй после своего рассказа добавил: «Это открыло мне новый мир... я думал... есть столько такого, что я должен найти и понять».

Многим из рассказавших было трудно найти слова для описания того, что они пережили. Они говорили: «В нашем языке нет таких слов... это другое... это не наш мир трех измерений...»

Все трое ученых пишут об искренности тех людей, которые рассказывали о пережитом, и что у них не было сомнений, что все это произошло на самом деле. Многие из тех, кто ближе узнал, что такое смерть, пришли к вере в Бога и изменили свой образ жизни: они стали серьезнее и глубже. Некоторые переменили профессию, некоторые пошли работать в больницы или дома для престарелых, чтобы помогать тем, кто нуждается в помощи.

Один из побывавших «там» мужчин, закончив свой рассказ, сказал, что, по его мнению, все это было показано ему Богом. Он может объяснить это только так. Теперь он знает, что есть жизнь после смерти, а не просто смерть. Проникнув в этот большой секрет, он потерял страх. Он думает, что Бог не хотел его смерти, а дал ему взглянуть на эту большую тайну и потом отправил его назад.

Соприкосновение с тем, что лежит за гробом, меняет характер людей в лучшую сторону.

Большая перемена произошла и с самим доктором Сабомом. Он кончает свою научную, во многом статистическую книгу на религиозной ноте. Он пишет, что, встречаясь лицом к лицу со смертью, люди получали что-то от Духа (с большой буквы), что оставалось потом в их жизни. А последняя фраза его книги — это цитата из 1-го Послания апостола Павла к Коринфянам: «Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13, 12—13).

Глава 5

Новые данные науки о смерти. Их оценка. Что стало яснее и что нет. У всех ли будет жизнь за гробом?

Восприятие за порогом: время и пространство, реальность восприятий, трудность понимания.

Функция и материя. Эмоциональные и ментальные изменения личности. У личности не две жизни, а одна.

В предыдущих главах говорилось о том, что встретили на «той стороне» люди, прошедшие через временную смерть. Это были описания их наблюдений, часто переданные их собственными словами, без каких-либо выводов и комментариев. Их рассказы правдивы и очень интересны, и им хочется верить; однако тому, кто до сих пор никогда серьезно не думал о том, что ждет его после смерти, трудно вот так сразу принять новые данные. Они противоречат самому духу нашего времени и человеку, живущему материальными интересами, кажутся необычными и неправдоподобными. Кроме того, собранные факты еще неполны и отрывочны, мы только начали собирать и осваивать их. Многое было непонятно и для самих людей, рассказывавших о своих переживаниях.

Для того чтобы глубже понять суть и смысл того нового, что сейчас меняет наше миропонимание, нужно время, однако возникает несколько вопросов, о которых хочется подумать сейчас и получить хоть какой-то ответ.

Прежде всего — все ли прошедшие через временную смерть имели описанные восприятия или только часть из них. Все ли свидетельствовали о продолжении жизни после смерти тела? Вопрос этот близко касается каждого

из нас. Буду ли я жить после смерти тела, или мое существование может кончиться без следа? Мы знаем, что феномен продолжеш-ч жизни после смерти тела существует, но для всех ли?

Ученые-медики не смогли дать ответа на этот вопрос. К 1980 году было собрано свкл.:s 25 000 случаев возвращения к жизни недавно умерших. Доктор Кюблер-Росс сообщает, что на ее материале только 10% из опрошенных имели ясные воспоминания о пережитом. Другие авторы говорят о 25, 40 и больше процентах. Фред Скунмэйкер, глава сердец з-сс дистого отделения больницы в Дэнвере, штат Колорадо, США, собрал данные о 2300 пациентах, нахо- :я на грани смерти или переживших клини : :у; э сг j 1400 из них имели вышеописанные воспри: . Доктор Карлис Озис разос- лал вопросник врачам и с< tграi I в no: учил много ответов. Из 3800 больных, умирзг.ших при полном сознании, более одной трети, находясь па грани смерти, видели разные бестелесные фигуры или, выйдя из тела, имели те или иные восприятия. Доктор Озис отмечает, что верующие имели видения чаще, чем неверующие. Все свидетельствуют, что восприятия были однозначными и совпадали с теми, которые были описаны выше. Пятилетние дети и 75-летние старики видели и чувствовали одно и то же. Чем дольше они находились вне своего тела, тем ярче и сильнее были их переживания.

Значит, далеко не все люди, бывшие близкими к смерти, свидетельствовали о потусторонней жизни, большинство говорили только о пустоте, о потере сознания.

Означает ли это, что только некоторые из нас, а не все будут иметь потустороннюю жизнь? Объективная наука ответить на этот вопрос еще не может. О потусторонних восприятиях говорят не все. Однако многие из опрашиваемые не хотели отвечать, скрывались, видимо, опасаясь недоверия и насмешек. Да и сами мы, проснувшись утром, всегда ли помним наши сны? Многие восприятия, особенно беспокойные, памятью не сохраняются.

Христианство дает на этот вопрос совершенно определенный ответ — душа человека бессмертна и будет жить вечно. Говорит, однако, и о том, что качество этой будущей бестелесной жизни будет очень различным у разных людей. Мы приводили выше цитаты из Священного Писания, но еще вернемся позже к этому вопросу.

Почти все мы в той или иной степени смерти боимся. Как это будет? Будем ли мы страдать? Будет ли боль? Очень ли сильная?

Видимо, на этот вопрос можно ответить определенно. Никто из побывавших «за порогом» и, значит, перешагнувших через «момент» умирания, боли не упоминал. Боли не было. Никаких физических страданий тоже не было. Боль и другие симптомы могла приносить с собой болезнь, но они продолжались только до критического «момента»; ни во время него, ни после их не было. Наоборот, приходило чувство покоя, мира и даже счастья.

Самый «момент» неощутим. Некоторые, но далеко не все, а только немногие говорили о потере сознания на короткое время.

Здесь интересно еще одно. Многие, большинство, некоторое время не знали, что они умерли. Они продолжали видеть, слышать и соображать, как и прежде, но оказывались в новой и странной обстановке — парили под потолком, видели свое тело со стороны и так далее. И только тогда они начинали подозревать: «А не умер ли я?» Прихода смерти они перед этим вообще не воспринимали.

И ведь это понятно и совершенно естественно. Личность продолжала жить, смерти личности не было и, значит, никаких ощущений того, чего не было, и быть не могло.

Вот отрывок из одного интервью. Врач спрашивает своего возвращенного к жизни пациента о том, как он умирал: «А в какой момент вы потеряли сознание?» Пациент с раздражением отвечает: «Я никогда не терял сознания. Я все видел и помню». Продолжая свой рассказ, он говорит: «...и я сперва не знал, что это мое тело, над которым они трудились, мне и в голову не приходило, что я мертв... никакой боли... смерти бояться нечего».

Исчезновения, небытия нет, а есть переход из одного состояния в другое, и переход этот безболезнен и сам по себе неощутим. Меняется обстановка, меняется характер восприятий и тогда приходит понимание — «я умер».

Радостно знать, что в критическое время не будет ни боли, ни каких-либо неприятных физических ощущений, но сразу возникает следующий вопрос — ну а потом? Что будет со мной потом?

Почти все имевшие опыт загробной жизни говорили о мире и покое. Они были окружены любовью и чувст-

вовали себя в безопасности. Можно ли надеяться, что это относится ко всем нам и что никому из нас после смерти тела ничто плохое не угрожает? Наука ответить на этот вопрос не может; добытые ею данные говорят не о загробной жизни, а только о ее начале, только о первых минутах, редко — часах после перехода.

Большая часть описаний этих первых минут действительно носит светлый характер, но не все. Мы уже упоминали страшные видения ада в сообщениях Ритчи, Бетти Мальц и пациентов Моуди и Сабома. Рассказы возвращенных к жизни самоубийц тоже не радостны. Кроме того, известно, что неприятное часто забывается, а трудные и нежелательные переживания вытесняются из памяти в подсознание.

Об этом пишет доктор Морис Ровлингс в книге «За дверью смерти» (описание этого случая приводится по книге Тима Лехай «Жизнь за гробом»). Он был озабочен тем, что сообщения Моуди, Кюблер-Росс и других создают ложное впечатление. Не все восприятия перехода приятны. Он описывает своего пациента, который во время остановки сердца попал в ад. В процессе оживления он несколько раз приходил в себя, но сердце снова останавливалось. Когда он был в нашем мире и обретал дар речи, он все еще видел ад, был в панике и просил врачей продолжать оживление. Эти процедуры болезненны, и обычно больные, возвращаясь к земной жизни, просят прекратить их. Спустя два дня у больного не осталось никаких воспоминаний о происходившем. Он все забыл, он никогда не был в аду и никакого ада не видел.

После перехода личность попадает в другие условия существования. «В загробном мире, — пишет доктор Ритчи, — все законы субстанции нарушены. Там можно проходить сквозь стены, не чувствовать прикосновения, перелетать моментально...» Видимо, переступив порог, личность вступает в какие-то иные отношения со временем и пространством. «Я могла мгновенно переноситься в любое место по моему желанию». «Моргнул и вижу, что происходит».

О времени, когда они были «за порогом», никто не говорил и, видимо, не думал, будто его и не было. Потом оказывалось, что просмотр всей жизни, длительные видения, встречи и разговоры занимали одну-две минуты земного времени, а может, и вовсе не занимали. О «сжатии времени» в снах пишет Фрейд и приводит

примеры длинных и сложных сновидений, занимавших менее одной минуты земного времени.

Отец семейства видел в ином мире своих умерших шестерых детей. Все они были в том возрасте, когда они были ему наиболее близки. «У них там нет возраста».

Время и пространство там иные, чем на земле. Мы не знаем, какие они и существуют ли они, но, по-видимому, они менее абсолютны для бестелесного существа, чем для нас.

В главе третьей описывались встречи с прежде умершими родственниками и знакомыми. Душа, перешедшая в загробный мир, встречает и каким-то образом безошибочно узнает тех, кто был ей близок, и в том возрасте, когда любовь, связывавшая их, была особенно сильной, будто родственное притягивается друг к другу.

О встрече со Светом, просмотре прошедшей жизни и значении этого будет говориться в 9-й главе этой книги.

Все, происходившее за гробом, воспринималось как абсолютно реальное. Все были уверены, что пережитое и описанное ими произошло на самом деле. «Я была реальной, а это она (медицинская сестра, делавшая искусственное дыхание) была нереальной». Для них это было бесспорно, даже когда их мозг отказывался принять это: «Я не понимаю... Да, это было, хотя этого не могло быть. Это что-то, что не может существовать, но оно существует».

«Да, я знаю, многие не поверят, скажут, что такого быть не может. Но это ничего не изменит, и пусть мне говорят: „Не может быть, наука докажет, что этого нет“, — я знаю, я там был».

Он вышел из тела и наблюдает за операцией на самом себе. Ему хорошо, операция совсем не нужна. Он пытается остановить доктора, но у него ничего не выходит. «Я схватил его за руку, а его не было». «Я был реален, а это он был нереален... как в зеркале». Он, в его мире, чувствует и понимает, что он реален, а доктора там действительно нет.

Женщина-психиатр, прошедшая через временную смерть, сказала: «Люди, имевшие эти переживания, знают; те, кто их не имели, должны ждать».

В то время когда тело и вышедшая из него часть человека существовали отдельно, все внешние стимулы воспринимались последней. Тело ничего не чувствовало, и все, что с ним происходило, наблюдалось и описывалось

со стороны. Она парит под потолком и наблюдает: «Когда они применили шоки, я видела, как мое тело просто прыгнуло вверх... я ничего не чувствовала, никакой боли не было...»

Все, что потом сохранилось в памяти, относилось к восприятиям и переживаниям вышедшей части, а не тела. Тело оставалось неподвижным и совершенно безучастным, оно не видело, не слышало, не чувствовало до тех пор, пока вышедшая часть не возвращалась в него; после этого физические глаза начинали снова видеть, уши слышать, а мозг функционировать. Человек становился таким, каким он был до остановки сердца или несчастного случая.

Точно такая же последовательность событий наблюдается и при путешествиях «астрального тела» у индусских йогов.

Существование перешедших в другой мир было реальностью, но обстановка, в которой они оказывались, особенно при трансцендентальных восприятиях, была настолько необычной, что описать ее было почти невозможно. Они не могли передать и объяснить нам, им самим было трудно. «В жизни (на земле) такого нет. В нашем языке нет таких слов. Это другое... это не наш мир трех измерений...»

Сообщений о том, какой видела сама себя вышедшая из тела часть человека, очень немного. Они отрывочны и не очень ясны. Видимо, внимание было привлечено другим. Когда мы впервые попадаем в экзотическую страну, мы тоже рассматриваем не самих себя, а то, что нас окружает.

Во всех рассказах о потусторонних восприятиях есть одна очень интересная сторона. Совершенно определенно говорится о сохранении и даже обострении функций. Зрение и слух яснее, чем раньше, понимание настолько полное, что обмануть или что-либо утаить невозможно. В то же время описаний анатомической субстанции, формы — почти нет.

Одна из женщин, находясь «за порогом», пыталась оттолкнуть руку медсестры, растиравшей ее безжизненное тело. На вопрос, видела ли она свою собственную руку, она ответила: «Да, у меня было что-то вроде руки, но когда она стала ненужной, она исчезла».

Однако даже такое неопределенное сообщение очень необычно. Как правило, в рассказах людей, имевших потусторонний опыт, нет никаких упоминаний об их

собственной форме или форме их органов, будто последних и вовсе не было.

Таким образом, знакомые нам физиологические функции сохраняются, и существуют они без соответствующего им анатомического субстрата.

Видеть можно и не имея физического глаза. Слепой от рождения, выйдя из тела, видел все, что делали с его телом врачи и сестры, и позже смог рассказать о происходившем во всех деталях. Доктор Кюблер-Росс описала слепую женщину, которая ясно видела, а потом описала все, что было в комнате, в которой она «умерла». Вернувшись в тело, она снова стала слепой. Видимо, духовное зрение воспринимает оба мира, телесное зрение — только мир материальный.

Безногий солдат мог ходить и чувствовал, что у него были целы обе ноги.

Контакт с другими бестелесными существами происходит без участия органов речи и без участия материально существующих клеток мозга, воспринимающих слова или мысли.

Функция может существовать и без материи или, во всяком случае, без известной нам формы материи.

Святой Григорий Палама писал: «Во время мистического созерцания человек видит не интеллектом и не телом, а духом; он знает с полной уверенностью, что сверхъестественно воспринимает свет, который превосходит всякий другой свет, но он не знает, каким органом он воспринимает этот свет».

В бестелесном мире чувства зрения и слуха сохраняются. Однако чувство осязания, видимо, исчезает или слабеет. Иксуль рассказывал: «...и тело мое есть действительно тело... я видел ясно... но оно стало недоступным для осязания».

«Отталкивая их руки, я ничего не чувствовала».

«...Он прошел просто сквозь меня...»

«Я стоял и не мог дотянуться до пола; видимо, воздух там слишком плотен».

Боли в том мире не было вовсе. Упоминаний о каких-либо телесных ощущениях почти нет, но многие в присутствии Света чувствовали тепло.

После перехода происходит какое-то изменение в эмоциональной сфере личности. Она теряет интерес к своему телу и к тому, что с ним происходит. «Я выхожу, а тело — пустая оболочка». Он смотрит на операцию на своем сердце как «незаинтересованный наблюдатель». По-

пытки оживить его умершее тело «меня не интересовали». Видимо, с прошлой, с земной жизнью покончено. Вероятно, хорошо, что это так.

Никто не жалел о материальных потерях, но оставалась любовь к родным, забота о покидаемых детях, иногда даже появлялось желание вернуться назад, несмотря на то, что «там» лучше, чем на земле.

Однако никаких коренных изменений в характере личности не происходит, она остается той же, что и была. Она в другом, в духовном мире, и она увидит и осознает много совершенно для нее нового, но у нее не появилось какое-то высшее знание или понимание.

Есть отдельные свидетельства, которые говорят о таком высшем знании. Все они относятся к тем случаям, когда оживление потребовало много времени и состояние «вне тела» продолжалось долго. Вернувшиеся рассказывали о неожиданном «просветлении», когда все знание и любая информация были достижимы, все знание — прошедшее, настоящее и будущее — было вне времени и легко доступно. «Знание тут, вокруг вас, и вы можете брать его».

Такое состояние было мимолетным. После возвращения в тело оставалось ощущение всеобъемлющего знания, но его содержание исчезало без следа. В памяти не оставалось ничего.

Трудно сказать, насколько серьезно можно принимать эти сообщения. Их очень немного. Описанные ощущения мимолетны и неопределенны.

Конечно, в другом мире личности предстоит познать много нового, но во время перехода и сразу после него она остается такой же, какой была в земной жизни. Она видит и понимает происходящее так же, как и раньше, иногда очень примитивно и наивно. Она может постараться помочь санитарам нести носилки с ее умершим телом. По ее мнению, ходить в операционной в резиновых ботинках негигиенично.

А в одном из известных мне случаев женщина, пережившая остановку сердца, случившуюся в конце застолья, смотрела сверху на кучу посуды на кухне и огорчалась, что не успела помыть ее.

«Предположение, что, сбросив тело, душа сразу же все знает и понимает, неверно. Я явился в этот новый мир таким, каким ушел из старого» (Иксуль).

Новое знание и понимание придут не сразу. При переходе личность не меняется. Индивидуальность сох-

фактических данных, что оспаривать их стало невозможно. Очень интересны, например, работы института Слоана в Соединенных Штатах Америки. Состояние жизни вне тела достигалось в лаборатории Боба Монро, а теперь и в ряде других учреждений. Сейчас ученые думают и спорят уже не о наличии факта, а о том, как его использовать для практических целей. Есть сообщения, что уже выработаны и применяются какие-то методы тренировки, позволяющие личности выходить из тела и возвращаться в него по собственному желанию. В некоторых странах эти работы являются государственной тайной, и достигнутые результаты скрываются от населения.

Суммируя все это, можно сказать, что теперь ученым, серьезно изучавшим эту проблему, ясно, что какая-то внутренняя (нематериальная?) часть человека может выходить из тела и жить вне тела. А работы реаниматоров показали, что при умирании человека происходит именно это.

Однако еще и в настоящее время есть категории «ученых», упорно отрицающих или замалчивающих духовную сторону смерти и феномен жизни после смерти тела.

В Советском Союзе еще до недавнего времени материалистическая философия являлась государственной философией. В ряде других стран так это остается и до сих пор. Там это единственно правильное, единственно разрешенное и единственно допустимое мировоззрение.

Оно не имеет ничего общего с наукой. Это — предвзятая теоретическая концепция, не поддержанная никакими объективными данными. Тем не менее в силу политических условий она является обязательной, и ее защищали сотрудники советских научных учреждений, вплоть до самых высоких, включая и Академию наук СССР.

Основной сутью коммунистических систем является их принципиальная антирелигиозность, стремление искоренить религию и особенно веру в бессмертие души. Добиваются этого разными методами.

Усилия делаются и на научном фронте. В 1967 году вышла книга Г. Г. Ершова «По этапам развития атеизма в СССР», издание Академии наук СССР. Небольшая книга, написанная спокойным языком, пытается убедить читателя, что бессмертие личности — одна из церковных выдумок.

Начинает Ершов с попыток дискредитировать христианство. «Христианству и другим религиям верят потому, что они обещают бессмертие. А догмат бессмертия выведен теоретически...» (то есть фактов автор не видит). Дальше он пишет, что вера в бессмертие вредна: «Вера в бессмертие обесценивает жизнь на земле, призывая к покорности, бездействию и отсутствию прогресса». Значит — портит характер человека. О том, как отражается на характере человека безверие, автор не пишет.

Дальше: «Разделение существа человека на две части — смертное тело и бессмертную душу — противостоит естественному и абсурдно. Сознание человека полностью прекращается со смертью его тела и отдельно от него существовать не может». И: «Сознание (душа) каждого отдельного человека смертно, как и его тело...»

Автор не приводит никаких данных для поддержки своих категорических утверждений. Ему все ясно, и думать тут не о чем. С приходом смерти личность уничтожается. Вы и я исчезнем — конец, ничто. Это то, что обещает человеку материалистическая философия.

Открыто признать это Ершов не решается. Он знает и пишет, что «обещанная вечная жизнь... привлекает как высшая ценность и главная цель жизни», и утверждает, что «истинное бессмертие» существует. Вот его слова: «Научная концепция бессмертия является частью коммунистического мировоззрения», а «религиозное бессмертие — выдумка».

Дальше он пишет, что в коммунистическом обществе существуют даже два бессмертия — социальное и личное. Кроме этих двух, есть еще и материальное бессмертие. «Концепция материального бессмертия видит бессмертие человека в неуничтожимом™ составляющих его атомов, которые после разложения тела... образуют новые формы материи». Это слова Ершова, но дальше он не идет, понимая, что этот сорт логики мало кого убедит.

«Социальное бессмертие, — пишет Ершов, — подлинно нравственно... истинное бессмертие писателя в его сочинениях».

Умершему и исчезнувшему без следа писателю от этого не легче. Понимая это, Ершов пишет и о личном бессмертии: «Личное истинное бессмертие — это деятельность человека-творца. Истинное, а не религиозное бессмертие в том, что люди помнят его и после смерти...»

и что он оказывал влияние на сознание и поведение людей». Последние слова — это позолота на горькой пилюле; звучат приятно, но с личным бессмертием не имеют ничего общего.

В каждом из нас есть что-то от Духа, и подобные рассуждения вряд ли убедят многих. Ну а если нет, то есть и другие методы убеждения. Ершов приводит выдержки из статьи Ленина «Социализм и религия» о том, как нужно бороться с религией.

«Вера в личное бессмертие имеет классовые корни. Научный, единственно правильный путь преодоления религии состоит в *уничтожении* той социальной среды, которая порождает религиозные предрассудки».

Из вышесказанного вытекает, что материалистические концепции о душе, о жизни после смерти и вообще о жизни духа научного обоснования не имеют и оспаривать их нет смысла.

Сейчас все эти споры уже в прошлом. Книга Ершова была издана задолго до прихода в мир новых фактических данных о судьбе человека после смерти, а с фактами спорить нельзя; их можно, конечно, замалчивать, но только до поры до времени, а время на месте не стоит.

Сейчас, после 70 лет антирелигиозной пропаганды, в России начался процесс духовного возрождения — и религиозного и просто морального возрождения. Таких глубоких и по-человечески честных книг и статей, какие пишутся сегодня в России, не было давно.

Даже на самых верхах правящей советской иерархии не только на словах, но и на практике происходит сдвиг в сторону от мертвой схоластики материализма к нормам человеческих взаимоотношений.

Конечно, в Советском Союзе последние достижения науки о смерти все еще замалчиваются. Их не обсуждают, не упоминают, для широких масс населения все это еще не существует. Это понятно.

К сожалению, та же тенденция господствует и в ведущих демократических странах. Работы Моуди, Сабомы, Кюблер-Росс и других теперь хорошо известны в научных кругах. С ними, в общем, не спорят, но, как я уже говорил, есть категория ученых (хочется написать «ученых»), которые игнорируют добытые наукой фактические данные и упрямо не желают принять новое. В качестве точки опоры они используют и следующую, на первый взгляд, вполне правдоподобную

теорию. Все человеческие восприятия, сознание, понимание, вся психика — только в мозгу, и раз нет мозга, то нет и сознания, нет психики.

Мозг и сознание — неразделимы. Это утверждение преподносится как сам собой разумеющийся факт; в действительности, однако, это не факт, а только теория. Для ее подтверждения часто ссылаются на труды великого русского ученого И. П. Павлова, который якобы доказал, что все психические процессы протекают только в больших полушариях головного мозга. Этому Павлов никогда не утверждал, и был он человеком глубоко верующим.

Теория о неотделимости мозга от психических процессов ставилась учеными под сомнение задолго до опубликования работ врачей-реаниматоров, о которых писалось выше. Ставился, например, вопрос: «Если сознание локализуется в мозгу, то где именно? В головном или спинном мозгу? В какой части мозга?».

Предположение, что центры сознания лежат в больших полушариях, не подтвердилось. Оказалось, что сознание могло сохраняться и иногда даже не особенно страдать при тяжелых повреждениях полушарий болезнью или травмой.

Защитники неперенной локализации сознания в мозгу перенесли его центр в средний мозг (диэнцефалон), но там его тоже не оказалось. Попытки все-таки локализовать где-нибудь центры сознания продолжались, но безуспешно. Приходилось признать, что взаимоотношения между мозгом и сознанием много сложнее, чем казалось сначала.

Теория психологов-материалистов, гласившая, что мозг секретит (выделяет) мысли так же, как печень секретит желчь, была, конечно, смехотворной с самого начала. Серьезные ученые пытались все-таки прийти к какому-то пониманию.

Шеррингтон еще в 1930 году писал о двойной сущности человека, о том, что мозг и разум могут быть независимы друг от друга.

Пенфильд сначала, как и некоторые другие ученые, считал, что сознание и высшие центры находятся в мозгу, и потратил много труда, стараясь выяснить их локализацию. Сперва он считал, что их место в диэнцефалоне, но затем, точно разработав топографию мозга, пришел к выводу (1970), что разум не просто производное мозга.

Пенфильд пишет: «Энергия разума отличается от энергии мозговых нейронных импульсов» («Mind has energy different to brain neuronal impulses*».) *

Откуда такая память и такая быстрота? Передача по нервным клеткам и волокнам требует больше времени.

Говоря простыми словами, это значит, что энергия разума и энергия, на которой работает мозг, — разные.

Пенфильд продолжает: «Человек может своей волей контролировать кровяное давление, температуру и даже электрокардиограмму, а раз так, то где источник этой воли?».

Обсудив «за» и «против», Пенфильд приходит к выводу, что: «Теория о двойственной сущности (разделение разума и мозга) выглядит более правдоподобной». (Dualistic theory seems the more reasonable of the two possible explanations*.) **

Ведущие ученые уже давно отмечали, что разум не обязательно связан с мозгом, а может существовать независимо от него. Так, например, у младенца с неразвившимся мозгом бывают ощущения и память прошлого. У очень молодого человека с неразвитым мозгом могут быть блестящие математические или музыкальные способности. Откуда они? Эти знания и способности не очень точные, но они есть. А когда мозг разовьется, они оформятся и станут точнее.

Давно высказывалось предположение, что, может быть, мозг — физический мозг — это аппарат для управления физическими функциями тела, а разум («Я», «душа») способен чувствовать удовольствие, счастье, любовь, способен сознавать и так далее.

Еще 10—15 лет назад можно было спорить и утверждать, что раз нет мозга, то не может быть и никаких психических явлений: восприятий, сознания, мышления. Сейчас этот вопрос уже решен. Только приняв дуалистическую теорию, можно понять и объяснить, каким образом личность, вышедшая из умершего тела и, значит, не имеющая физического мозга, может воспринимать, чувствовать и мыслить. При умирании мозг разрушается, а сознание сохраняется и продолжает существовать.

Пенфильд написал свою последнюю книгу «Тайна мышления» в конце жизни. Обосновав дуалистическую теорию, он пишет: «Конечно, разум действует совместно

* Цитата по книге М. Сабомы «Воспоминания о смерти».

** Там же.

с высшими мозговыми механизмами. Но у разума есть энергия». («True, mind comes into action with the highest brain mechanisms, but the mind has energy*».)

Последняя фраза его книги: «Я должен закончить на этом». («There I must leave it».) *

Все вышесказанное можно суммировать такими словами: мозг — это самый сложный аппарат, но действует он совместно с разумом, у которого есть своя энергия. Конечно, мозг есть инструмент мышления, но сам по себе инструмент играть не может. Дух не есть функция мозга, а мозг есть инструмент духа.

Профессор-хирург, архиепископ и глубокий философ Лука Войно-Ясенецкий в своей книге «Дух, Душа и Тело» говорит прямее и больше: дух больше мозга, и это не одно и то же. Ум не дух, но лишь выражение, проявление духа. Дух гораздо обширнее ума. «Дух выходит за пределы мозга со всех сторон» (высказывание Анри Бергсона).

Глава 7

Вера и неверие. Наша мысль консервативнее и ленивее, чем мы думаем. Новое принимается неохотно.

Внутренние и внешние причины неверия. Удобство привычного. Неприятие абстрактного. Самодовольство безмыслия. Боязнь ответственности.

Жизнь чужим умом. Что такое «ученый». Религия и наука.

Борьба с религией в тоталитарных и демократических странах.

Для познания истины рассуждения недостаточны, нужен опыт. Христианство о неверии.

В первых главах этой книги говорилось о тех новых данных, добытых медицинской наукой, которые показали, что после смерти тела существование личности продолжается. Факты несомненны, касаются каждого из нас, и касаются очень близко. Тем не менее большинство людей проявляют к этому очень мало интереса.

Если вы попробуете поговорить об этом с кем-либо из ваших знакомых, то скорее всего услышите: «Я в такое не верю». Почему? Как это получается, что он заявляет это вот так сразу и притом очень авторитетно?

О том, что нужно купить новое платье, — подумает, о маленькой семейной ссоре или неприятности на службе

* Цитата по книге М. Сабомы «Воспоминания о смерти».

будет беспокоиться, а подумать о смерти нет ни желания, ни времени. А ведь вопрос не маленький. Будет ли это конец всем его привязанностям, стремлениям и мечтам, конец всему или, наоборот, какая-то решающая перемена, более важная, чем вся его жизнь до этого момента?

И даже еще не это самое главное. Если есть бессмертная душа, значит, есть Бог. А вера, познание того, что мы в этом холодном мире не одни, что есть всемогущий и любящий нас Господь, который заботится о нас, ведь это опора, и свет, и радость. Тому, кто наконец увидел и понял, сразу открывается смысл жизни, многое становится яснее и светлее. Вера делает людей лучше и счастливее. Исчезает много ненужных мелких страхов и опасений, которые отравляли существование, приходят мир, покой и любовь — любовь ваша и к вам.

Многим из нас уверовать было трудно. Мы не умели, сомневались, за ежедневной суетой не было времени углубиться в себя. И жили трудно. И сейчас еще живем трудно, особенно те из нас, для которых «такого быть не может».

Делается обидно за таких людей; человек не чувствует, не видит, как слепой проходит мимо сокровища, которое теперь открыто, показано, доступно. Заметь, посмотри и возьми же наконец эту драгоценность, которую тебе дарят и которая сделает тебя лучше и счастливее. Что тебя задерживает, что этому мешает? Сейчас же не нужно «верить», а достаточно не полениться, посмотреть и немного подумать, и понимание — «вера» — придет неизбежно, а ведь может человек прожить всю жизнь и помереть, так и не узнав, какое сокровище он пропустил. Почему?

Прежде всего, все новое, радикально новое, такое, которое может заставить нас пересмотреть наше мировоззрение, всегда, принимается медленно и с трудом. Новое рождает не только недоверие, но и враждебность. Люди привыкли к чему-то; привычное знакомо и безопасно, и его хранят. Защищаясь от нового, сознание, прежде всего, не пускает его в себя. Новое не замечают или, заметив, проходят мимо и больше не вспоминают. Очень легко смотреть и не видеть или даже видеть, но не замечать. Это человеческое свойство хорошо известно.

Когда христианская религия входила в мир, Иисус Христос и апостолы постоянно призывали людей подумать и понять: «Умеющий уши да слышит»; и все же оставалось

много людей, встречавших новое учение с недоверием и враждой.

Человеческое мышление очень консервативно и много ленивее, чем мы обычно считаем. Есть хорошая книга — «Искусство мышления», написанная А. Димнэ. Автор полагает, что только один человек из десяти способен на отвлеченное мышление. Большинство людей живут изо дня в день каждодневными заботами — как быть сытым, как прокормить семью, и тому подобным. Думают еще о развлечениях и, если остается свободное время, думают о том, как убить его. Одним людям некогда думать, другие боятся думать. И так люди живут до того времени, когда придет смерть и думать будет поздно.

К новому, если оно идет вразрез с общепринятым, относятся с подозрением. Особенно трудно принимается абстрактное. Димнэ пишет, что человеку с не очень высокоразвитым интеллектом бывает трудно осознать что-либо абстрактное, он верит только непосредственным восприятиям своих органов чувств и дальше этого не ищет, забывая, что ими познается далеко не все существующее в природе.

Открытия Коперника и Ньютона показали, что Земля вращается, а не стоит на месте, и что не Солнце ходит вокруг Земли, а Земля — вокруг Солнца. Однако до большинства жителей нашей планеты это знание долго не доходило. Люди, в том числе и ученые-астрономы, видели своими глазами, что Солнце входило и заходило, двигаясь вокруг Земли, а Земля устойчиво стояла под ногами, а не вертелась.

И сейчас, в наше время, происходит нечто похожее. Ученые-медики и биологи показали и доказали, что жизнь личности продолжается и после смерти тела, но люди, в том числе и врачи, видели, что человек перестал двигаться, дышать, что исчезли все признаки жизни, и делали выводы, что умер весь человек, опять-таки не думая о том, что доступно нашим органам чувств и что нет. Новое часто может показаться странным и неправдоподобным.

Описано два типа людей, которые особенно невосприимчивы и враждебны ко всему новому. Одни отличаются большой самоуверенностью при малом знании. С серьезной наукой они не знакомы. «Я это уже знаю», а знают они только материальное и даже это только поверхностно. Другие боятся думать самостоятельно, они не смеют уходить от хорошо знакомого,

каждодневного, материального. Их психологию хорошо описывает умный еврейский писатель Морис Самюэль в книге *Вы, неевреи» («Yue Gentiles»).

«Думающему человеку, для того чтобы видеть Бога, не нужны ни телескоп, ни микроскоп. Сама жизнь, одним чудом своего существования, полностью заполняет у восприимчивого человека способность удивляться.

Те, для кого существование стало обыденно привычным, или те, кто никогда не падал ниц перед великой тайной существования, ничего не поймут... Человек массы свое вульгарное знакомство с окружающим принимает за понимание. Он ездит в автомобиле, ежедневно пользуется телефоном и воображает, что он мудрее варвара дикаря. В действительности он ниже варвара, потому что в своем быстыдстве он не видит своей собственной ограниченности. Безумец, решивший в своем сердце, что Бога больше нет, это тот городской сумасшедший, которого больше ничто не удивляет, а те, кто ничему не удивляются, не знают Бога».

Вот еще несколько цитат, относящихся к тому же самому:

«Ограниченному человеку легче жить в привычном. Новое заставляет думать, пересматривать. И вот для нового явления находят слово, которое принимают за объяснение, и на этом мыслительный процесс кончается. Повторение этого нового слова делает его привычным и уже никаких вопросов больше не возникает. В этом видна удивительная способность человека уходить от проблемы, не видеть ее».

«Это — способность не видеть собственного дефицита. Отсюда — презрение ко всякой духовности и гордость собственной ограниченностью. Неприятие нового — защитный механизм психики — не видеть собственной ограниченности».

«Блаженны люди, для которых все просто и ясно. Им незачем утомлять свое поверхностное мышление. Они всегда объясняют новое и необыкновенное только старым и обыкновенным. Для них безусловно авторитетна только наука, причем только привычные научные данные, и они не замечают, как старые теории рушатся, а все не вмещающееся в научные рамки они просто отвергают как суеверие и бабьи сказки. Новое принимается только тогда, когда к нему привыкли. И лошади перестали шараться от автомобилей, когда привыкли».

«Рабство мысли, малодушный страх перешагнуть за черту круга, очерченного тем, что считают наукой».

Большие ученые постигли новое, видят свет и огорчены человеческой ограниченностью, которая мешает людям подняться на более высокий уровень существования. А возможность эта, особенно теперь, есть у каждого, кто сумеет отбросить ложное самомнение и не побоялся думать своей головой, а не привычными шаблонами. Осознать новое всегда не очень легко, принять же идею бессмертия некоторым людям особенно трудно, так как эта идея неизбежно приведет к мысли об ответственности за все сделанное при жизни на земле.

Для человека плохой жизни такая мысль неприемлема. Чтобы она его не тревожила, он будет отрицать очевидное и будет охотно верить любым «научным» доводам о невозможности загробной жизни. Легче всего, конечно, просто не думать и жить, как прежде, но счастья это не приносит. Вот как один из христианских философов описывает состояние ума и души такого человека:

«Человек порочный не видит Бога и света и начинает утверждать, что их нет. Его рассудок — раб его страстей. Не убеждайте его, ничего не выйдет. Такие люди не хотят видеть истины. Они тупеют — не могут отличить истины от лжи и верят только тому, что им выгодно, а все высшее они ненавидят и борются с ним. Их знание плоско и мелко. Самые опасные — люди, образованные науками, но преданные страстям. Кончают они помешательством или самоубийством». Солженицын, говоря о таком, употребляет слово «образованщина».

Есть очень хорошее определение неверия: «Неверие не продукт мышления, а наоборот, ощущение плюс нежелание верить». Английская пословица говорит: «Люди верят в то, чего желают».

Некоторые философы-богословы считают, что для ощущения духовного мифа человек, кроме естественных пяти органов чувств, должен иметь еще и некое «шестое чувство» и что некоторые люди полностью лишены этого чувства духовного. Вряд ли это верно. Ощущение духовного, присутствия духовных сил в мире есть у каждого, но, как и всякое другое чувство, без употребления, без упражнения оно может погаснуть. В современных условиях, при непрерывной суете, многим никогда не приходит в голову мысль, что нужно подумать о духовной стороне жизни.

Отцы Церкви учат, что для того чтобы воспринять то, что выше материи, нужны знание и опыт. Неверие никогда не бывает результатом знания. Наоборот. Если вы поговорите с кем-либо из «убежденных неверующих», то узнаете, что он никогда не читал священных книг, даже Евангелия, ничего не знает об учении Христа и вообще этими «легендами» не интересуется. А ведь для того чтобы «верить» или «не верить», нужно все-таки знать, о чем идет речь. Ведь если мы что-то решаем, ничего об этом не зная, то какая цена нашему мнению и нам самим?

Однако одним отвлеченным знанием, одним изучением нельзя освоить истину, особенно истину духовную. Кроме знания, нужен и опыт. Молитва — это опыт познания Бога. Если вы сомневаетесь и хотите проверить, существует ли духовное, нужно обратиться к нему. Церковь советует начать молиться, даже если вы не верите. Молитва — это обращение к духовным силам, которые выше человека. Просьба помочь. И вы можете получить ответ.

Есть еще опыт христианской жизни. Один из отцов Церкви советует: «Попробуйте жить по заветам Христа и вы перестанете бояться смерти; ваша жизнь станет полной и счастливой, исчезнет пустота, уйдут неудовлетворенность, неясность и страх будущего».

Не отрываться от природы — тоже путь к Богу. Просто смотреть и замечать чудеса окружающего нас мира, и думать, и пытаться объяснить их.

Галина Заречняк поместила в «Русском возрождении» статью о Пирогове.

Николай Иванович Пирогов — крупный ученый и отец русской хирургии. Он внимательно изучал природу и жизнь в ней. Вот как он сам изложил свое миропонимание. «Все в природе тем и удивительно для нас, что в ней начало или сила жизни приспособила все механические и химические процессы к известным целям бытия... Главная суть вселенной есть проявление творческого плана в веществе, а вещество подвержено изменению».

И дальше: «...пытался прежде всего познать, что такое „Я"... начал усматривать самого себя не только в себе, но и во всей мировой жизни без участия мозговой мякоти... Так мой ум открыл высшее начало сознания и мысли».

Кончает он следующими словами: «Мозг отдельного человека служит органом мышления мировой мысли».

Нужно признать ...существование, кроме мозговой мысли, другой, высшей, мировой».

Уединение тоже может быть опытом. Это то, чего не хватает многим из нас, — уединиться в тишине, остаться со своими мыслями и отдаться их свободному течению. Уединение, уход внутрь самого себя — это лучшее средство для избавления от мелких забот и тревог, и тогда могут прийти другие, более высокие ощущения и мысли.

Поздно вечером, перед сном, можно выйти в поле или в парк, или просто в тихий уголок сада, посмотреть на темное небо с искрами звезд, послушать тишину, побыть одному или вдвоем, но молча; подумать немного и можно почувствовать что-то такое, чего в суете дня не замечал.

Есть еще один фактор, способствующий развитию неверия, — наше чрезмерное доверие к так называемой «науке»; конечно, не к настоящей, объективной науке, а к некоторым учениям. Для многих слово ученого равнозначно слову науки и принимается на веру. Это неправильно. Ученые ошибаются так же, как и все остальные, а иногда и больше нас с вами. В наше время быть универсальным ученым невозможно; все современные ученые — специалисты в какой-либо одной области знания. Здесь они на вершине, но в других областях часто знают меньше, чем простой смертный. Кроме того, поглощенные деталями своей специальности, они бывают склонны терять что-то в ощущении общего.

Универсальные ученые — это почти вымершая порода людей; мудрость и знание — разные вещи.

Несколько слов о том, что такое ученый. Это человек, который объективно и без предвзятых мнений изучает и исследует какой-либо феномен, предмет или явление (материальное или нематериальное) и приходит к выводам, логически вытекающим из результатов изучения. Не всех из тех, кого мы, по нашей доверчивости, считаем учеными, отвечают этим требованиям. Далеко не все профессора и академики — ученые. Совсем не обязательно являются объективными учеными члены разных научных обществ и институтов или люди, получившие знания и награды за научные заслуги.

Очень хорошо пишет об ученых Алексис Карелл в книге на английском языке «Человек * — это неизвестное».

«В конце концов, ученые — это только люди... они охотно верят, что факты, которые не могут быть объяс-

Отцы Церкви учат, что для того чтобы воспринять то, что выше материи, нужны знание и опыт. Неверие никогда не бывает результатом знания. Наоборот. Если вы поговорите с кем-либо из «убежденных неверующих», то узнаете, что он никогда не читал священных книг, даже Евангелия, ничего не знает об учении Христа и вообще этими «легендами» не интересуется. А ведь для того чтобы «верить» или «не верить», нужно все-таки знать, о чем идет речь. Ведь если мы что-то решаем, ничего об этом не зная, то какая цена нашему мнению и нам самим?

Однако одним отвлеченным знанием, одним изучением нельзя освоить истину, особенно истину духовную. Кроме знания, нужен и опыт. Молитва — это опыт познания Бога. Если вы сомневаетесь и хотите проверить, существует ли духовное, нужно обратиться к нему. Церковь советует начать молиться, даже если вы не верите. Молитва — это обращение к духовным силам, которые выше человека. Просьба помочь. И вы можете получить ответ.

Есть еще опыт христианской жизни. Один из отцов Церкви советует: «Попробуйте жить по заветам Христа и вы перестанете бояться смерти; ваша жизнь станет полной и счастливой, исчезнет пустота, уйдут неудовлетворенность, неясность и страх будущего».

Не отрывать от природы — тоже путь к Богу. Просто смотреть и замечать чудеса окружающего нас мира, и думать, и пытаться объяснить их.

Галина Заречняк поместила в «Русском возрождении» статью о Пирогове.

Николай Иванович Пирогов — крупный ученый и отец русской хирургии. Он внимательно изучал природу и жизнь в ней. Вот как он сам изложил свое миропонимание. «Все в природе тем и удивительно для нас, что в ней начало или сила жизни приспособила все механические и химические процессы к известным целям бытия... Главная суть вселенной есть проявление творческого плана в веществе, а вещество подвержено изменению».

И дальше: «...пытался прежде всего познать, что такое „Я“... начал усматривать самого себя не только в себе, но и во всей мировой жизни без участия мозговой мякоти... Так мой ум открыл высшее начало сознания и мысли».

Кончает он следующими словами: «Мозг отдельного человека служит органом мышления мировой мысли».

Нужно признать ...существование, кроме мозговой мысли, другой, высшей, мировой».

Уединение тоже может быть опытом. Это то, чего не хватает многим из нас, — уединиться в тишине, остаться со своими мыслями и отдалиться их свободному течению. Уединение, уход внутрь самого себя — это лучшее средство для избавления от мелких забот и тревог, и тогда могут прийти другие, более высокие ощущения и мысль.

Поздно вечером, перед сном, можно выйти в поле или в парк, или просто в тихий уголок сада, посмотреть на темное небо с искрами звезд, послушать тишину, побыть одному или вдвоем, но молча; подумать немного и можно почувствовать что-то такое, чего в сутолоке дня не замечал.

Есть еще один фактор, способствующий развитию неверия, — наше чрезмерное доверие к так называемой «науке»; конечно, не к настоящей, объективной науке, а к некоторым учениям. Для многих слово ученого равнозначно слову науки и принимается на веру. Это неправильно. Ученые ошибаются так же, как и все остальные, а иногда и больше нас с вами. В наше время быть универсальным ученым невозможно; все современные ученые — специалисты в какой-либо одной области знания. Здесь они на вершине, но в других областях часто знают меньше, чем простой смертный. Кроме того, поглощенные деталями своей специальности, они бывают склонны терять что-то в ощущении общего.

Универсальные ученые — это почти вымершая порода людей; мудрость и знание — разные вещи.

Несколько слов о том, что такое ученый. Это человек, который объективно и без предвзятых мнений изучает и исследует какой-либо феномен, предмет или явление (материальное или нематериальное) и приходит к выводам, логически вытекающим из результатов изучения. Не всех из тех, кого мы, по нашей доверчивости, считаем учеными, отвечают этим требованиям. Далеко не все профессора и академики — ученые. Совсем не обязательно являются объективными учеными члены разных научных обществ и институтов или люди, получившие знания и награды за научные заслуги.

Очень хорошо пишет об ученых Алексис Карелл в книге на английском языке «Человек *-это неизвестное».

«В конце концов, ученые — это только люди... они охотно верят, что факты, которые не могут быть объяс-

нены теориями настоящего времени, не существуют. В настоящее время (он писал в 1930—1935 гг. — *Прим. авт.*) те ученые, которые занимались исключительно физическими, химическими и физико-химическими аспектами физиологических процессов, все еще смотрят на телепатию и другие метафизические феномены, как на иллюзию. Очевидные факты, если они выглядят неортодоксально, не признаются».

Новое большое явление часто труднее всего принять специалистам затронутой области; им трудно признать ошибочность того, во что они твердо верили и чему учили всех остальных. Они могут долго не признавать даже очевидное, задерживая развитие науки.

Можно привести несколько примеров.

До XIX века люди не верили, что существуют метеориты, хотя видели их следы на Земле, а иногда видели и сами метеориты. Слепо верили тогдашней науке, которая объясняла людям, что «камни не могут падать с неба, потому что там камней нет». Насколько логичнее их были древние, объяснявшие метеориты гневом какого-нибудь божества. Они давали неверные объяснения, но признавали факты; некоторые мыслители нашего времени отрицают и сами факты.

В прошлом ученые-техники высмеивали телефон Эдисона, биологи и врачи высмеивали Пастера, а астрономы — Кеплера и Галилея. Отрицали, высмеивали, замалчивали. И в наше время точно так же сперва отрицали и высмеивали, а теперь стараются замолчать факт существования жизни вне тела.

Карелл заканчивает свои рассуждения о поклонении людей теории следующими словами: «Таким образом, нам нужно вернуться к прямым, непосредственным наблюдениям над нами самими во всех аспектах, ничего не отбрасывая и просто описывая то, что мы познаем». Продолжая, он пишет, что «все мистические феномены тоже доступны исследованию, хотя и не прямому».

Суть любой науки не столько в теориях, сколько в нахождении новых фактов, в их освоении и в накоплении знаний. Время от времени, когда обнаруживается что-то новое, идущее вразрез с господствовавшими теориями, эти устаревшие теории приходится пересматривать и перестраивать, а иногда и вовсе отбрасывать. Это и происходит сейчас с той частью медицинской науки, которая изучает смерть человеческого организма.

Для прогресса науки нужны и теории, но они имеют только подсобное значение и меняются по мере надобности.

Есть два источника познания — религия и наука. Материалисты, создавая свой научно обоснованный строй, утверждают, что религия и наука противоречат друг другу, и многие люди до сих пор верят им. На самом деле это не так. У религии есть несогласие с некоторыми теориями, но не с объективной наукой и не с полученными наукой фактическими данными. Противоречий нет, наоборот, религия и наука близки и часто дополняют друг друга.

Доктор Вернер фон Браун, руководитель американской программы по изучению и освоению космоса, пишет: «Две наиболее мощные силы в мире — религия и наука, определяют и формируют нашу цивилизацию сегодня. Через науку человек старается проникнуть в тайны мироздания, через религию он старается познать Создателя».

Ни одна из этих сил не действует независимо. Я не могу понять ученого, который не признавал бы Высшего Разума во всей системе мироздания, равно как и не мог бы понять богослова, который отрицал бы прогресс науки. Религия и наука являются сестрами. Обе они стремятся к созданию лучшего мира».

«Человек так же должен научиться понимать, что его жизнь здесь и в потустороннем мире зависит от того, как он будет вести себя духовно, а не научно».

Вот еще две цитаты, взятые из трудов великих людей.

. Паскаль: «Последний шаг разума заключается в том, чтобы признать существование множества таких вещей, которые выходят за пределы нашего познания, и если разум не приходит к этому познанию, то он весьма слабый разум».

Роберт Майер: «Если поверхностные умы щеголяют отрицанием существования чего-нибудь высшего, сверхматериального и сверхчувственно воспринимаемого мира, то такое жалкое признание отдельных умов нельзя ставить в вину науке».

Один из ученых назвал поклонение науке за счет религии современным идолопоклонством.

Наука добывает новые данные двумя путями — наблюдением и опытом, а теперь ученые, главным образом психологи и психиатры, говорят и о третьем пути. Знание, более глубокое понимание и даже открытия могут иногда

приходить к человеку из всеобщего мирового сознания, с которым как-то связан разум отдельных людей. Эта концепция уже очень близка к религии; в частности, именно существованием «всеобщего сознания» объясняют тот хорошо известный факт, что иногда крупные и, казалось бы, неожиданные открытия делались в одно и то же время разными людьми в разных местах земного шара.

Христианство объясняет эти неожиданные открытия Божественным откровением. Новое познается не в результате изучения, а как бы само по себе. Иногда это не новое открытие, а вдруг пришедшее более глубокое понимание чего-то давно известного. Чаще всего такое приходит человеку, когда он наедине с Богом или природой.

О мистическом просветлении ума знали еще в Древней Греции. Платон верил в разум и его способность познавать истину, но лишь до известной степени. Он считал, что высшее знание можно получить только мистическим восприятием — прозрением или просвещением ума.

Исаак Сирианин учил, что есть видение естественное и видение духовное.

О том же писали Федор Эдесский — «можно познавать умом телесным и умом бестелесным», и Симеон Новый Богослов — «есть внешняя мудрость и сокровенная премудрость»..

Религия и наука по-разному называют источник этого познания — Бог или всеобщее сознание; это одно из свойств Бога. Астроном и философ Медлер пишет: «Истинный ученый не может быть неверующим, так как естественные законы и законы Бога — это одно и то же».

В наш материалистический век мало кто читает труды христианских философов, и есть взрослые люди, ни разу в жизни не открывавшие Евангелия. Это — напрасно. В этих книгах не сухая ученость, а глубина чувства, ясность мысли и абсолютная честность. Привлекает и совершенство языка. Книги Священного Писания — одно из величайших сокровищ мировой литературы. Это признают теперь и советские ученые. Доктор философских наук Геннадий Батыгин пишет: «Библия нужна не только миллионам верующих, но и любому культурному человеку».

Потеря веры современным человеком и его уход от христианства неестественны. Способствуют этому ненор-

мальные жизненные условия, в которые поставлен современный, в основном городской житель. Отрыв от природы, муравейник большого города с его суетой и непрерывным потоком все новых впечатлений. Уединиться и уйти в себя трудно, а без этого более серьезные мысли не приходят.

Это, однако, только одна причина, есть и другие.

К потере веры и угасанию духовной жизни ведет деятельность определенных кругов, которые хотят заменить на нашей планете заповеди Бога своими собственными законами.

В тоталитарных странах это естественно. Коммунизм и любая тоталитарная власть несовместимы с христианством. Диктатору для полноты власти нужно, чтобы население признавало его наивысшим авторитетом и подчинялось только его законам. Мы писали об этом подробнее в предыдущей главе.

В так называемом «свободном» мире методы борьбы с христианством мягче, но не менее упорны. Здесь властителями умов являются некоторые академики и профессора — главным образом разных социальных и гуманитарных факультетов, многие политики, журналисты, ведущие персонажи телевидения, радио и так далее — вся наша «прогрессивная» и «либеральная» элита. Их главные усилия направлены на создание у людей определенного умонастроения еще с детства, а затем на удержание его в течение всей жизни. Основной упор делается на воспитание и обучение молодежи и на обработку умов взрослого населения средствами массовой пропаганды.

Детское обучение ведется так, что все, что может зародить мысли о Боге или о душе, исключается из школьных программ. Публичные молитвы в школах запрещены. Детям со школьной скамьи, а иногда и в детском саду внушают, что верить нужно науке, а не христианскому учению. О философах и учениках, веривших в Бога и почему веривших, школьнику не скажут. Ньютона представят как ученого, разрушившего религиозные догмы, а его труды о Боге не упомянут. Теорию Дарвина упростят до глупости и преподнесут как опровержение Библии. И так далее.

Выйдя из школьного возраста, человек подвергается постоянной и непрерывной обработке, почти все доступные ему источники знания и информации бьют в одну точку, внушая теории бездуховного материализма.

В качестве примера можно привести хотя бы Новую Британскую Энциклопедию издания 1986 года.

Это широко известное и почтенное издание. В отделе «Макропедия», что значит глубокое изучение, в 16-м томе, помещена статья «Смерть» в двенадцать с половиной страниц (25 столбцов) убористого шрифта.

Статья составлена так, чтобы ни в коем случае не возбудить мыслей о духовной стороне смерти, не говоря уже о бессмертии души. В статье есть все, кроме самого главного. Нет ни слова о том, что же такое смерть и что с нами будет после нее. Вот несколько цитат в переводе на русский: «Смерть неизбежно случается со всеми живущими организмами... понимание **этого** состояния всегда затемнялось тайной и предрассудками... смерть мозга есть необходимое и достаточное условие смерти индивидуума».

Статья перечисляет сроки смерти разных тканей после смерти мозга. Есть большая статья о смерти клеток.

«У каждой культуры, начиная с Древнего Египта, свое понимание смерти» — следует описание разных устаревших верований и обрядов.

Затем идет разбор биологических и социальных проблем в отношении к индивидууму и обществу (человек умер, а общество живет). «Человек» в энциклопедии — это всегда индивидуум, а не личность.

Упоминание души есть, но главным образом в историческом аспекте. **Согласно** энциклопедии христианские и другие доктрины описывают душу по-разному; существует душа вегетативная, чувствительная, размышляющая. А после 1672 года, в связи с развитием анатомии, душа и тому подобное ушли в прошлое.

И дальше в том же роде. Нет ни одного слова об учении Иисуса Христа и о смерти и жизни души. Его воскресение не оспаривается, а проще этого — не упоминается. Видимо, эпохи христианства в истории человечества не было или, во всяком случае, знать об этом подрастающим поколениям не нужно.

Нет никаких упоминаний о достижениях науки о смерти за последние 15—20 лет. Нет ни одного имени, ни одной цитаты из трудов тех ученых, которые пишут о духовной стороне смерти. Британская энциклопедия духовности мира не признает.

Статья энциклопедии рассчитана на серьезного читателя, но есть изобилие изданий и для менее разборчивых вкусов. Описывают советского космонавта, который ска-

зал, что во время своего полета он внимательно осматривался вокруг себя, но никогда не видел ни Бога, ни ангелов.

Вот еще более курьезный пример: один из побывавших «за порогом» и возвращенный реаниматорами к жизни на земле видел и описал то же самое, о чем мы писали выше, но потом добавил: «Ничего ангельского», то есть никаких там ангелов нет. Он не видел ни чертей с хвостами, ни ангелов, играющих на арфах, и пришел к выводу, что вера в жизнь за гробом ошибочна.

Помогают разрушать религию разные «комиксы», грязные выдумки про жизнь святых, про Деву Марию, даже про Самого Иисуса Христа. Годится все что угодно, лишь бы поколебать веру.

О том, к чему ведет потеря веры, хорошо пишет А. Крессли-Моррисон: «Уважение, жертвенность, сила характера, нравственные устои, воображение не рождаются из отрицания и атеизма — этого удивительного самообмана, заменяющего Бога человеком. Без веры культура исчезает, порядок разрушается и преобладает зло». Это, однако, гуманистов разного толка не останавливает.

Об упрямом нежелании некоторых людей верить хорошо пишет епископ Феофан Затворник в своей книге «Мысли на каждый день года».

«Люди не верили свидетельству Иоанна Предтечи, не верили словам Самого Иисуса Христа, не верили сотворенным Им чудесам... так и всегда леверы не верят, что им ни говори и как убедительно ни доказывай истину; **ничего** не могут сказать против, а все не веруют. Сказать бы: ум у них параличом разбит, так ведь о прочих предметах они рассуждают здраво. Только когда о вере зайдет речь, начинают путаться в понятиях и словах. Путаются также, когда выставляют воззрения свои в замену положений веры, от Бога данных. Тут у них сомнения возводятся в такую опору, что твой крепкий утес. Прослушайте всю их теорию — дитя разберет, что есть сеть паутинная, а они этого не видят.

Непостижимое ослепление! Упорство **Неверов** можно еще объяснить нехотением верить, но откуда само нехотение? И отчего оно берет в этом случае такую власть, что заставляет человека умного сознательно держаться нелогичного образа мыслей? Тут тьма — уж не от отца ли она тьмы?»

Христианство объясняет неверие в Бога и в духовную жизнь нашей греховностью: «Таково сердце человеческое,

грехом опороченное: имея уши, человек не слышит». Одна из заповедей блаженства, данных Иисусом Христом, говорит: «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят».

Было также сказано, «Хороший человек чувствует Бога интуитивно, а грех заслоняет Его. Связь с Богом — через сердце, а не через ум».

Материалистические теории счастья людям не принесли. Их темный чад все еще окутывает землю, для многих смерть — это горький и бессмысленный конец их существования; ее боятся, ее стараются не видеть, а если думают о ней, то с ужасом и отвращением.

Не все. Было немало и таких, которые сохранили веру в Бога и в бессмертие души. Сейчас все больше людей возвращаются к христианству, слишком уж изменчивы были выводы материалистической науки, утверждавшей сегодня одно, а завтра совершенно противоположное.

Тучи рассеиваются. Мир много больше, чем только материя. Мы не одиноки; в мире существует Разум много выше нашего, и жизнь на земле будет светлее, чище и счастливее.

Глава 8

Христианское учение о жизни после смерти. Архиепископ Антоний Женеvский. Профессор и архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Еще два свидетельства.

О смысле жизни и смерти. Две дороги. Возможности души ограничены.

В предыдущих главах говорилось о последних достижениях, медицинской науки, которые подтвердили учение Церкви и заставили ученых пересматривать их устаревшие теории о смерти и судьбе человека после смерти.

Христианство всегда знало и учило, что человек имеет не только тело, но и душу. Душа человека не умирает; когда приходит смерть, она, выйдя из умершего тела, попадает в совершенно новые условия, но продолжает жить сознательной жизнью. При этом «дела наши идут за нами» — то, что мы сделали во время нашей жизни на земле, будет иметь последствия для нас самих.

Священное Писание говорит о бессмертии души человека совершенно определенно. Мы уже приводили слова

Самого Иисуса Христа: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную» (Евангелие от Иоанна 6, 47).

Обращаясь к Своим ученикам, Иисус Христос сказал: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне». Это из Евангелия от Матфея 10, 28.

И из Евангелия от Иоанна 12, 50: «...Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал мне Отец». Это тоже слова Иисуса Христа.

Еще не так давно христианскому учению можно было верить или не верить, но теперь не верить в жизнь личности после смерти тела больше нельзя. Религиозные верования подтверждены наукой, «не верить» в объективные данные невозможно, и каждому придется понять, что характер его земной жизни будет иметь для него какие-то последствия в будущем.

Это новое знание имеет, однако, и свои границы. Мы теперь правильное понимаем самую сущность смерти и знаем, что нас ждет после нее. Но это знание ограничено во времени. Известно только то, что произойдет в первые минуты и часы, после того как дыхание остановилось и сердце перестало биться.

А что потом? Ответить на этот вопрос мы не можем. Наука ничего не знает ни о дальнейшей, ни об окончательной судьбе той части человека, которая остается жить после смерти тела. Ответ на этот вопрос дает христианство.

О том, что происходит с душой сразу после ее выхода из умершего тела, пишет архиепископ Антоний Женеvский: «Итак, умирает христианин. Душа его, очистившаяся в какой-то степени в самом исходе из тела благодаря только страху смертному, покидает безжизненное тело. Она жива, она бессмертна, она продолжает жить полнотою той жизни, которую она начала на земле, со всеми своими мыслями и чувствами, со всеми добродетелями и пороками, со всеми достоинствами и недостатками. *Жизнь души за гробом есть естественное продолжение и последствие ее жизни на земле*». Личность остается неизменной.

Архиепископ Антоний поясняет это такими словами: «Если бы смерть изменяла коренным образом состояние души, то это было бы насилием над неприкосновенностью

человеческой свободы и уничтожило бы то, что мы называем личностью человека».

После смерти тела душа живет «всей полнотой жизни», и значит, личность будет и дальше развиваться в ту или иную сторону. Вот что пишет об этом архиепископ Антоний:

«Если умерший христианин был благочестив, молился Богу, надеялся на Него, покорялся Его воле, каялся перед Ним, старался жить по заповедям Его, то душа его после смерти радостно ощутит присутствие Божие, приобщится сразу, в большей или меньшей степени, к жизни божественной, открытой ей... Если же умерший в земной жизни потерял любящего Отца небесного, не искал Его, не молился Ему, святотатствовал, служа греху, то душа его после смерти на найдет Бога, не способна будет ощутить любовь Его. Лишенная божественной жизни, ради которой был создан богоподобный человек, неудовлетворенная душа его начнет тосковать, мучиться в большей или меньшей степени... Ожидание воскресения тела и Страшного Суда будет увеличивать радость благочестивых и скорбь нечестивых».

Об этом же самом, но другими словами пишет архиепископ Лука, он же крупный ученый, хирург, профессор Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Он родился в 1871 году, умер в 1961-м. Как ученый, он был хорошо известен в СССР и за границей, а его труд «Очерки гнойной хирургии», награжденный Сталинской премией первой степени, был настольной книгой русских хирургов.

Войно-Ясенецкий был рукоположен в епископы в 1923 году. Через 10 дней его арестовали, и потом он провел 12 лет в ссылках и лагерях. Во время войны, когда нужда в хирургах была особенно острой, про него вспомнили и призвали к работе с ранеными. Он организовывал госпитали, учил врачей, оперировал; блестящий хирург, как и всегда раньше, он совмещал церковное служение с хирургической работой в госпиталях. Иногда перед опасной операцией он совершал короткую службу в операционной.

Глубокий мыслитель и специалист в области физических болезней человека, он бросил свой пытливый взгляд и на загробную жизнь души. Он написал небольшую книгу с очень глубоким содержанием «Дух, Душа и Тело». Он пишет: «Между телом и духом существует постоянная связь и взаимодействие. Все то, что

происходит в душе человека в течение его жизни, имеет значение и необходимо только потому, что вся жизнь нашего тела и души, все мысли, чувства, волевые акты (...) теснейшим образом связаны с жизнью духа. В нем отпечатлеваются, его формируют и в нем сохраняются все акты души и тела. Под их формирующим влиянием развивается жизнь духа и его направленность в сторону добра или зла. Жизнь мозга и сердца и необходимая для них совокупная, чудно скоординированная жизнь всех органов тела нужны только для формирования духа и прекращаются, когда его формирование закончено или вполне определилось его направление».

Эти слова архиепископа Луки говорят о самом главном — что дает человеку жизнь на земле. «Жизнь всех органов тела нужна только для формирования духа и прекращается, когда его формирование закончено или вполне определилось его направление».

Точно так же понимает жизнь духа и тела Искуль, о котором мы писали выше. Он не был ни архиепископом, ни философом, он был простым трезвомыслящим человеком. Знание свое он получил не из книг, а из личного опыта, пережив состояние временной смерти. После возвращения к жизни на земле он сказал: «Душа... есть дух, но дух, созданный для жизни с телом... тело есть законное, предоставленное ей жилище, и поэтому она является в новый мир в той степени своего развития и зрелости, каких достигла в совместной жизни с телом, в положенной ей нормальной форме бытия. Конечно, если человек был при жизни духовно развит, духовно настроен, его душе многое будет более сродни и оттого понятнее в этом новом мире, чем душе того, кто жил, никогда не думая о нем...»

Святой новомученик Герман пишет о том же: «Когда человек полностью и совершенно становится на путь вечной правды или, наоборот, полностью отворачивается от нее, он больше не живет и должен умереть. Он прошел через все, что может ему дать эта жизнь, и он созрел для будущего».

Если здесь на минуту остановиться и подумать, то станет ясно, что это дает ответ на вопрос о смысле жизни и о цели, к которой мы должны были бы стремиться, живя на земле. Это тот ответ, которого многие — и простые люди, и философы — искали и не находили. Не зря один из отцов Церкви, говоря о философах, строивших разные сложные теории, назвал их «жалкие умники».

Архиепископ Лука, сказав о смысле нашей жизни на земле, продолжает, говоря, что в бессмертной душе человеческой после смерти тела продолжается вечная жизнь и бесконечное развитие в направлении добра или зла.

Самое страшное в этих словах архиепископа то, что в момент смерти тела уже определилось все дальнейшее развитие души в направлении к добру или злу. В загробном мире перед душой две дороги — к свету или от него, и душа после смерти тела уже не может выбирать дорогу. Дорога предопределена жизнью человека на земле.

Двум разным дорогам соответствуют и два разных состояния души после смерти тела. Вот как это поясняет архиепископ Лука: «Вечное блаженство праведников и вечную муку грешников надо понимать так, что бессмертный дух первых, просветленный и могущественно усиленный после освобождения от тела, получает возможность беспредельного развития в направлении добра и Божественной любви, в постоянном общении с Богом и всеми бесплотными силами. А мрачный дух злодеев и богоборцев в постоянном общении с дьяволом и ангелами его будет вечно мучиться своим отчуждением от Бога, святость которого познает наконец, и той невыносимой отравой, которую таят в себе зло и ненависть, беспредельно возрастающие в непрерывном общении с центром и источником зла — сатаной.

В вечном мучении тяжких грешников нельзя, конечно, винить Бога и представлять Его бесконечно мстительным, карающим вечной мукой за грехи кратковременной жизни. Всякий человек получает и имеет дыхание Духа Святого. Никто не рождается от духа сатаны. Но как черные тучи затемняют и поглощают свет, так злые акты ума, воли и чувства, при постоянном их повторении и преобладании, постоянно затемняют свет Христов в душе злого человека, и его сознание все более и более определяется воздействием духа дьявола.

Кто возлюбил зло, а не добро, тот сам уготовал себе вечные мучения в жизни вечной».

Архиепископ Антоний говорит то же самое и напоминает, что возможности души после смерти тела ограничены. Вот его слова: «Продолжая жить после смерти тела, душа всем своим существом располагает полностью личности и самосознания. Она чувствует, сознает, воспринимает, рассуждает... Однако не будем забывать того, что душа вне тела — неполный человек,

почему не все, возможное людям, возможно их душам. Несмотря на то, что души после смерти тела обладают полностью личности и совершают все психические функции, *возможности их ограничены*. Так, например, человек, живя на земле, может покаяться и более или менее изменить сам свою жизнь, от греха вернуться к Богу. Душа же сама не может, хотя бы и хотела, коренным образом измениться и начать новую жизнь, приобрести то, чего она не имела, будучи человеком.

В таком именно смысле надо понимать слова о том, что за гробом нет покаяния. Душа живет там и развивается в том направлении, которое начала на земле».

Архиепископ Антоний все же оставляет надежду душе даже и нераскаянного грешника, добавляя, что «для ее изменения необходима помощь извне». Однако сама по себе темная душа грешника, оставшаяся темной и после смерти тела, измениться уже не может.

Это же говорит и Сам Господь Иисус Христос: «Отец Мой — виноградарь. Всякую... ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода». Это из Евангелия от Иоанна (15, 1-2).

Для человека, осознавшего, что его жизнь на земле — это только часть его жизни и что за гробом он будет продолжать развитие, начатое здесь, все его временное существование приобретает особый смысл.

Все самое главное из того, что есть в этой главе, хорошо сказано словами одного христианского философа: «Земная жизнь коротка и исчезает совершенно пред бесконечной вечностью; но последняя всецело зависит от первой. Залог истинной жизни должен получить свое начало здесь, в месте смерти».

«Ибо придет Сын Человеческий... и тогда воздаст каждому по делам его» (Матфей 16, 27).

Стать на правильную дорогу, покаяться в своих грехах и получить прощение никогда не поздно. К этому призывает и евангельское повествование о разбойнике, распятом на кресте рядом с Иисусом Христом. Искреннее раскаяние перед самой смертью принесло ему прощение грехов и вечную жизнь с Христом. Самые последние минуты нашей жизни могут оказаться и самыми важными.

ПЕРЕХОД

Смерть есть разделение бесплотной части живой личности, души, от ее материальной части — тела.

Душа не подвержена времени... Душа может встречаться и беседовать с духами, с духом-хранителем.

На пути от земли к будущей жизни души проходят суд. Высшие существа судят людей.

Платон

Глава 9

Что такое смерть. Отсутствие научного определения смерти. Христианство о смерти. У нас одна жизнь, а не две; жизнь на земле и за гробом — непрерывный процесс.

Сразу после перехода. Христианство и наука о начале жизни за гробом. Первый суд.

Что такое смерть? Мы дошли уже до девятой главы и все еще не попытались ответить на этот вопрос.

Наука дает определения всем предметам, явлениям, феноменам и только определения того, что такое смерть, наука не дает. Во всяком случае, ни в научных, ни в популярных публикациях мне не удалось найти ни одного ясного положительного определения этого слова.

Оксфордский академический словарь дает совершенно бессодержательное определение: «Смерть — это конец жизни».

Есть еще несколько попыток определения смерти.

Британская энциклопедия 1986 года: «Полное прекращение жизненных процессов».

Медицинские руководства: «Отсутствие признаков жизни» и «Отсутствие мозговой активности, подтвержденное электроэнцефалограммой».

22-й Всемирный медицинский конгресс 1968 года, специально изучавший проблему смерти: «Необратимая потеря функций всего организма».

Часто встречается и другое, написанное псевдонаучным языком, но тоже пустое определение: «Смерть есть окончательное прекращение жизненных функций у животного или растения».

Говоря о смерти, употребляют и другие слова, например: «ничто», «небытие» и другие похожие слова,

всегда с негативным смыслом, слова о том, чего нет. И приходит в голову мысль, а может быть, и смерти-то тоже нет?

Такое отсутствие научного определения смерти отмечают ученые, занимающиеся этим феноменом. И неудивительно, что те из них, которые изучали не только анатомию, а всего человека, все чаще советуют вместо слова «смерть» употреблять слово «переход», потому что под смертью обычно понимают конец человеческой жизни, а теперь известно, что со смертью тела жизнь личности не кончается; личность продолжает существовать, переходя в другие условия, — отсюда и слово «переход», правильно определяющее происходящее событие.

Христианское понимание смерти можно увидеть из письма епископа Феофана Затворника к его умирающей сестре: «Прощай сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твоему исходу. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а *ты перейдешь* в иной мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши им передай приветы и попроси попечись о нас... даруй же тебе, Господи, мирный исход! День-другой, и мы с тобою. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобою».

Хорошее письмо, совсем спокойное и полное уверенности в будущей блаженной жизни. Будто он провожает сестру не в дальнюю дорогу, не в неведомую страну, а в отчий дом, где ждут нас наши близкие, умершие раньше нас.

В Екклесиасте есть такая фраза: «И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его» (12, 7).

Христианство понимает смерть как разделение души и тела и откровение духовного мира. К такому же пониманию приходит и современная наука о смерти. Мы уже отмечали, что ученые, бывшие неверующими, начав изучение процессов, связанных с умиранием, пришли или приходят к вере в Бога и в бессмертие души.

Здесь нужно оговориться. Конечно, наука не говорит о бессмертии души в вечности, этого никакая наука доказать не сможет, но наука подтвердила, что после смерти тела какая-то часть человека выходит из умершего тела и продолжает сознательную жизнь. Смерть тела — не конец существования, а переход личности или души

из одного состояния в другой и из мира материального в мир духовный.

Конечно, смерть — самое важное событие нашей жизни, но не потому, что умирает тело, а потому, что все будущее нашей бессмертной души, нашего настоящего «Я» зависит от того, какими мы будем в самый момент перехода, потому что за гробом не начинается новая жизнь, а продолжается прежняя.

Мы теперь знаем, что самый момент смерти тела — то, чего мы больше всего боимся, — неощутим. После выхода из тела душа переходит в другой мир и начинает там вторую часть своей жизни — жизнь бестелесную.

В течение многих* веков о загробной жизни души учило христианство, а в наше время появились и объективные данные, полученные и проверенные наукой. Это дает нам возможность постараться посмотреть, подтверждаются ли религиозные верования этими новыми достижениями медицинской науки?

Допустимо ли это? Один из христианских богословов сказал, что есть в мироздании вещи, о которых «пристойнее убо хранить молчание». Это — хорошее предостережение; конечно, лучше всего просто верить, не пытаясь проверять и не докапываясь ни до чего своим человеческим разумом. Счастлив тот, кто способен на это. Но что делать тем, у кого такой веры нет? Остаться в сомнении и отказаться думать — нехорошо. Разум дан людям Господом и завеса над тайной смерти тоже приподнята по воле Его. Мне кажется, что посмотреть и подумать следует; нужно только отбросить, если они были, все предвзятые мнения и подойти к вопросу со спокойной объективностью и известной долей скромности.

Ответ на этот вопрос можно найти в Евангелии. Один из апостолов Иисуса Христа, Фома, тоже долго не мог поверить в воскресение своего Учителя. Он сказал: «...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоанн 20, 25). Одной верой Фома не мог принять воскресение Иисуса Христа, ему нужны были и материальные доказательства. Иисус Христос дал Фоме и это: «...потом говорит Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои: подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим!» (Иоанн 20, 27). Потом Иисус Христос сказал Фоме: «ты... поверил потому, что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Иоанн 20, 29).

Иисус Христос упрекнул Фому за малую веру, но не отверг его и дал ему и наглядные доказательства. Не так ли и со многими из нас? Свидетельства о жизни души были даны давно, и не мало, но для многих это было недостаточно. Нужно было убедиться наглядно. Теперь нам дано и это.

Как только вы начинаете ближе знакомиться с проблемой, вы, к своему удивлению, обнаруживаете, что многие из явлений, описанных врачами-реаниматорами, были давно известны христианским писателям, а не знали мы этого просто потому, что богословскую литературу всерьез не принимали и не читали.

Хотя христианская литература и медицинские изыскания последних лет в основном свидетельствуют об одном и том же, есть некоторые различия в описаниях, а также в понимании и оценке описываемого. Поэтому нужно посмотреть на всю проблему детальнее и внимательнее.

Главное достижение последних лет состоит в том, что труды врачей-реаниматоров полностью подтвердили учение христианства о душе. Первый, самый важный и непреложный факт — по смерти тела жизнь продолжается — утвержден и религией, и наукой.

И второе — жизнь в загробном мире течет в свете, а не во тьме; во всяком случае, в той его части, куда мы стремимся. Об этом свидетельствуют и Священное Писание и рассказы людей, заглянувших за завесу. Мы приводили много примеров и повторять их не будем.

Описания потустороннего света очень интересны. Это не тот свет, к которому мы привыкли на земле. Это не свет солнца.

В священных книгах пишется, что люди воспринимают этот свет тогда, когда они видят или чувствуют присутствие небесных духовных сил. Этот свет сиял при крещении Иисуса Христа, при Его воскресении, при преображении на горе Фавор. Иисус Христос сказал о Себе: «Я свет миру».

Свет этот необычен.

Вот несколько цитат:

На горе Фавор: «И преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Матфей 17, 2).

«...и преобразился пред ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Марк 9, 3).

При воскресении Иисуса Христа: «...Ангел Господень... отвалил камень от двери гроба и сидел на нем. Вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег» (Матфей, 28, 2—3).

Когда фигуры Богоматери, ангелов, святых являются живущим на земле во сне или наяву, они всегда окружены светом, часто ослепительно ярким светом.

Мотовилов писал о Серафиме Саровском, что, когда тот молился, Мотовилов не мог смотреть на него. Свет, исходящий от лица святого Серафима, ослеплял его.

Мой друг был хорошо знаком с одним монахом строгой аскетической жизни. Он рассказал мне, что наблюдал, как ночами в комнате молившегося монаха появлялся свет.

Пациенты Моуди и Сабома тоже видели свет в загробном мире, но с трудом находили слова для его описания.

«Солнца не было, а свет всюду».

«Свет всюду, а теней нет».

Доктор Сабом на стр. 66 своей книги приводит рассказ своего пациента, старающегося описать этот свет: «Свет был иным, чем тот, который мы знаем здесь. Это был не свет, а отсутствие тьмы, полное и совершенное. Этот свет не создавал теней, было просто отсутствие темноты. Свет не был виден, но он был всюду, вы были в свете».

Свет загробного мира — не наш свет. Для него нашли очень хорошее определение — «нездешний свет».

Души, видевшие в загробном мире свет, иногда слышали голос или видели в свете светлую фигуру, иногда не видели, но чувствовали «присутствие». Сходные описания есть и в церковной литературе.

Чему учил Голос или Фигура в свете и чему учил людей Иисус Христос во время Его жизни на земле?

Когда один из фарисеев-законников спросил Иисуса Христа о наибольшей заповеди в Законе, Иисус Христос сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь Закон и пророки» (Матфей 22, 37—40).

Иисус Христос учил, что самое главное во время жизни на земле — учиться любить.

С того времени прошло двадцать веков, но сейчас, в наше время, Свет, являясь душам умерших людей,

учит тому же. Мы уже писали об этом в предыдущих главах. Вышедшая из тела душа в присутствии **Света** испытывает Его неописуемую любовь и чувствует, что она в безопасности.

В третьей главе мы писали о докторе Ритчи, которому Иисус Христос показал, что важны не личные успехи и достижения, а важна любовь.

Христос показывал душе Ритчи жизнь в потустороннем мире и отвечал на все его вопросы. Ритчи видел что-то похожее на большой научный центр: ...громадные залы... люди в полном самозабвении трудятся для какой-то цели выше их самих... сложные машины... диаграммы и чертежи... будто идет какое-то сложное исследование. Ритчи спросил у Христа, что они делают? Однако на этот раз никакое объяснение не осветило сознание Ритчи. Он продолжал воспринимать от Христа, как и прежде, одну любовь.

Христос не ответил на вопрос о неважном и еще раз показал душе Ритчи правильный путь — без любви даже полезные и добрые дела не принесут пользы душе.

Однако люди, встретившиеся со Светом, говорили не только об этом. В наставлениях Света звучал и другой мотив. Душе одной женщины Свет сказал: «Вернись к жизни в теле, ты еще должна учиться любить и накапливать знание». Другая женщина рассказывала: «Свет показывал мне самое главное. Он не обвинял, а как бы наставлял меня, что нужно учиться любви и просто учиться, приобретать знание, потому что это непрерывный процесс, и я буду продолжать его после того, как Он во второй раз придет за мной».

Здесь может возникнуть вопрос — какие знания? Всякие? Ведь известно, что некоторые знания, особенно поверхностные, далеко не всегда идут человеку на пользу. В «Поучении» Фомы Кемпийского есть такое предостережение: «Каждый человек желает получить знание, но что значит это знание без страха Божия... Чем больше и чем лучше твое познание, тем строже ты будешь судим, если с ростом твоего познания не возрастает твое благочестие».

В Новом Завете я не нашел прямых указаний на то, что нужно учиться и приобретать знания, но наибольшая заповедь в Законе учит возлюбить Господа не только сердцем и душою, а «и всем разумением твоим», а апостол Петр пишет во втором своем послании: «Возрастайте в благодати и познании Господа нашего и

Спасителя Иисуса Христа» (3, 18). Отцы Церкви тоже учат познавать Бога в Его творениях.

Выше мы приводили рассказы людей, возвращенных к жизни на земле, о том, что они встретили в загробном мире. Пишется об этом и в христианских книгах — Житиях святых и других.

О загробном мире пишет епископ Феофан Затворник: «Внутри или в глубине мира, нам видимого, скрыт другой мир, столь же реальный, как этот, либо духовный, либо тонко материальный — Бог знает... но известно, что в нем живут святые и ангелы... Душа стремится вверх, но только до той степени, какую допускают ее духовные силы... Вокруг души теперь все новое. Она вне привычных пространства и времени. Она может мгновенно переноситься куда захочет, может проходить сквозь стены, двери, сквозь все материальное...»

Повествования священных книг и рассказы наших современников, заглянувших за завесу, почти идентичны. Описываются одни и те же восприятия и феномены: выход души из тела, короткий период темноты или прохождение через темный туннель, свет, способность мгновенно преодолевать любое пространство и проходить сквозь все материальное, сжатие времени, безуспешные попытки контакта с живущими на земле, видение своего тела со стороны. Во второй главе мы писали о древнем враче Геннадии, видевшем свое тело отдельно от себя самого. Потусторонняя природа — растения, животные, птицы, небесная музыка, хоровое пение — описаны и там и здесь. Наши современники и древние христиане, переступив таинственный порог, встречали одно и то же.

Вернувшиеся «оттуда» рассказывали о встречах с разными духовными существами. Они видели своих прежде умерших родственников и других близких, патриархов, святых, ангелов, «гидов». Христианство тоже обещает встречу с умершими любимыми и учит, что душу умершего очень скоро встретят ангел-хранитель и встречный ангел, которому нужно молиться при жизни. Ангелы будут направлять и сопровождать душу при ее первых шагах в новом мире. Однако в то время как современные нам свидетельства говорят главным образом о радостных встречах и светлых духах, христианские источники пишут и о другом. Очень рано душу встретят уродливые и страшные существа. Они будут преграждать ей дорогу, будут покушаться на нее, грозить и требовать свое. Христианские писатели предупреждают, что злые духи

могут принимать любую форму, чтобы, давая лживые советы, направить душу на неверный путь. Мы вернемся к этому вопросу немного позже.

Труды реаниматоров показали, что очень скоро после перехода перед душой «ясно, как на экране», проходят картины ее теперь уже прошедшей земной жизни. Умерший находится не в темноте, а в присутствии яркого света. В свете иногда видят Христа, ангела, светлую фигуру.

«В присутствии Света вы испытываете неописуемую любовь и безопасность. Это трудно передать. Свет — абсолютная любовь. В Его присутствии вы понимаете, чем вы могли бы быть».

Свет задает вопросы, в них нет порицания, но есть любовь. Цель вопросов — помочь душе найти верный путь. При этом Свет показывает умершему главные события его жизни. Это дает душе возможность просмотреть и переоценить свою жизнь в теле. Вернувшиеся помнят все, даже мельчайшие детали, и, по их собственным словам, стараются теперь жить иначе, чем до сих пор.

О таком показе знает и религия Индии. Вот выдержка из книги «Философия йогов» Рамачараки: «В то время как „Я“ медленно выходит из физического тела, вся жизнь личности от детства до старости проходит перед его мысленным взором... картина за картиной, быстро сменяя одна другую, проходят перед его сознанием, и многие вещи становятся понятными уходящей душе... выясняется смысл многого происходившего... душа... понимает всю свою только что законченную жизнь, потому что она видит ее всю целиком. Эти видения имеют характер яркого сна, но оставляют глубокое и незабываемое впечатление; они сыграют свою роль в будущем».

Автор — не индус. Рамачарака — псевдоним. Настоящее имя автора — Уильям Уокер Аткинсон. Он англичанин, родился в 1862 году, изучал философию Индии и был учеником сваи Вивекананди. Он подразумевает будущее перевоплощение души. Христианство тоже знает об этом просмотре прошедшей жизни, но смысл его понимает иначе.

Святой Афанасий Александрийский в своем труде «Жизнь Антония Великого», умершего в 365 году по Рождеству Христову, описывает хождение по мытарствам. Он передает рассказ святой Федоры, явившейся после смерти своей в сонном видении ученику Василия Нового Григорию. Она сообщила ему, что душа, разлучившись

с телом, смотрит на него, как человек смотрит на сброшенную одежду. Потом вся земная жизнь святой Федоры, со всеми ее поступками, особенно греховными, подверглась просмотру и оценке светлыми и темными духами. По своему смыслу это свидетельство IV века по Р. Х. очень близко к тому, что мы знаем теперь о первом суде. Это знание не является новым научным открытием, а только подтверждением того, что давно известно верующим.

Христианство всегда учило, что вскоре после смерти тела душа в загробной жизни приходит на первый суд. Это не тот — второй и окончательный Страшный Суд, который будет в конце веков. Сейчас развитие души еще не закончено. Каждый из нас очень скоро после смерти тела увидит всю свою прошедшую жизнь и сможет переоценить многое. В свете истины мы увидим не только наши дела, но и их последствия. «В окончании человека открытие дел его» (Сирах 2, 27).

Первый суд есть оценка жизни души на земле. Протоиерей **Сергий** Булгаков пишет о первом суде: «После конца земной жизни — частный суд; это — самоопределение состояния, в котором умерший переходит в загробный мир. Это исходное начало для его продолжающейся жизни, а совсем не только «мздовоздаяние»... это скорее самосознание, самосуд, нежели судебный приговор, это суд совести пред лицом Бога».

С этим умозрительным заключением христианского философа полностью совпадает то, что за последние 15–20 лет открыли нам ученые, изучавшие смерть. «Свет не обвинял и не хвалил, а как бы объяснял и учил».

Видимо, просмотр своей земной жизни, о котором рассказывают умершие и возвращенные к жизни люди, это и есть частный суд. По сути это не суд, а самооценка своей жизни на земле, помощь Господа душе, вступающей во вторую часть своей жизни, в жизнь бестелесную.

Душа получает знание и силу для просмотра всех своих мыслей, чувств и дел в присутствии духовных сил, причем это показ не только дел, но и их последствий для других людей. При виде своих дел, принесших страдание другим людям, могут явиться угрызения совести, огорчение и желание исправиться.

На этом первом суде душа чувствует себя обнаженной. Восприятия теперь духовные. Обман и

утаивание невозможны. При жизни мы многое скрываем, а здесь видно все, включая мысли и намерения. Видны и мотивы: если что-либо делалось по любви к другим, душа радуется, если по эгоистическим мотивам, она стыдится.

Видя Свет, душа испытывает радость и блаженство. Свет — это любовь, понимание и сочувствие. В Его присутствии невозможны зависть, гнев, ненависть, невозможны никакие негативные эмоции. Немыслимо быть полностью осужденным в присутствии Света.

У нас не две жизни, а одна. После смерти тела развитие души будет продолжаться. Первый суд подводит итоги, оценивает сделанное за время земной жизни, показывает душе ее ошибки и направляет ее на правильный путь.

Самое большое расхождение между Священным Писанием и трудами некоторых современных нам ученых заключается в оценке того, что известно. Факты и явления в основном одни и те же, но понимание их различно.

Православный богослов иеромонах Серафим Розе издал в 1980 году книгу на английском языке «Душа после смерти». Он пишет, что свидетельства людей, переживших временную смерть тела, рисуют неверную и опасную картину. В ней слишком много света. Создается впечатление, что страшиться смерти не нужно. Смерть — это, скорее, приятное переживание, а после смерти ничто плохое душе не угрожает. Иисус Христос никого не порицает и всех окружает любовью. Раскаяние и даже мысли о нем излишни.

Это может навести на мысли, что, пока мы на земле, можно наслаждаться жизнью и не думать о последствиях. Один из вернувшихся «оттуда» пришел именно к таким выводам.

Серафим Розе пишет об опасностях. Темные духовные силы сделают все для них возможное, чтобы завладеть душой, вышедшей из мертвого тела. Серафим Розе напоминает, что князя темных сил называют отцом лжи и что и его слуги, а не только светлые духи встречают душу у порога загробного мира. Темные силы могут принимать любой облик. Они могут явиться душе как светлые ангелы и могут стараться внушить ей любые мысли.

Последние минуты земной жизни могут быть решающими. Отчаяние, отказ от покаяния, умирание без

обращения к Богу могут тяжело отразиться на будущей судьбе души.

Зная это, отцы Церкви учат верить не всякому духу и при жизни, а особенно при близости смерти. Святой Иоанн в первом послании пишет: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они... дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога» (4, 1—3).

Чрезмерный оптимизм может обмануть. Христианство учит о разной судьбе праведников и нераскаянных грешников. Свидетельства пациентов врачей-реаниматоров тоже не всегда светлые. Есть описания серой тьмы, страданий и даже ада.

Думая о том, что ждет нас после перехода, хочется, конечно, верить тому светлому, что открыла нам наука о смерти. Эти открытия, однако, говорят только о самом начале жизни за гробом. Видимо, Господь сделал так, что сам переход безболезнен и не страшен, но что ждет нас во второй части нашей жизни, в жизни духовной, наука не знает. Известно только, что у каждого из нас будет своя, индивидуальная судьба.

То, что известно о загробной жизни, дано нам Божественным откровением. Об этом знает и учит христианство.

Глава 10

Священное Писание и христианские философы о жизни в загробном мире.

Полнота жизненного опыта достигается двумя периодами жизни души — на земле и за гробом.

О загробном мире и об условиях жизни в нем мы знаем очень немного, но то, что нам нужно знать, нам открыто. Об этом пишут священные книги и христианские философы-богословы.

Умирание тела не нарушает непрерывного течения жизни души. Коса смерти проходит между душой и телом, отделяя умершее тело от бессмертной души человека.

Отцы Церкви учат, что основные черты характера личности не меняются; она переходит в загробный мир

такой, какой ее застала смерть тела, и продолжает существование, начатое на земле. Перейдя в загробный мир и пройдя частный суд, душа познала, что есть Бог, живой и любящий, и что сама она бессмертна. Она уже начала стремиться быть ближе к Богу, и, увидев теперь еще раз свою земную жизнь, душа многое переоценила и поняла, что было действительно важно, а что неверно и плохо.

Первый суд подвел итоги земной жизни, и сознание, что все земное выполнено, помогает душе покинуть телесный мир без сожаления. Душа теперь готова к тому, чтобы начать вторую часть своей жизни.

Вот несколько цитат о потустороннем мире.

Епископ Феофан, которого мы уже упоминали, пишет: «Внутри или в глубине мира, нам видимого, скрыт другой мир, столь же реальный, как этот, либо духовный, либо тонко материальный...» Христианский философ, монах Серафим Розе пишет: «Душу по смерти встречают чистые ангелы. Ангелы — не чистые духи, у них есть „воздушное тело“; являясь людям, они сохраняют человеческую форму — юноши в белых одеждах. Ангелы — единицы и, значит, уже где-то в пространстве, а не в духе только. Они могут быть только в одном месте. Только Бог — чистый дух и вездесущ.

Демоны могут явиться человеку в любой форме. Их множество... Это тоже единицы.

Души умерших тоже имеют форму тела человека, поэтому умерший может некоторое время думать, что он жив. Царство Небесное не просто состояние ума, а более реально. Простое разделение вселенной на материю и дух не точно».

Христианские философы считают, что нелепо думать, будто со смертью тела уничтожается и исчезает все, чего достигла личность за время своего развития на земле. Протоиерей Сергей Булгаков пишет: «Весь мир являет великий закон постепенного и бесконечного совершенствования форм, и невозможно допустить, чтобы высшее совершенство, достигнутое в земной природе — духовность человека, — не имело дальнейшего развития за пределами земного мира... И если дан людям закон „Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный“, то, конечно, должна быть дана и возможность осуществления этой заповеди, возможность бесконечного совершенствования духа. А для этого необходимо вечное, бессмертное существование духа».

Апостол Иоанн приводит слова Иисуса Христа: «И всякий живущий и верующий в Меня не умрет навек» (Иоанн 11, 26).

Архиепископ Лука (профессор Войно-Ясенецкий) пишет: «Жизнь человека разделяется смертью на две половины: душевно-телесного и духовно-душевного бытия».

Апостол Иаков учил, что человек есть только первая ступень духовности.

Архиепископ Иоанн Максимович писал: «Если бы жизнь кончилась смертью, она была бы бесцельной. К чему были бы тогда праведность и добрые дела? Но человек был создан для бессмертия. Наша земная жизнь есть подготовка к жизни будущей, и подготовка кончается со смертью. Тело человека разрушается... душа же продолжает жить, ни на секунду не прерывая своего существования».

Когда прекращается телесное зрение, открывается зрение духовное. После смерти душа будет воспринимать яснее, чем раньше».

Земное существование это только первая часть жизни личности — жизнь в теле. Выйдя из тела, личность (душа) не будет оставаться неизменной, она будет и дальше жить и развиваться.

Есть люди, которые представляют себе загробную жизнь в виде какого-то единообразного и неподвижного состояния — вечного блаженства в Царствии Небесном или постоянного и тоже пассивного страдания в аду. Это совсем не так. Христианство учит не этому. Философы давно знают, что все течет, все изменяется. Неподвижного мертвого покоя не может быть и в смерти. Ко времени смерти тела развитие личности не закончилось. Загробная жизнь есть продолжение развития личности, начатого на земле.

Жизнь на земле полна соблазнов. Безгрешных людей нет, и все мы перейдем во вторую часть нашей жизни, в жизнь бестелесную, неся на себе какую-то большую или меньшую тяжесть греха. Сразу после смерти тела душа еще не может, не способна будет принять блаженство духовной жизни; по словам одного из святых: «...она не вынесет царящего там света». Душе еще предстоит длительный период роста за гробом.

Христианство учит, что дальнейшее развитие души — к свету или от него — будет зависеть от ее направленности ко времени смерти к добру или злу и что после всего

опыта загробной жизни человек станет совсем иным в сравнении с тем, каким он был при своем земном умирании. Человек придет на Страшный Суд не таким, каким он умер на земле.

Полнота жизненного опыта достигается двумя периодами жизни души — на земле и за гробом. Живя в теле, человек не может постичь духовного мира, он может это сделать только в жизни духовной.

Отец Сергей Булгаков пишет: «Смерть есть великое посвящение, откровение духовного мира. Смерть открывает человеку врата духовного мира — появляется реальность, самоочевидность духовного мира, бытия Божия... Уже умирающему становятся зримы существа духовного мира и самое небо с Живущим в нем... Загробное состояние человека — это не смерть и даже не обморок души, но продолжение его жизни, начавшейся на земле. Душа, лишенная тела, не может принимать участие в земной жизни, но она меняется и развивается в жизни духовной. Она получает связь с миром духов — светлых и темных — и с другими душами».

Судьба каждого и там индивидуальна, как и здесь, с тем лишь отличием, что вместо ложного света и полутеней здешнего мира в загробном мире все освещено светом солнца правды, проникающего в глубины душ и сердец».

«Загробная жизнь ущербная, — продолжает отец Сергей, — но познание Бога становится явным и смысл всех поступков яснее. Совесть — свет Божий. Там Бог так же ясно виден, как здесь солнце».

Авва Дорофей (VI век по Р. Х.) пишет: «Души умерших помнят, что было здесь... все заботы об этом мире исчезнут, но что мы делали порочного или благого останется. Душа после смерти не дремлет, не теряет сознания, сохраняет страх, радость, горе; она начинает предчувствовать, что получит на общем суде. Покинув тело, душа встречает других духов, хороших или злых, обычно тех, под чьим влиянием она находилась при жизни тела. Эта зависимость останется и теперь. Дальнейшая судьба и приговор Бога будут соответствовать внутренней склонности души».

Богослов И. М. Концевич пишет: «Земная жизнь коротка и исчезает совершенно перед бесконечной вечностью; но последняя всецело зависит от первой. Залог истинной жизни должен получить свое начало здесь, в месте смерти».

Бог вложил в человека стремление и волю к добру, а не ко злу; однако свобода человека не нарушается, и в земной жизни он сам выбирал свой путь и свою судьбу. В загробной жизни душа будет идти по той дорожке, на которую она стала при выходе из тела. В Евангелии от Матфея (16, 26) сказано: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?».

Отцы Церкви пишут, что душе открывается лишь то, чему она сама сродни и достойна. Став на дорогу, ведущую к добру или злу, душа сама в своей загробной жизни изменить этого уже не может.

Переступив порог, тот, кто был плоть, убеждается теперь в существовании духовного мира. Он больше не боится смерти, и если во время своей земной жизни он томился о духовном мире, переход будет для него величайшей радостью.

Праведная душа будет испытывать блаженство. Ее состояние не будет пассивным созерцанием раскрывающихся тайн мироздания. Это будет не покой, а развитие и удовлетворение тех мечтаний и потребностей, к которым она стремилась в земной жизни. Близость к Богу, просветленный ум и близость друг к другу без какой-либо фальши, братская любовь и мир.

Люди, не верившие в Бога и перешедшие в загробный мир без раскаяния, познают наконец, что Бог и духовный мир существуют. Они будут ждать своей окончательной судьбы с тревогой и мучительными сомнениями. У каждого из них, как и у всех умерших людей, будет своя индивидуальная загробная жизнь и своя окончательная судьба.

Архимандрит Серафим Розе пишет, что предания всех народов — и просвещенных и самых грубых — говорят об ужасном состоянии грешников после смерти.

Архимандрит Пантелеймон тоже пишет о них. Перейдя в загробный мир, «все они ясно и в деталях увидят свои грехи на земле. Их будет мучить совесть, которая после смерти станет очень ясной. Их также будут мучить желания, к которым привыкла плоть во время земной жизни, так как удовлетворить их больше нельзя. Они не стремились к духовному, а теперь поздно; и их будет мучить отдаленность от Бога и близость злых духов».

Не у всех грешников одинаковая судьба. Грешные души тоже претерпевают развитие. Нераскаянные грешники и великие грешники станут неисправимо злыми. Их ждет вечное страдание. Другие грешные души получают надежду на милость Бога и жизнь вечную.

Протоиерей Сергей Булгаков пишет: «Сила Святого Духа в загробной жизни действует на всех — верующих и неверующих — кроме тех, кому духовное ожесточение мешает к загробному принятию Святого Духа».

Евангелист Марк приводит слова Самого Иисуса Христа: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Марк, 3, 28—29).

Душа умершего грешника сама изменить свой характер и помочь себе уже не может. Она не может делать добрых дел. Высшая жертва — «положить живот свой за други своя» — тоже для нее невозможна. Но остается надежда на милость Бога и на помощь извне — молитвы Церкви, молитвы за душу умершего его родных и близких.

Христианство учит, что в конце веков будет последний, или Страшный Суд. «Ибо приидет Сын Человеческий во главе Отца Своего с ангелами своими и тогда воздаст каждому по делам его» (Матфей 16, 27). Об этом же говорит притча о виноградаре: «...Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Иоанн 15, 1—2).

Евангелист Матфей приводит слова Иисуса Христа: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Матфей 13, 12).

Иисус Христос, не раз обращаясь к людям, говорил: «Имеющий уши да слышит». Но Господь человеколюбив и милостив. Иисус Христос говорил также: «И Я скажу вам: просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам; ибо всякий просящий получает...» (Лука 11, 9—10).

Мы смерти не знаем. Два отношения к смерти; Страх смерти. Современная цивилизация стремится не видеть смерти.

Терминальная болезнь. Успокоительные лекарства.

Доктор Элизабет Кюблет-Росс и ее метод изучения терминальной болезни. Можно ли разговаривать с больными о смерти.

Одиночество смертельно больного. Путь к принятию неизбежного, пять стадий.

Архиепископ Лука писал, что жизнь человека состоит из двух частей — душевно-материальной и духовно-душевной. Смерть тела знаменует собой переход души из первой части ее жизни во вторую.

Думая о конце нашего земного существования, мы часто думаем не о смерти тела, а о смерти вообще, о чем-то страшном и непонятном. Это — ошибка мышления, и она пугает. Приходит желание спрятаться: «Лучше об этом вовсе не думать». В результате мы знаем о смерти очень мало, в то время как самое страшное в ней именно неизвестность — «а что со мной будет?».

Отказываясь думать и узнавать, мы делаем неизвестность еще более темной и страшной. Поэтому для многих людей самым трудным периодом жизни является преддверие смерти — последняя, терминальная болезнь, время от момента, когда человек узнал, что у него неизлечимая смертельная болезнь, и до того, когда он уже совсем близко подошел к последней черте.

Однако бояться не все. Разные люди по-разному встречают смерть. В «Раковом корпусе» Солженицына есть замечательное описание того, как умирал Ефрем Поддубев, у которого был неизлечимый рак (главка «Чем люди живы?»).

«Ему сделали третью операцию, больней и глубже... Итак, что ж было прикидываться? За раком надо было принять и дальше — то, от чего он жмурился и отворачивался два года: что пора Ефрему подышать... Но это можно только выговорить, а ни умом вообразить, ни сердцем представить: как же так может с ним, с Ефремом? Как же это будет? И что надо делать? (...)

И ничего он не мог услышать в помощь от соседей ни в палатах, ни в коридорах, ни на третьем этаже. Все было переговорено, а все не то».

Ефрем был не один такой. Он видел, что и другие беспомощны и не могут найти ответа, а «по их желанию врать себе до последнего, что у них не рак, выходило,

что все они слабаки и что-то в жизни упустили. Но что же?».

Солженицын продолжает: «...Но вот сейчас, ходя по палате, он (Ефрем) вспоминал, как умирали те старые в их местности на Каме — хоть русские, хоть татары, хоть вотяки. Не пыжились они, не отбивались, не хва-стали, что не умрут, — все они принимали смерть спокойно. Не только не оттягивали расчет, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому — кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги. И отходили облегченно, как будто просто перебирались в другую избу. И никто из них нельзя было бы напугать раком. Да и рака-то ни у кого не было.

А здесь, в клинике, уже кислородную подушку сосет, уж глазами еле ворочает, а языком все доказывает: не умру! у меня не рак».

Ефрему было трудно, он хотел понять, откуда бралось такое спокойствие у стариков крестьян, как найти путь к нему, что было такое в его жизни, что он пропустил. Он думал, разговаривал с людьми, стал много читать. Читал он разное, и хорошее и плохое — искал. Прочитал и «Чем люди живы» Льва Толстого. Название как-то отвечало его поискам, и в конце концов он принял неизбежное, нашел какой-то ответ и к концу жизни, больной неизлечимым раком, стал спокойнее ждать смерти.

Наверное, Ефрему помогли и хорошие книги, но главное было не в том. Ефрем перестал обманывать самого себя — у меня не рак, я не умру. Он принял правду, принял, что ему скоро умирать, и с этого момента его мысли приняли другое направление. *Вместо того чтобы скрывать от себя правду, он начал осваивать ее.* Он начал смотреть в глубь самого себя, начал думать о главном: моя жизнь близится к концу, и что я сделал? И что теперь или потом со мною будет? и что еще нужно сделать? И Ефрему стало легче. А ведь Ефрему было труднее, чем будет нам, когда придет и наше время. Он не знал, что душа бессмертна, или, во всяком случае, мог сомневаться в этом.

В отрывке, который мы привели, описаны два отношения к смерти. И Ефрем и те, что «уже кислородную подушку сосут», видят в смерти врага, который хочет лишить их жизни. Борьбаться с ним они не могут и стараются не видеть, закрыть глаза, спрятаться. А старику крестьянину ясно, что смерть — явление столь же есте-

ственное, как и жизнь, и так он ее и принимает — спокойно.

Конечно, даже поняв это, бояться смерти мы не перестанем. Но все же если почувствовать и умом и сердцем, что смерть не враг наш, а часть жизненного процесса, то искать ответ станет легче.

Полностью избавиться от страха смерти мы никогда не сможем, потому что этот страх нужен. Жизнь дана человеку потому, что он должен что-то сделать, выполнить на земле, и страх смерти заставляет его беречь свою жизнь. Люди, прожившие свой срок в трудах и с пользой для других, часто чувствовали, что они свое дело на земле уже сделали, и, когда приходило их время, страха смерти у них не было.

Жизнь — драгоценный дар, и чтобы его сохранить, нам вместе с жизнью дан и страх смерти. Это естественно. Но плохо, когда этот страх больше и сильнее, чем он того заслуживает.

Большинство современных людей — мужчин и женщин — до тех пор, пока они здоровы и благополучны, о смерти не думают. Нет желания подумать и нет времени, все мысли заняты каждодневными заботами.

Кроме того, вся наша общественная жизнь построена так, чтобы смерти не видеть. Тяжело заболел кто-либо из близких. Раньше лечили дома. Приходил доктор, ухаживали мать, жена или муж. Теперь чуть что посерьезнее — в больницу. Когда он или она умирает, при нем обычно, да и то не всегда, медсестра или санитарка, редко врач, но не муж, жена, дети, которые смерти не знают и боятся. Когда умер, тело умершего в доме не лежит, родные его не видят, с ним не остаются и не прощаются. Затем — краткая церковная служба, а часто и вовсе без нее, несколько хвалебных слов, если нужен особый почет — траурный марш, и быстрые похороны или кремация. На кладбище потом ходят все реже, да и кладбища делаются все более неудобными и голыми.

Наша современная цивилизация направлена на отрицание смерти. Для многих сейчас смысл жизни в погоне за наслаждениями — в той или иной форме получить удовольствие или хотя бы развлечение. А это со смертью совсем не вяжется. В результате мы не видим смерти и привыкаем не думать о ней, и не только о своей смерти, но и о смерти вообще не думаем.

Хорошо это или плохо, не будем сейчас решать. Не думая, жить, конечно, легче. Но зато когда смерть вдруг

оказывается близкой и неизбежной — заболел человек неизлечимым раком, — то встречать ее особенно трудно. К симптомам болезни — болям и другим — прибавляется очень тяжелое психическое состояние — страх смерти, страх неизвестности. Угроза оказалась неожиданной. Человек не подготовлен, он ничего не знает, и начинается самый трудный период человеческой жизни.

Что же делать? Можно ли хоть чем-нибудь помочь? Как облегчить эту предсмертную тягость, глубокую тоску безнадежно больного человека?

Есть, конечно, разные успокоительные лекарства, но как действие временное, они ничего не меняют, а дают только забвение, после которого на душе еще тяжелее. Иногда нужны и лекарства — об этом несколько позже, — но нельзя ли просто по-человечески? Раньше всегда старались помочь священники. Чем могли помогали врачи и сестры.

Несколько лет назад нашлись врачи, которые серьезно занялись этим вопросом. Одним из пионеров была доктор Элизабет Кюблер-Росс. Она родилась в Вене, но сейчас работает в Чикаго, в Америке. У нее много последователей и сотрудников. Она создала свою школу в той области науки, которая изучает смерть.

Прежде всего нужно было узнать и изучить, что, собственно, так сильно тревожит больного, чего он боится, чего ему не хватает, чего он хотел бы, ведь у каждого человека свои заботы. Узнать это можно только из разговоров с безнадежно больными. Но как к этому подойти? Захотят ли они вообще разговаривать? Если просто сесть рядом и начать расспрашивать, то он или она, скорее всего, повернутся лицом к стене и скажут несколько не очень приветливых слов — отстань, дескать.

Доктор Кюблер-Росс нашла очень и простой честный метод. Она говорила больному, что ведется научная работа на тему о смерти, чтобы помочь тяжело больным, и что для этого нужна помощь гаммы больных, нужно, чтобы они рассказали о том, что они чувствуют, думают, чего хотели бы. Она просит помочь в этой работе. Конечно, избирались только больные, уже знавшие о характере своей болезни.

Почти всегда, увидев, что здесь не простое любопытство, а что-то серьезное, больные начинали разговаривать и скоро раскрывались. Они были рады, что в своем плачевном состоянии они все-таки могут быть полезными другим. И оказывалось, что у больных всегда было много

на душе такого, о чем хотелось говорить, рассказывать, спросить.

До этого приходившие родственники и знакомые не могли помочь им. Они боялись говорить о смерти, говорили о чем угодно, боясь навести мысли больного на то, что, по их мнению, он старается забыть. Они сами не знали смерти, прятались от нее и замалчивали, считая, что так лучше и им, и самому больному. А больному хотелось поговорить о главном, спросить, и он тоже не мог и облегчения не получал. Выразить искреннюю симпатию, горе, даже поплакать родственники не могли, боясь обеспокоить больного. И у родных горе не получало выхода, и больному легче не становилось.

Вот и начало понимания — ответ на первый вопрос. Умиравший находится в состоянии эмоционального одиночества, и ему трудно. Он покинут. Вокруг него создан заговор молчания. Даже самые близкие люди говорят с ним о всяких мелочах, а не о том, что его тревожит. Больному нужны откровенные прямые разговоры и ему очень нужно искреннее сочувствие. Не шаблонные слова вроде «ничего, обойдется» или «не унывай», а настоящее.

С таким больным нужно не прятаться, а, если есть искреннее сочувствие и любовь, можно и нужно говорить о главном не боясь. Конечно же, и подбодрить, и укрепить надежду, а не хоронить раньше срока. Все это не легко, но возможно. Ну а если не приходят слова, то лучше всего молча посидеть рядом. Хорошее молчание тоже рождает сочувствие и близость, и скоро придут и нужные слова.

Доктор Кюблер-Росс и ее сотрудники пишут, что психическое состояние человека, заболевшего смертельным недугом, не остается постоянным, а проходит через несколько стадий. Многим больным, большинству, в конечном счете удается прийти к более или менее спокойному принятию неизбежного. Верующему христианину это, конечно, легче, но и многие из тех, кто не верил в Бога и бессмертие души, смогли прийти примиренными к концу своей земной жизни.

Об этих стадиях, или этапах, через которые проходит умирающий, нужно поговорить немного подробнее. Доктор Кюблер-Росс и ее сотрудники различают пять стадий. (Они пишут главным образом о современном неверующем человеке).

Первая стадия — *отрицание*, неприятие трудного факта: «Нет, не я». «Это не рак». Эта стадия нужна, она смягчает шок. Без нее страх и горе были бы слишком большими. На больного вдруг навалилось что-то угрожающее и страшное. Поймите это и вы и разделите это с ним. Дайте надежду.

Когда стихает первый шок, появляется гнев, возмущение. «Почему я?» «Почему другие и, может быть, люди старше меня будут жить, а я должен умереть?» Это вторая стадия — *протест*. Негодование больного может быть направлено против Бога — Бог несправедлив. Такое отношение к Богу может вас возмутить и оттолкнуть от больного. Это было бы неверно. Часто это — неизбежная стадия; она трудна, но она пройдет.

Скоро вспышка протеста стихает и приходит третья стадия — *просьба об отсрочке*. Он уже понял, но — «не сейчас, еще немного». Он уже просит Бога, говорит с ним, хотя, может быть, никогда раньше к Богу не обращался. Он обещает стать лучше, жить лучше, если ему дадут некоторое время. Приходят начатки веры, ему хочется верить, и теперь любящий близкий человек, особенно верующий, может хорошо помочь.

Четвертая стадия — *депрессия*. Больной слабеет и видит это. «Да, это я умираю». Протеста больше нет, а есть жалость и горе. Ему жаль оставлять близких и все, что он любил при жизни. Он сожалеет и о своих плохих поступках, об огорчениях, причиненных другим; он старается исправить причиненное им зло. Но он уже готовится принять смерть. Он стал спокоен. Он хочет иногда остаться один, не любит посетителей с пустыми разговорами. Он не хочет отвлекаться ни на что постороннее, он кончил с земными заботами и ушел в себя.

Последняя стадия — *принятие*. «Теперь уже Скоро и пусть будет». Это — спокойствие, принятие. Это не состояние счастья, но несчастья здесь тоже нет. По сути, это его победа.

В этих последних стадиях особенно нужна помощь близких. Он может быть и один, но ему легче, когда близкий человек с ним, рядом. Пусть и без слов. Даже когда спит, он чувствует, что кто-то рядом. А иногда хочет остаться один, подумать, приблизиться к Богу, помолиться.

Конечно, описанные стадии — это только схема. Далеко не всегда они идут по порядку, одна за другой.

Иногда их и вовсе нет, как, например, при смерти в момент автомобильной катастрофы.

Люди, глубоко верующие, обычно не нуждаются в этих предварительных стадиях. Они знают, что после смерти тела они будут жить дальше и, вероятно, лучше, с самого начала болезни не боятся смерти; они встречают ее мирно, а иногда и с радостным ожиданием.

Люди, побывавшие «на той стороне», но возвращенные к жизни на земле и, значит, испытавшие на собственном опыте умирание и смерть, больше не боятся смерти. Один из них сказал: «Если это была смерть, то это не плохо».

Глава 12

Терминалы²« болезнь меняет характер человека. «Смерп.—пос-
^рдчта стадия роста».

Предсмертные страдания. Смысл страданий. Христианство о оря

Предыдущая глава была о последней болезни человека, так называемой «терминальной» болезни. Однако самое важное, вероятно, не в описанных там стадиях, а в том, как эта болезнь меняет характер человека, понявшего, что его время ограничено. А меняется характер сильно и почти всегда в одном и том же направлении. Люди становятся добрее, отзывчивее, лучше. Они жалеют об упущенных возможностях сделать хорошее, о зле, причиненном другим людям. Красота природы воспринимается острее, чувства чище, любовь сильнее. У неверующих часто начинается просыпаться вера в Бога.

В книгах и статьях о смерти приводится много примеров. Е. Кюблер-Росс издала сборник статей своих сотрудников под общим названием «Смерть — последняя стадия роста». В статье, написанной Мусалиму Имара (с. 151), описывается старая женщина, больная неизлечимым раком. Богатая, сухая, требовательная, всем недовольная, она довела больничный персонал до полного изнеможения. Ее не любили, боялись и избегали. Но по мере развития болезни она становилась мягче, приветливее и добрее. Даже ее голос из визгливого стал глубоким и мягким. Она перестала враждовать, и у нее появились друзья. Незадолго до смерти она сказала, что

за последние три месяца она жила больше и лучше, чем за всю свою жизнь; она жалеет, что только сейчас, а не сорок лет назад она узнала, как нужно жить. Другие авторы пишут о том же и отмечают как иронию тот факт, что жизнь к самому ее концу становится богаче и ярче.

Есть ли это ирония? Такое изменение характера у тяжелобольных совершенно понятно. Пока мы живы и здоровы, мы заняты повседневным. Тяжкая болезнь вынуждает пересмотреть свое отношение к близким людям, к планам на будущее, ко всему, что до сих пор заполняло жизнь. Чувство, что смерть не за горами, делает все внешнее неинтересным и неважным. Мысли обращаются внутрь, на себя. Приходят мысли о Боге и о душе. Человек становится глубже, добрее, лучше; приближаясь к смерти, многие люди растут.

Врачей, занимавшихся тяжелобольными, этот рост незадолго до смерти сначала удивлял, но он был настолько очевиден, что например, доктор Кюблер-Росс посвятила этому свой вышеупомянутый сборник.

Название может показаться противоречивым — умирание, смерть как стадия роста. Речь идет, конечно, не о физическом росте, а о росте духовном и интеллектуальном. Это тоже выглядит странно, однако Кюблер-Росс в этой статье о духовном росте пишет, что близость смерти освобождает наше истинное «Я» от условностей, когда мы живем чужими мыслями и приказами. Рост в том, что мы перестаем отражать чье-то, а делаемся больше сами собой, что мы отбрасываем цепи принуждения, надетые на нас обществом, и, глубже понимая себя, живем свободнее. Автор добавляет, что понять это нужно раньше, чем к концу жизни, чтобы начать расти раньше.

Это очень верно. Смысл жизни в росте, в развитии, и не только здесь, на земле. Душа человека, перейдя после смерти тела в загробный мир, получает возможность дальнейшего развития и там. А пытаюсь отрицать это до конца, мы делаем последнюю часть нашей жизни и бессмысленной и очень трудной.

В последние годы было опубликовано много трудов, посвященных терминальной болезни. Ученые, наблюдавшие таких больных, пишут, что современный образ жизни ради удовольствий к росту личности не ведет и что во время терминальной болезни, когда меняются и образ жизни и интересы, человек иногда живет глубже

и полнее, чем когда-либо перед заболеванием. Жить осталось не очень долго, но еще древние философы учили, что важно не количество прожитых на земле дней, а их качество.

У человека, понявшего, что жизнь подходит к концу, есть только две возможности — бездейственно ждать смерти или использовать полностью еще оставшееся время. Это, конечно, относится не только к больным, но и к здоровым, потому что всех нас каждый день приближает к смерти. Когда смерть уже совсем близко, раскрывается духовная сторона личности и больной может стать ближе к Богу и людям.

Американский сенатор Пауль Цонгас, заболев неизлечимым раком, писал, что болезнь заставила его понять тот факт, что он когда-нибудь умрет... И в результате этого — тогда, только тогда — он понял, что у человека есть духовные нужды... есть всегда, болен ли, он или здоров... Это придало ему силы, и за полученное новое знание он благодарит свою раковую болезнь.

Если смерть не захватит нас врасплох, например во время столкновения автомобилей, или не придет незаметно при остановке сердца во время сна, нужно быть благодарным Господу. За время последней болезни можно узнать и понять больше, чем за всю предыдущую жизнь. Можно лучше понять людей и получить радость ответной симпатии и любви.

Доктор Элизабет Кюмблер-Росс, глубоко изучившая проблему умирания, пишет, что хотела бы, чтобы причиной ее смерти был рак; она не хочет лишиться периода роста личности, который приносит с собой терминальная болезнь.

Христианство учит, что смысл жизни в том, чтобы к концу ее стать лучше, чем был. Терминальная болезнь может дать человеку именно это.

Каждый возраст и каждая стадия жизни имеют свои хорошие и плохие стороны. Есть хорошее и в стадии угасания, хотя на первый взгляд это может показаться неправдоподобным. Что может быть хорошего в тех страданиях, физических и душевных, которые приносит с собой терминальная болезнь? Ученые называют ее стадией роста, но для чего приобретать новое знание и самому становиться лучше, если времени применить это новое больше не будет? И из-за этого, несмотря на все предыдущие соображения, на душе все-таки горько.

С этой проблемой столкнулись и те ученые, о которых мы писали, в том числе и доктор Кюмблер-Росс и ее сотрудники. Они видели, что нужен ответ и, если хотите, утешения. Начиная свои труды, почти все они были людьми, не верившими в жизнь Духа, воспитанными на материалистической философии. Что могли они сказать? Они писали, что хотя мы и умрем, но жили не зря, потому что сделанное нами не пропадет. Нас будут вспоминать с благодарностью, а то хорошее и нужное, что мы сделали за время жизни, пойдет на пользу другим людям. Это и все, что они могли сказать в то время.

Для жизни общества это, может быть, и ответ, но для себя я ответа не получаю. Зачем же мне перед самой смертью страдать и расти? Чувствовали это и сами ученые, изучавшие смерть, и писали даже, что все это похоже на иронию.

Ответ на это недоумение очень простой. Нашли или находят его и сама Кюмблер-Росс и другие ученые. Их последние труды и публичные выступления на собраниях и конгрессах свидетельствуют об их приходе к вере в Бога и в загробную жизнь.

В мировоззрении бессмыслицы нет, а смысл земной жизни виден только в том случае, если смерть тела не есть конец существования человека. Об этом и о смысле страдания пишет князь Е. Трубецкой в своей книге «Смысл жизни».

«Жизнь в той форме, как она идет на земле, бессмысленна. Вечный круговорот вещества. Суeta суeta... Цивилизация не возвышает человека, а часто служит войне и озверению духа. Подъема нет. Биологизм переходит в сатанизм. Зло одухотворяется и становится нормой.

Но у каждого человека есть стремление к духовному, вверх. Откуда оно? Здесь оно не удовлетворяется.

В мире бессмыслица, но раз я это осознаю, значит, я имею точку опоры во сне. Мы чувствуем, что высшее есть, не находим его здесь и страдаем. Мировой смысл есть, но он не на земле. Чтобы познать его, нужен опыт жизни в теле и в духе. Познать духовное на земле нельзя; можно только предчувствовать.

В мире страдает высшее и лучшее именно потому, что оно высшее и божественное.

В чем смысл? Страдание сродни блаженству. Когда женщина рождает ребенка, она льет слезы страдания и блаженства. Благополучие огрубляет, создавая иллюзию полноты, а страдание рождает желание полноты».

Страдание в нашей короткой земной жизни в какой-то степени очищает душу и помогает ее подъему в бестелесной вечной жизни.

Иисус Христос тоже говорил о необходимости и благодетельности страдания: «Блаженны плачущие, яко тии утешатся». Это подтверждает апостол Павел, сказавший, что, если Бог хочет почтить человека наиболее полно, Он приготовляет его к мученичеству крови.

Всякое страдание как-то очищает душу. Оно вызывает сочувствие к страдающему, а его приближает к Богу и людям. Один из отцов Церкви объяснял, что страдания необходимы потому, что без них недавно вышедшая из тела душа грешного человека не могла бы вынести яркого света Небесного Царства. Душа перейдет в загробный мир, все еще неся на себе какую-то тяжесть греха, и многие души должны будут претерпеть страдания за гробом; в этом смысл католического учения о чистилище и православного о мытарствах души. Последняя болезнь приносит телесные и душевные страдания и страх смерти потому, что они нужны, помогая душе в какой-то степени очиститься еще в этом мире.

Рост духовности на последнем этапе земной жизни не бессмыслен, и страдания, которые сопровождают терминальную болезнь, не напрасны.

Глава 13

Страх смерти. Его неизбежность. Что нас страшит? Смерть праведников и грешников. Страх смерти и страх Божий.

Терминальная болезнь неразрывно связана с физическими и душевными страданиями, и страх смерти может быть самым трудным из них.

Смерти боятся не только люди, а все живое. Страх смерти — это естественное чувство, нужное в жизни природы. Животные, птицы, рыбы, насекомые прежде всего стараются сохранить свою жизнь. Страх смерти есть желание жизни и помогает сохранять ее; это — чувство неизбежное, и всем нам, как это ни горько, придется испытать его.

Что же делать? Можно ли как-нибудь ослабить этот страх? Или хотя бы объяснить, потому что все, что мы смогли понять и объяснить, делается менее страшным.

Люди мистически боялись грома и молнии только до тех пор, пока не узнали их причины.

Или, может быть, лучше не пытаться что-либо объяснять, а просто не думать о том, что когда-то придется умирать? Однако смерть оттого, что о ней не думают, не исчезнет и страх смерти тоже не исчезнет, а уйдет глубже, в подсознание. Там он будет опаснее и вреднее, чем будучи осознан; его скрытый яд будет все время отравлять радость жизни, а к концу ее прорвется наружу тяжкими страданиями.

Закрывая глаза и не думая, избавиться от страха смерти не удастся. Смерть не только естественна, но и неизбежна. Однако помнить и думать о смерти не значит бояться ее. Память смертная необходима и благодетельна для полноценного и достойного человеческого существования. Еще в Древнем Риме учили — «МешепЮ шоп» («Помни о смерти»).

Христианские учителя говорят об этом совершенно ясно. Святой Иоанн Дамаскин учил: «Помышление о смерти важнее всех других деланий. Оно рождает чистоту неистлеваемую и „Память смертная побуждает живущим к трудам, к терпеливому принятию огорчений, к оставлению забот и к молитвам“».

Есть мудрый житейский совет — «Каждый день прожить так, как если бы это был последний день вашей жизни». А если вы хотите удержать человека от плохого поступка, то есть в русском языке хороший призыв: «Да побойся ты Бога».

Стараясь не думать о смерти, мы боимся ее больше, чем могли бы.

Материалистическая философия, господствовавшая в прошлом веке, пыталась помочь, утверждая, что страха смерти вообще быть не должно. Она советовала людям: «Не бойся смерти. Не может быть страшно то, что естественно». Сказано это авторитетно, но вряд ли убедит кого-нибудь.

Христианство учит, что страх смерти естественен и нужен. Мы живем на земле не только для того, чтобы получать наслаждение. Конечно, Господь хочет, чтобы люди радовались жизни, и дал им все необходимое для этого, но Он также дал каждому из нас какую-то жизненную задачу — большую или маленькую, сообразно с нашими силами и способностями. За время жизни на земле мы должны сделать что-то входящее в Божий Промысел о мире. Об этом говорит и притча Иисуса

Христа о талантах, где господин в конце веков спрашивает у рабов, как они использовали данное им время и таланты (деньги, но и способности) (Матфей 25, 14–30). Жизнь дана нам для того, чтобы сделать что-то нужное и полезное, и ее нужно хранить.

Христианские философы, думавшие о страхе смерти, учат, что здесь нужно различать два неодинаковых состояния, и дают им разные названия. Игумен Синайской горы пишет об этом в «Лестнице»:

«Боязнь смерти есть свойство человеческого естества... а трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных прегрешений... Боятся Христос смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать свойство двух естеств».

Все мы в той или иной степени смерти боимся. Обычно не анализируем, не стремимся разобраться, а просто боимся. Страшит неизвестное, угрожающее и неотвратимое.

Чего мы, собственно, так сильно боимся? Может быть, физических страданий, связанных с умиранием? В последней стадии жизни может быть много телесного страдания, но оно присуще болезни, а не смерти. Умирание само по себе безболезненно и вообще неощутимо. Даже больше этого: если были боли, то при умирании они исчезают. Исчезают и все симптомы болезни, и личность человека, переступив пугающий порог, продолжает жить в новых условиях существования.

Боимся ли мы пустоты, небытия, «меня больше не будет», чего-то вроде глубокого сна без сновидений и без пробуждения? Может быть, пугает и мысль о небытии, но еще больше мы боимся чего-то другого. Ничего не сознавать и не чувствовать — это все-таки почти как сон и само по себе не так уж страшно. Кроме того, теперь мы знаем, что при переходе личности в загробный мир сознание чаще всего вообще не теряется, а если теряется, то только на одно мгновение. Умерший продолжает чувствовать и мыслить, как и раньше, без перерыва.

У умирающих может быть чувство горя; ему жаль покидать близких людей, природу, всех и все, что он любил на земле, но сожаление и горе — это не страх смерти, а совсем другое чувство.

Мы теперь знаем, что переход не страшен и что начало жизни «там» тоже не страшно. Одиночества нет, а есть помощь, и первые восприятия благополучны и даже приятны. Но окончательная судьба моей души мне неизвестна. Каким будет определение Господа обо мне,

я не знаю и уверенным не могу быть ни в чем. Все мы грешны, и «дела наши идут за нами», и судьбы у всех нас будут разные. Мы не знаем, но подсознательно чувствуем, предчувствуем, что после смерти нас может постигнуть что-то нехорошее и сами мы будем неспособны изменить это.

Один из православных святителей писал:

«Странно было бы, если бы в это время не было у нас боязни неизвестного будущего, не был бы страха Божия. Страх Божий будет, он благодателен и нужен. Он помогает очищению души, готовящейся выйти из тела». Но страх Божий — это не панический страх смерти, не трепет смертный, и в наших молитвах мы просим Бога даровать нам мирную и непостыдную кончину.

Не все боятся смерти. Люди умирают по-разному. Смерть может быть легкой, но может быть и очень трудной. Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий, описывая смерть праведников и грешников, подчеркивает это различие. Вот его слова: «Тихая и непостыдная кончина есть такое благо, к достижению коего можно отказаться от многих удовольствий жизни. Но тот, кто работает греху и служит страстям, должен знать заранее, что если он не исправится, то сие благо для него потеряно; что под конец жизни, при разлуке души с телом, его ожидают не покой и услаждение, а скорбь и муки. Смерть грешников люта, говорит слово Божие». Он продолжает: «Те, кто были при кончине людей праведных, видели, что они не умирают, а как бы засыпают и отходят с миром куда-то от нас. Наоборот, смерть грешников мучительна».

У праведника есть вера и надежда, у грешника, наоборот, страх и отчаяние; он к смерти не готов, и когда она вдруг оказывается близкой, он поражен ужасом, малодушием и отчаянием.

Даже у самой грани нам не дано знать Божьего определения, но многие могут предчувствовать его и свою будущую судьбу, и это предчувствие делает переход легким и радостным или трудным и страшным.

Часто хорошо умирали крестьяне, растившие хлеб на своей земле. Они трудились, помогали другим, выращивали хороших детей и не позволили сбить себя с толку разными безбожными философиями. Грешили, конечно, но калялись и старались не повторять. У них было ощущение жизни, прожитой не зря. Они свое дело на земле сделали и отходили легко.

Диагноз рака и диагноз неизлечимого рака. Время кризиса. Депрессия или преодоление? Несколько свидетельств.

Терминальная болезнь: страдания, соблазны. Помощь Господа. Феномен «принятия».

Образ жизни терминального больного.

Молитва солдата. Молитвы.

В предыдущих главах терминальная болезнь и сопровождающий ее страх смерти рассматривались глазами эристианских пастырей и глазами ученых, главным образом медиков, изучавших умирание и смерть человека. Это глава будет о том, что он чувствует и что ему приходится менять в привычном образе жизни.

Это трудный период жизни, но Господь любит свое творение и поможет и в самое темное время. Если заболевший найдет правильный путь к преодолению трудностей, он почувствует направляющую руку Господа.

Пока человек здоров, он живет день ото дня, как и все. Работает, развлекается. И вдруг — рак. Сразу почувствовал, что все внешнее не так уж важно, мысли ушли углубь, на себя. И дано было время подумать об этом, с болезнью стало больше свободного времени.

Сначала, конечно, не хотел признать, убеждал себя, что не так уж это плохо и опасно. Но пройдет немного времени, и обманывать себя он больше не сможет.

Диагноз рака это еще полбеды, но диагноз неизлечимого рака много труднее. Теперь человек увидел и понял, что его время ограничено и что, вероятно, уже скоро...

Момент, когда он увидел, что неизбежное касается его самого, лично его, это самый трудный момент во всей жизни. Человека, близкого к вере, это может приблизить к Богу, однако каждый, верующий или неверующий, узнав, что он поражен смертельным недугом, неизбежно и сразу сталкивается с проблемой — что же теперь будет и что мне делать. Это кризис, и он требует разрешения. Уйти от него нельзя.

Хуже всего, если больной поддается панике: «Теперь все равно», — или в силу душевной слабости ничего не решит, оставив все, как было. Тогда останется одно — наблюдать, как развиваются симптомы болезни и как слабеет и гибнет тело; будут трудные и бесполезные мысли, бессонные ночи и все более глубокая тоска и отчаяние.

Кризис требует разрешения. Нужно принять неизбежное и понять, что теперь придется жить иначе, чем до сих пор. Прежде всего нужно спокойно обдумать и решить, что нужно сделать в еще оставшееся время. А времени осталось совсем не так мало. Современная медицина добилась больших успехов. Даже там, где она не нашла излечения от неоперабельного рака, она обеспечивает много месяцев и даже год, два, а иногда и три года полноценной активной жизни, часто без каких-либо физических страданий. Нужно еще долгое время не умирать, а продолжать жить. Многие больные сумели это понять и сделать последнюю стадию своей жизни не только сносной, а светлой и счастливой.

В «Журнале для клиницистов о раковых заболеваниях» помещена статья Е. А. Вастияна «Духовная сторона ухода за раковыми больными».

Иллюстрируя свои мысли о раковых больных, автор приводит ряд случаев.

Хирург доктор Роберт М. Мак, больной неоперабельным раком легкого, сам описал свои переживания. Вначале, узнав о своей болезни, он был очень испуган, растерян и близок к отчаянию. Но пережив первый шок, он преодолел кризис, и вот что он пишет:

«Я счастливее, чем был когда-либо раньше. Эти дни теперь на самом деле самые хорошие дни моей жизни».

Он пишет, что «в то время» (кризис) он был вынужден сделать выбор; он мог ничего не решить и предоставить болезни и лечению идти своим чередом, или он мог остановиться, посмотреть на свою жизнь и спросить себя, что теперь действительно важно и что еще нужно сделать.

В заключение он говорит: «Глубокая ирония человеческого существования в том, что многие из нас только после тяжелой травмы или даже только при близости смерти узнают истинную цель существования и понимают, как нужно жить».

В 12-й главе приводились очень похожие слова американского сенатора Пауля Цонгаса.

Один протестантский священник, описывая свою терминальную болезнь, называет ее «счастливейшим временем моей жизни».

Это может показаться неправдоподобным, но это не выдумка, не бахвальство, а правда. Многие люди, приближаясь к концу своей земной жизни, говорят о том же. Исчезают все мелкие заботы. Больше нет

амбиции, желания славы, положения в обществе, богатства. Больше радости дает то, что еще окружает, ближе люди. Перестает огорчать собственная слабость: «Да, это я умираю, я больше не хозяин моей судьбы, но есть что-то больше всего этого, есть вечное». Это уже начало религиозного чувства, и воспринимается оно как счастье.

Все стадии терминальной болезни, о которых писалось выше, это постепенное примирение с неизбежным, время роста души. Человек на правильном пути, он чувствует это, и ему становится легче.

Описанное течение терминальной болезни бывает не у всех. Есть люди, которые ни за что не хотят и не смогут принять близость смерти. Они будут стараться жить полнее и активнее, чем раньше, больше заниматься разными делами — нужными или ненужными, больше развлекаться. Они будут заполнять свое время и мысли чем угодно, лишь бы забыть и не думать о трудном и страшном. Однако ни радости, ни облегчения они не достигнут. Забвение иногда достигалось, но было временным и неполным. В самые, казалось бы, веселые минуты вдруг наваливалась гнетущая тоска. Особенно трудны бессонные ночи с чувством безысходности и тяжелыми мыслями снова и снова. Но во время такой трудной ночи может прийти понимание, что выбрана неверная дорога и нужно искать другую.

Среди терминальных больных есть и такие, которые не видят, не способны видеть и понимать того, что с ними происходит. Они не прячутся, не стараются закрыть глаза и не думать или занять свои мысли чем-нибудь посторонним. Они — почти как дети, просто не видят, не замечают. Чаще всего это молодые мужчины или женщины. Иногда до последнего дня они не замечают явных признаков близкой смерти — страшного исхудания, слабости, наличия опухоли. Они полны надежд и почти уверены, что на следующей неделе их выпишут из больницы и они вернутся к привычной работе. Они подходят к смерти без душевных страданий, так до конца и не поняв, что они умирают.*

Верующие люди во всем течении терминальной болезни могут видеть помощь Господа человеку в трудное время его жизни. Сама последняя болезнь дает время и призывает подумать о своей душе и прийти к вере.

* Плох тот доктор, который *всегда* говорит больным всю правду об их болезни.

Господь не спасает насильно, против нашей воли, но показывает нам путь к Нему.

В психике тяжелобольного происходят какие-то сдвиги, помогающие ему при переходе. Люди, способные понять, совершают переход спокойно и радостно, неспособные — не видят и, сохранив надежду до конца, тоже получают облегчение.

Сны терминальных больных часто бывают светлыми и радостными, и спят они и видят сны по многу часов.

Красота природы воспринимается сильнее. Иногда появляется чувство общности с природой, с людьми, со всем миром. Люди, прежде бывшие чужими, тоже чувствуют симпатию к тяжело больному, подходят ближе, появляются новые друзья.

Иногда — и это тоже может случиться в любой стадии болезни — к больному приходит ощущение блаженства; он любим и принят. Врачи, изучавшие феномен умирания, называли это чувство — «acceptance», то есть «принятие». Умиравшему вдруг стало хорошо. Все хорошо. Это состояние может прийти после молитв или обещаний, данных Богу, но может появиться и независимо от них. Это дар Господа, Его милосердие. Человек не стал ни лучше, ни хуже, чем был. От него требуется только одно — принять этот дар. И все сразу становится другим.

О таком именно чувстве рассказывают люди, пережившие временную смерть и возвращенные к жизни на земле. Появление света приносило с собой такую любовь, которую нельзя описать человеческими словами. Страх больше не было, исчезали все опасения. Умершие чувствовали себя в безопасности, все было хорошо.

Они познавали это чувство уже «на той стороне», после того как они перешагнули порог. Но это же чувство радостного освобождения иногда приходит к терминальным больным еще в земной жизни, давая покой и умиротворение.

Начиная с того времени, когда больной узнал, что его болезнь неизлечима, ему придется менять многое из того, к чему он привык. Все сразу стало другим. До сих пор он был хозяином своей жизни: поступал, как считал нужным, что-то организовывал, строил планы на будущее. Теперь все это стало неважным и неинтересным. Он чувствует, что люди относятся к нему иначе, чем раньше. Вся обстановка вокруг него в чем-то изменилась, все приобрело иной смысл, и нет больше энергии и

желания что-либо делать. Может захотеться спрятаться от людей и молча переносить свои страдания и горе. Но так нельзя. Жизнь продолжается, и умирать еще не завтра и не послезавтра. Так или иначе, кризис будет преодолен, и жизнь придется перестраивать по-новому.

Прежде всего нужно не сдаваться, а продолжать привычную активную деятельность — работу, службу, встречи с людьми, и делать это как можно дольше. Тогда сохранится или вернется и желание что-то делать. Кое в чем придется перестраиваться. Он теперь в большей степени зависит от других, в первую очередь, от близких ему людей, членов семьи. Он должен научиться принимать их помощь и услуги. Конечно, следует и дальше участвовать в принятии решений, но нужно иногда уметь принять совет родных и подчиниться, а не упрямясь. Это не всегда легко, так как именно больному часто хочется доказать другим и себе самому, что он в полном порядке и может во всем обеспечить себя сам. К сожалению, это теперь уже не так. Нужно это признать и вместе с женой, мужем, детьми жить и дальше дружно, но несколько иначе, чем до сих пор.

Через некоторое время придется решать, поместить ли больного в какой-нибудь стационар или ухаживать за ним дома. Этот вопрос, скорее всего, будет обсуждать и решать вместе с семьей и сам больной; он будет разбираться в 18-й главе, посвященной родственникам умершего.

Еще несколько слов о том, что делать больному, где бы он ни находился, в семье или в стационаре.

Важнее всего теперь подумать не о материальном, а о самом себе, направить мысли на духовное и высокое. Это равно относится к верующим и неверующим. Есть много книг — духовных и светских, — прочитать которые до сих пор времени не нашлось. Хорошие книги дадут хорошие и часто новые мысли.

Музыка. Мелодичная музыка может принести много радости и примирения; благодаря современной аппаратуре она доступна каждому, и время для нее тоже есть.

Нужно встречаться с людьми, пойти в театр и даже продолжать собирать марки или открытки, если он это любил.

Когда смерть ближе, человек ярче и сильнее чувствует природу. Прогулки в парк, лес, на холмы, к морю. Звери и птицы. В природе можно лучше почувствовать Господа в Его творениях, можно и свой близкий уход принять с грустью и надеждой.

- Если есть средства, подумайте о путешествиях; еще есть время увидеть то, что вы всегда хотели. Сократ, приговоренный к смерти, за день до того как выпить яд из чаши, учил какое-то стихотворение. На вопрос удивленных учеников он ответил: «А когда же еще я успею выучить его?».

Конечно, эти советы не относятся к тому времени, когда сил осталось уже совсем немного. Но пока можно, следует стараться жить наиболее полно. Тогда не будет угнетения, а мысли о самом главном будут сильнее и глубже.

Нужно, конечно, устроить всё свои земные дела. Перед самым переходом и во время его все мысли должны быть отданы главному, внимание не должно отвлекаться ни на что земное и временное. Нужно заранее проверить или составить завещание, чтобы обеспечить, чем возможно, своих остающихся близких. Об этом есть хорошие слова в «Раковом корпусе» Солженицына: «...кому кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги... и отходили облегченно».

Терминальная болезнь может принести с собой боли и другие трудные симптомы. Но если есть страдание, то дается и мужество перенести его. Рядом есть люди, которые возьмут на себя часть тяжести. Когда разделяется боль, рождается близость.

Даже если болей нет, больной может бояться, что они появятся позже. Этого не должно случиться. При правильном медицинском уходе никаких болей не будет и любые трудные симптомы будут облегчены. Если будет бессонница, помогут снотворные средства. Принимать снотворные можно, но так называемые «успокаивающие» — транквилизаторы — не нужно. Их действие одурманивающее, а последняя стадия жизни не менее важна, чем любая из предыдущих. Голову нужно иметь светлой и мысли ясными. До перехода еще остаются дела, еще есть семья, еще нужно жить с ней и для нее, еще есть друзья, которые вас любят, еще нужно подумать о Боге и душе... И молиться.

Когда придет время, нужно проститься с мужем, женой, детьми, со всеми близкими и дорогими, и со всеми, кто хочет проститься. Непременно нужно проститься, как вы делаете перед отъездом в далекую страну, испросить прощения и самому простить все несправедливости и обиды, причиненные вам. Подумать о всех, кого вы обидели, и постараться загладить эти обиды.

Дать последние наставления детям. Ваши слова, сказанные в это время, они могут сохранить до конца своей жизни. Найдите слова утешения для тех, кто горюет о вашем уходе. И после этого уйдите в себя и отдайте все ваши мысли Господу.

Если вы раньше не молились, то ведь начать никогда не поздно. Многие думают, что если они не верят в Бога, то молитва бесцельна. Это ошибка. Понять что-либо можно, только испробовав его. Никакая симфония, никакая мелодия не будет полностью понята и оценена после того, как вы ее прослушали в первый раз. Нужно слушать ее еще и еще. А молитва сложнее симфонии, и ощутить ее действие гораздо труднее. Но человек, начав молиться, когда-нибудь испытает внутреннюю радость, будь Кто-действительно слушает молящегося.

Не следует быть разочарованным, если просьба к Господу не будет исполнена. Мы не всегда просим о том, что нам действительно нужно. Господь может дать не то, о чем мы просим, а нужное нашей душе. Искренняя молитва всегда будет услышана.

Для иллюстрации можно привести известный рассказ о молитве солдата. Вот он.

Во время Отечественной войны в бою был убит красноармеец Александр Зайцев. Его друг нашел в кармане гимнастерки убитого стихотворение, написанное накануне боя:

Послушай, Бог, еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет всегда мне говорили,
Что нет Тебя, и я, дурак, поверил.

Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
На небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любясь их мерцаньем,
Каким жестоким может быть обман.

Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку?
Но я Тебе скажу и Ты меня поймешь.
Не странно ль, что среди ужаснейшего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узрел Тебя?
А кроме этого мне нечего сказать.

Еще хочу сказать, что, как Ты знаешь,
Битва будет злая;
Быть может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?

Но, кажется, я плачу. Боже мой,
Ты видишь, что со мной случилось,
Что нынче я прозрел?
Прощай, мой Бог! Иду и вряд ли уж вернусь.
Как странно, что теперь я смерти не боюсь.

Вера в Бога пришла внезапно и просветила его, уничтожив страх перед земной смертью.

Христианство всегда учило, что человек обладает бессмертной душой, что убить можно только тело, а душа продолжает жить вечно.

Вероятно, Александр Зайцев, обратившийся к Богу, почувствовал именно это.

Солдата Зайцева убили. Может прийти мысль, что молитва ему не помогла. Этого мы не знаем, но думаем, **что** молитва помогла. Да и сам Зайцев просил не о сохранении жизни, а о том, чтобы его пустили к Христу, если...

Молиться нужно потому, что человеку самому трудно стать лучше. Без общения с Богом душа вянет. **Особенно** важно молиться при конце земной жизни.

О чем молиться? Это подскажет сердце. О близких. Об избавлении от того, что мучает и тревожит. Можно молиться об исцелении от болезни; отцы Церкви советуют добавлять при этом; «Но да будет воля Твоя». Можно молиться о мирной кончине, но важнее всего молиться **о** собственной душе.

Когда молиться? Молиться можно в любое время, и днем и ночью, особенно если не приходит сон и мучают беспокойные мысли.

Как молиться? Православная Церковь учит перед началом молитвы перекреститься три раза, произнося при этом вслух или про себя: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Молиться нужно искренне, каясь в своих грехах и прося Господа послать слезы покаяния.

Вот несколько коротких молитв о прощении грехов и даровании мира и покоя в час смертный:

«Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном Судище Христове, просим». Это из Просительной ектеньи. «Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим».

«Господи, Иисусе Христе, милостив буди мне в час смертный... Посети меня тогда... да не убоюсь часа сего, но да тихо преиду его».

Прочитайте «Отче Наш» и молитву Духу Святому.

Нужно молиться Прясвятой Богородице, прося ее заступничества.

Следует молиться ангелу-хранителю и встречному ангелу, который встречает душу после ее исхода из тела. Нужно молиться своему святому.

Можно молиться об умерших — наших родных и близких. Они ждут нас и встретят нас.

Всегда хорошо помнить и повторять пасхальное песнопение: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Можно, конечно, молиться и своими словами, только быть искренно и с верой.

Отцы Церкви пишут об Иисусовой молитве: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Они советуют читать ее часто и подолгу, произнося ее святыя слова, вслух или про себя, до самой смерти. Эта молитва учит любви и приближает нас к Богу.

Конечно, во время молитвы, да и всегда, следует иметь нателный крест, если возможно, освященный в церкви.

Непреренно нужно сделать все возможное, чтобы исповедаться и причаститься, где бы вы ни были, дома или в больнице. С вашей стороны главное в исповеди — это искреннее покаяние, не скрывая ничего. Приняв ваше покаяние, священник властью, данной ему от Бога, даст вам отпущение грехов и помолится за вас.

Если найти священника трудно или невозможно, то в таком случае нужно сделать все возможное, чтобы облегчить душу. Отшельник, архимандрит Иов, духовник женского монастыря в Бюсси, пишет о покаянии без священника. Можно принести покаяние Богу через другого верующего — мужчину или женщину — по слову апостола Иакова: «Исповедуйтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться». Попросите выслушать вашу исповедь и, если есть на это надежда, помолиться за вас и передать вашу исповедь

священнику. Закончите вашу исповедь короткой молитвой: «Боже, милостив буди мне грешному».

Если придут слезы — стыдиться их не нужно. Слезы облегчают и очищают душу, все предсмертные страдания в какой-то степени очищают ее. Помня это, переносить страдания легче.

Когда смерть уже совсем близко, больному часто становится легче. Проснувшись утром, больной почувствует себя бодрым, почти здоровым. Ум стал ясным, лицо и глаза полны жизни. Исчезли все боли, беспокойство и страх. Иногда и врачи и родственники ошибочно принимают это за какой-то кризис — больной начал выздоравливать. Это не выздоровление. Наступил момент, когда смерть тела неизбежна и близка и организм прекратил борьбу за жизнь; не только сознание, но и тело приняло неизбежное, перестало сопротивляться и обрело покой. По сути, это последний подарок Господа умирающему — светлый и радостный день с родными. К вечеру такой больной обычно заснет спокойно, а утром уже не проснется.

Глава 15

Смерть не момент, а процесс, занимающий некоторое, иногда продолжительное время.

Признаки смерти тела. Рано констатировать смерть трудно. Исечение сердца для пересадки.

«Тибетская книга мертвых».

Умирание. Постепенность перехода. Восприятия при умирании. Духовное зрение. Душа раньше покидает земную жизнь, чем умирает тело. Всегда ли нужно задерживать переход? Безболезненность перехода.

Первые восприятия души в загробном мире. Изменения в эмоциональной сфере. Понимание приходит не сразу. «Я» смотрит на себя.

Богословие о жизни души.

Думая о смерти, мы чаще всего представляем себе умирание как какой-то короткий момент, мгновение, может быть, вообще не занимающее никакого времени. До этого момента человек жил, а теперь — только мертвое тело.

Конечно, смерть может быть и моментальной, как, например, при взрыве снаряда, разорвавшем тело на части. Однако при естественной смерти, когда больной

или старый человек умирает в своей постели, это совсем не так.

Мы привыкли говорить и писать о приходе смерти как о моменте: «В этот момент», «Момент умирания похож на переход из яви в сон», «В этот момент происходит то-то и то-то» и так далее.

Слово «момент» удобно, так как оно четко разграничивает два состояния тела — живое и мертвое, однако такое обиходное понимание смерти неверно. Смерть не конец, а приход ее не момент, прекращающий существование личности, а процесс перехода, занимающий некоторое, иногда продолжительное время. В христианской литературе тоже пишется не о моменте, а о часе смертном.

Тело, как известно, состоит из клеток и тканей, а при умирании человека смерть разных тканей происходит не в одно и то же время. После смерти клеток головного мозга клетки некоторых других тканей, более примитивных, будут еще некоторое время жить и даже размножаться. Это и позволяет хирургам делать все более частые в последнее время пересадки органов от одного человека к другому или от мертвого живому. Поэтому, с точки зрения биолога, нельзя говорить о каком-то определенном, единовременном умирании всего организма. После смерти некоторых его органов или тканей другие, во всяком случае, еще какое-то время продолжают жить.

Нас, однако, здесь интересует не умирание отдельных тканей, а умирание всего человеческого организма. Можно ли как-то установить момент, когда жизнь полностью покинула тело? Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Констатировать смерть через несколько часов после ее наступления нетрудно, признаки ее очевидны, и описывать их излишне. Но установить самый момент смерти тела много труднее и возможно не всегда.

У постели умирающего собрались родные. Он не двигается и, кажется, уже несколько минут не дышит. Нужно ли отказаться от последней надежды и начать прощаться? Подносили зеркальце к губам — запотеет ли? Но отсутствие дыхания еще не равнозначно смерти. Утопленников, извлеченных из глубины, иногда удавалось оживить. Врач послушает, бьется ли сердце, проверит, есть ли пульс, реагирует ли зрачок на свет, может сделать маленький надрез кожи — потечет ли кровь? Однако и

спустя много минут после остановки сердца и прекращения кровообращения удавалось спасти жизнь людей.

В поисках безусловного признака смерти организма было предложено считать человека мертвым с того момента, когда запись электроэнцефалографа превращается из волнистой в прямую линию; это должно было свидетельствовать о безусловной смерти головного мозга. Скоро, однако, были опубликованы клинические наблюдения, показывавшие, что и этот метод не абсолютно достоверен.

Раннее констатирование смерти очень важно при пересадках органов от умершего живому человеку. В настоящее время это не такая редкая операция. Сердце, почку или печень нужно вырезать очень скоро — желательно сразу же — после смерти донора, пока орган еще жив и способен функционировать.

Мне приходилось присутствовать при таких операциях, и я опишу одну из них.

Столкновение автомобилей произошло менее получаса тому назад. Пострадавший с тяжелой травмой головы был доставлен в больницу мертвым. Уже раздетое и приготовленное к операции тело молодого мужчины лежало на столе. Хирург, ассистент, сестра по подаче инструментов — все, как при обычной хирургической операции, только наркотизатора не было. Зеленые стерильные простыни. Блестящие инструменты.

При разрезах кожи и других тканей кровь не текла. Хирург — молодой регистрар — спокойно вскрыл грудную клетку и обнажил сердце. Мы смотрели. Сердце не билось и сперва казалось неподвижным. Но вдруг мы увидели, как по сердцу пробежала маленькая волна сокращения. Раз и еще раз. У хирурга рука, державшая инструмент, застыла в воздухе, и сам он на секунду застыл. Потом поднял голову и молча посмотрел на нас.

Позже он, конечно, закончил операцию. Он никого не убил и никому не повредил. У донора была травма головы, полностью исключавшая возможность благополучного исхода. Но все же вырезать еще живущее сердце?..

Медицина не имеет абсолютно точных критериев для определения «момента» умирания.

Христианство всегда учило, что при умирании душа покидает тело, а сейчас это подтверждают труды врачей-реаниматоров. Может быть, выход души из тела и есть момент смерти тела? Конечно, при умирании душа всегда выходит из тела, но выход ее совсем не значит,

что тело умерло. Достаточно вспомнить астральные путешествия Йогов и свидетельства наших современников, переживших временную смерть.

Все вышесказанное заставляет признать, что умирание человека происходит не сразу, что переход из жизни телесной в жизнь духовную не момент, а процесс, имеющий свою протяженность во времени.

Об этом свидетельствуют и труды врачей-реаниматоров. Умершие, покидая землю, углубляются в загробный мир постепенно; вернуть к земной жизни оказывалось возможным души, достигшие разных стадий перехода, иногда очень отдаленных.

Аллегорически смерть часть изображают в виде скелета с косой. Как косарь срезает траву, так и смерть, взмахнув косой, мгновенно отделяет человека от всего живого. Аллегория не верна, смерть не такая, какой мы ее себе представляем чаще всего.

Переход происходит не моментально, а постепенно; в нем можно различать несколько стадий.

Ученые-медики, изучавшие только материальное, описывали три стадии,

1. Потеря зрения.
2. Потеря чувствительности, включая потерю способности чувствовать боль.
3. Полное расслабление с прекращением дыхания, кровообращения и регистрируемой мозговой деятельности.

Они изучали только то, что было доступно их органам чувств и их аппаратуре. Таким образом они охватывали только часть проблемы — смерть тела; в результате они видели только темную сторону смерти — разрушение и гибель.

Христианство всегда знало больше, и не только христианство. Людям, находящимся вблизи умирающего, нетрудно было увидеть, что пришла смерть — тело стало неподвижным, дыхание прекратилось. Многие видят только это, но некоторые видят больше. Они замечают, что лицо умершего стало спокойным и как бы сосредоточенным. В первой главе мы упоминали слова Жуковского, смотревшего на умершего Пушкина: «Раньше такого мы не видали на этом лице, ему предстояло как будто виденье».

Не только христианство, но и другие великие религии знают о духовной стороне смерти. «Тибетская книга мертвых» пишет о том, как нужно жить, чтобы иметь

хорошую смерть. Эта древняя книга веками передавалась изустно, а была записана в восьмом столетии по Рождестве Христовом. Книга пишет, что смерть — это искусство, к ней нужно готовиться и нужно уметь встретить ее. У книги две цели: подготовить умирающего к тому, что он увидит, и успокоить родных, чтобы они не горевали, а освободили умершего.

Об умирании в этой книге сказано следующее: «От того состояния, в каком умирающий находится перед самым моментом смерти, зависит состояние бытия или небытия, в которое он вступит после смерти». В книге советуется умирающему «закрывать двери всем чувствам и думать сердцем только о Боге, тогда он пойдет самой высокой дорогой».

«Сохраняй ясность ума, не отвлекайся ни на что, будь ясен и спокоен. Думай, что душа скоро выйдет. Наблюдай, как ты умираешь; будь готов, что появляется яркий свет. Погрузись целиком в этот свет».

Ученые нашего времени тоже пишут о том, что в смерти есть много неизвестного нам. Доктора Кюблер-Росс поражало выражение лица ее больных перед самой смертью. Оно остановилось спокойным и серьезным. Умирающие в это время чувствовали покой и счастье и могли сказать ей об этом. Лицо выражало покой, даже когда больной умирал в состоянии депрессии и раздражения.

Профессор Сабом в своей книге приводит мнение доктора Люиса Томаса, президента Слоан-Кеттерингского ракового института. Доктор Томас объясняет отсутствие боли и страдания тем, что процесс умирания связан с каким-то другим событием, может быть, фармакологическим, но нам неизвестным. В мозгу выделяется какое-то вещество (Б эндорфин?), которое делает умирание безболезненным; могут быть приятные ощущения. Доктор Томас заканчивает такими словами: «Умирание совсем не такое, каким оно нам представляется. Видимо, происходит нечто, чего мы не знаем».

Последующее описание перехода и восприятий непосредственно после него сделано на основании христианский свидетельств и трудов современных нам ученых.

Последние стадии терминальной болезни могут принести тяжкие страдания, но уже недолго — придет смерть, и все сразу станет иным. Обычно в последние часы и даже дни земной жизни страдания нет. Боль исчезает, и все неприятное уходит.

Когда смерть уже близка, в сознании умирающего постепенно тускнеют картины земного мира и на их место приходят картины мира загробного. Ощущения не прекращаются, но меняется их источник и меняются органы, их воспринимающие. Он или она все еще в этом мире, но вам ясно, что они уже немного и «там» и видят что-то новое, вам недоступное. Они очень спокойны.

Я помню, как умирала от метастазов рака груди одна милая старая женщина. Она лежала на кровати лицом к стене. Подниматься она уже не могла. Лицо совсем бледное, без кровинки. Дыхание едва заметное, но еще регулярное. Она неподвижна, но будто всматривается во что-то. Сухие губы. На вопрос? «Дать вам воды?» она не ответила, не шевельнулась. Я повторил мой вопрос немного громче. Она ответила чуть слышно: «Да, пожалуйста». Отпила маленький глоток и снова отвела взгляд и сразу ушла от меня, от этого мира. Она умерла через несколько часов.

Мой друг рассказал мне, как умирала его теща, Вера Васильевна: «Она была в другой комнате. Слышу бормотанье: „о... о... о...“. Я вошел. Она лежит с широко раскрытыми глазами и мычит. Спросил: „Что с Вами?“ Не отвечает, но пошевелилась в кровати. Я приподнял ее. Снова спросил: „Вызвать «скорую помощь»? Соседку?“ Держу ее за спину. Она покачала головой и жестом показала, „Не мешай“, а смотрела куда-то. Вдруг стала легко дышать, и лицо ее просветлело. Я опустил ее на подушку и тихонько вышел. Скоро после этого вернулся — она умерла».

Мой друг добавил: «У нее было озарение, она просветлела и чуть ли не улыбнулась. А вот когда была мертвой, снова суровое и даже жесткое лицо».

Медицинские сестры, работающие в детских больницах, рассказывают, что дети перед смертью часть беседуют с уже умершими родными или близкими.

Доктор Кюблер-Росс сообщает, что больничные сиделки часто являются свидетелями разговоров умирающих стариков со своими ранее умершими друзьями.

Американское Общество психических исследований собрало сообщения 1700 медицинских работников о «предсмертных видениях» их пациентов и их переживаниях вне тела. В числе прочих приводится рассказ врача о его 70-летней пациентке, умиравшей от рака. Она вдруг

открыла глаза, назвала по имени своего умершего мужа и просто сказала: «Гай, я теперь прихожу».

Тим Ла Хай приводит два случая в своей книге «Жизнь в последующей жизни».

Умирает банкир, уже имевший опыт жизни вне тела. Рассказывает его жена.

«Умирая, он был в двух мирах одновременно. Видел меня и говорил со мной, но и приветствовал по имени 30—40 друзей и родных, умерших и ждавших его там».

В другом случае умиравшая вдруг сказала своей сестре: «О, как их много: там и Фред и Руфь... что они там делают...». Умиравшая не знала о смерти Руфи, скончавшейся неделю тому назад.

Мы уже упоминали, что, кроме своих родных и друзей, умершие встречают в загробном мире и других духов, светлых и темных *.

Умирающие часто видят и воспринимают то, что живым и здоровым людям недоступно. В богословской литературе есть много сообщений о том, что называют «духовным зрением».

Лютер писал: «У созданной души человека два глаза — один может созерцать вечное, другой — только временное и сотворенное. Но эти два глаза души могут делать свое дело не оба разом... и только когда человек близок к смерти, когда его физический глаз умер или почти умер, открывается духовное зрение...»

Епископ Игнатий поясняет: «Человек делается способным видеть духов благодаря некоторым изменениям в его органах чувств. Он не замечает того, как происходят эти изменения, и не может объяснить их, он вдруг замечает, что начал видеть то, чего раньше не видел, и слышать то, чего он раньше не слышал».

Трансцендентальная жизнь духа была хорошо известна древним индийским мудрецам и греческим философам. Плотин писал: «По-моему, в чувственном теле пребывает постоянно не вся наша душа, а только некоторая ее часть, которая, будучи погружена в этот мир и... засоряясь и омрачаясь, препятствует нам воспринимать то, что воспринимает высшая часть нашей души».

* Интересны слова древнего философа Плотина (в «Энеадах»): «Но со временем, к концу жизни, являются другие воспоминания из более ранних периодов существования... ибо, освобождаясь от тела, она (душа) вспомнит то, чего здесь не помнила»

Человек, еще живя на земле, связан с двумя мирами. Апостол Павел писал о «человеке внутреннем» и о «человеке внешнем». При умирании духовное зрение часто открывается еще до смерти. Все ощущения, идущие от земного мира, постепенно слабеют и угасают. Одновременно начинают восприниматься образы духовного мира — сперва как неясные отблески, а потом все реальнее и ярче. Умиравший может видеть умерших, с кем он был близок на земле.

Господь дарует эти видения, чтобы объяснить умирающему, что мир, в который он вступает, не совсем чужой.

Душа покидает тело, когда оно еще живет. Об этом пишут многие, в том числе и православный богослов А. Н. в «Сергиевских листках» 1930—1931 годов. Вот его слова:

«Тело еще борется со смертью, а душа уже свободна, она уже вне тела и парит вблизи... Это объясняет те нередкие случаи, когда душа, в форме земного тела, появляется вдали от тела своим любимым людям». Душа умирающего стремится к близким, и тогда муж может ощутить присутствие любимой жены **ИЛИ** мать — присутствие сына, умирающих в это время вдали от них. «Это происходит перед наступлением смерти», — пишет А. Н.

Сознание умирающего постепенно отрывается от нашего мира. Слабеет зрение, слабеет слух, все вокруг становится неважным и неинтересным. Внимание все больше обращается к новым образам, он видит и воспринимает что-то нездешнее. Он уже примирился и готов покинуть этот мир и перейти в другой.

«Книга мертвых» советует в это время не бороться, не стараться что-то делать, а спокойно наблюдать, как умираешь, и ждать появления света. Христианство советует молиться. При спокойном ожидании и наблюдении не будет неразумного страха смерти.

В это время чрезмерно шумная печаль родных может помешать ему или ей тихо и спокойно перейти в вечность.

Есть сообщения, что больные, бывшие близко к смерти и несколько раз возвращенные к жизни усилиями врачей, просили больше не делать этого. «Там» хорошо, и они просят отпустить их. Одна из умиравших просила больше не молиться о ее выздоровлении. Несколько раз дыхание ее останавливалось, но ее возвращали назад к жизни. Наконец пришел день, когда она очень спокойно

попросила родных перестать молиться; родные перестали молиться о сохранении ее жизни, и она скоро умерла.

Сам переход неощутим и безболезнен. Нам известен только один случай, в котором упоминалась боль. Смерть наступила в результате тяжелой травмы головы. Была мгновенная боль, но затем она исчезла, и появилось чувство парения в темноте, удобства и тепла.

Нескорые люди слышат легкий шум в голове, как бы звон колокольчиков или тихую музыку. Может быть мимолетная потеря сознания, а затем вдруг умерший начинает очень ясно воспринимать окружающее, но уже совсем по-иному.

Самые первые восприятия души после ее выхода из тела не всегда однокровны. Очень скоро появляется яркий свет.

Иногда первым восприятием бывает выход души из тела. Кюблер-Росс пишет, что все мы, умирая, почувствуем отделение нашего бессмертного «Я» от его временного дома — физического тела. Одна из умиравших женщин сказала: «Я выхожу, а тело — пустая оболочка». И эта женщина и все другие никогда не говорили, что из тела вышла их личность или душа. Из тела вышло «Я», и «Я» потом наблюдало со стороны свое тело и все, что с ним делали врачи и сестры.

Однако про выход души из тела говорили далеко не все возвращенные из загробного мира к жизни на земле. Иногда переход настолько незаметен, что умерший может некоторое время не понимать, что происходит. Он все еще продолжает считать себя живым. Некоторые слышат, что врачи объявляют их мертвыми, но в их сознании это не фиксируется. Живя на земле, мы представляем себе смерть либо как небытие, либо как какую-то мгновенную и радикальную пермену, а умерший продолжает видеть и слышать, как и прежде. Его душа, выйдя из тела, оказалась не в «другом мире», а в той самой знакомой обстановке, в которой ее застала смерть тела (операционная, после сражения, разбитый автомобиль). Неудивительно, что мысль о собственной смерти в голову не придет. Однако скоро он начнет замечать, что происходит что-то странное.* Сам он не стоит на земле,

* Восприятия души после перехода были описаны в первых главах этой книги: аутоскопические, пока душа находится еще в обстановке земного мира, и транангедвальные, когда душа, покинув землю, познает новое в духовном мире.

а парит в воздухе, видит в стороне, отдельно от себя, свое собственное тело... и постепенно приходит подозрение: «А не умер ли я?».

Он не пугается. Иногда может быть минутный страх или чувство одиночества, но они быстро проходят. Одиночества в смерти нет. Его встретят умершие родные и другие духи. Очень скоро появится его ангел-хранитель, который может сказать: «Я помогал тебе до этой стадии твоей жизни, а теперь я передам тебя другому».

Доктор Кюблер-Росс в одном из своих докладов рассказывала о своих наблюдениях над возвращенными к жизни пациентами. Она пришла к тем же выводам: «Мы не можем быть одни: ангелы-хранители, «помощники», умершие любимые, бывшие с нами при жизни на земле, встретят нас и помогут нам. Все мы пройдем через это. Это должны будут пережить все люди. Эти ощущения появляются тогда, когда уже нет никаких признаков жизни».

Умерший, переступив порог, видит людей, слышит их слова, может попытаться помочь им или что-то сказать, но скоро убеждается, что его не замечают. Войти в контакт с живущими он не может. Скоро он увидит свет, а затем перейдет дальше, в другой мир.

После перехода меняется не только отношение души к окружающему. Какие-то изменения происходят и с ней самой.

В мифах Древней Греции Харон перевозил умершего через реку забвения — Лету, и, вступая в царство теней, умерший забывал все, что случилось с ним за время земной жизни.

Теперь мы знаем, что это не совсем так. Душа теряет не все; все вечное и главное сохраняется. Но мы знаем также, что душа теряет интерес ко всему материальному. Этому есть много свидетельств. Душа, вышедшая из тела во время хирургической операции, смотрит «как незаинтересованный наблюдатель» на то, что делается с ее собственным телом.

Такую незаинтересованность отмечали многие из вернувшихся. Кюблер-Росс тоже говорит об этом угасании эмоций. Не только умерший теряет интерес к окружающему, но и люди, бывшие вблизи него, тоже иногда теряют эмоциональную связь с ним. Кюблер-Росс часто присутствовала при смерти детей. «Я была близка к моим больным, — говорит она, — и через минуту после их смерти я больше не чувствовала к ним ничего, это была

только пустая оболочка. И они больше не нуждались во „не. Любимого больного в теле не было».

Когда умерший понял, что он умер, он все еще смущен, он не знает, куда идти и что делать. Некоторое время его душа остается вблизи тела, в знакомых ей местах. Согласно християнскому учению первые два дня душа сравнительно свободна. Потом она перейдет в иной мир, но в эти первые минуты, часы и дни она может посетить дорогие ей места на земле и людей, бывших ей близкими.

Перешедший в загробный мир скоро начнет видеть, что у него все еще есть тело, хотя и совсем иное, чем то, которое он покинул. Рассказы вернувшихся отрывочны и иногда не очень ясны.

«Это было, ну как облако».

«Выйдя из тела, я будто вошел во что-то другое. Я не думаю, что я был ничем. Я имел другое тело... оно имело форму, и я имел что-то, как руки».

«Мое „Я" имело плотность почти физическую, но не совсем... как что-то волнистое... как облако... веса не имело... Это очень трудно описать...»

Некоторые видели себя в их обычном земном облике, иногда в более молодом возрасте. Некоторые не видели себя вовсе.

Почти все воспринимали вышедшего себя как нечто неосоздаемое, нематериальное. «Себя я не чувствовал».

Всем, пытавшимся рассказать свои переживания, было трудно описать себя, будто материи почти или вовсе не было, но было легко говорить о том, что они могли делать.

Протоиерей Сергей Булгаков поясняет, что в загробном мире нет лиц и тел, как это было на земле; есть только души. Но они показывают свои внутренние качества; души как бы одеты ими, и по этим качествам умерший узнает тех, кого он любил при жизни. Душу встретят также существа, похожие на нас, но гораздо более могущественные — светлые и темные.

У души восприятия и мысли яснее, чувства острее, она ближе к Божественной природе. Такая ясность восприятия существует с первого момента жизни «там».

В загробной жизни исчезнут все физические недостатки, дефекты ума и все временное и ненужное.

Душа сохранит все то, что достойно сохранения в вечности. Останутся и все ее основные качества; не бывает двух совершенно одинаковых людей, как не бы-

вает и двух одинаковых снежинок. Индивидуальные черты сохраняет и душа.

В загробном мире душа будет развиваться в том направлении, которое она начала на земле,—к добру или злу.

Непосредственно после перехода личность имеет тот же уровень знания, как при умирании тела, но рост ее в Божественном Свете будет идти с большой силой.

Об этом пишет архиепископ Лука: «Наш внутренний трансцендентальный человек, освобожденный от уз плоти, может достигнуть высшего познания всего сущего во всей его широте, глубине и долготе. То, что непостижимо земном умом, станет понятно озаренному Христовым Светом трансцендентальному сознанию внутреннего человека».

Глава 16

О скоропостижной смерти. Как умирать легче — скоропостижно или после болезни.

Причины смерти. Внутренние причины смерти. Предчувствие или желание?

Смысл смерти. Почему и когда?

Страх смерти и предчувствие смерти.

Большинство людей умирает после более или менее длительной терминальной болезни. Постепенно угасая, человек имеет время подумать, понять и **В** какой-то степени подготовиться. Однако смерть может быть и неожиданной — скоропостижной, — например при столкновении автомобилей или при острой сердечной недостаточности (то, что раньше называли «разрыв сердца»).

Люди, верящие в Бога и в бессмертие души, бояться скоропостижной смерти или, говоря точнее, бояться не столько самой смерти, сколько последствий ухода души из тела без покаяния, без молитвы, без примирения с Богом. Во все века христианства, кроме самых последних, люди всегда старались дать умершему отойти достойно, по-христиански.

М. Лодыженский пишет в своей книге «Свет Незримый»: «Предсмертное состояние человека и самый момент его смерти являются для него наиважнейшим переживанием из всего... Смерть — это, в своем роде, главнейший экзамен человеку... насколько его мировоз-

зрение осмыслило самый факт смерти... сделало его легким или даже радостным...».

Люди, верящие в Бога и в загробную жизнь или хотя бы серьезно думавшие об этом, обычно умирают легко. Иное с человеком совсем неверующим. Автор этой замечательной книги продолжает: «Что может представлять собою смерть человека, в коем внедрено сознание, что смертью он совершенно уничтожается? Такая смерть — это или ощущение ужаса, или ощущение тупого отчаяния». Такие люди часто желают умереть сразу, внезапно. Вот как выразил свое желание один из них: «Если уж нужно умирать, то я хотел бы умереть сразу или во сне, чтобы не мучиться». Они хотят умереть без страдания, без мыслей, ничего не чувствуя — был и нету.

Этого могут хотеть только те, кто ничего о смерти не знает, но панически боится ее. В этом их желании — большая ошибка, такой смерти — без мыслей и каких-либо ощущений — они не получают. Физических мучений в смерти нет, но страх и трудные восприятия останутся, потому что в смерти сознание не теряется и исчезновения личности нет. Даже если он умрет во время сна, ничего не почувствовав, он вдруг увидит себя в странной обстановке, но со всеми мыслями и ощущениями, которых он хотел избежать. Кроме того, при таком понимании смерти и при желании ничего не чувствовать эти беспомощные люди, полные страха, теряют весь период терминального роста души, полного радости и примирения.

Те, кто думали об этом серьезно, в частности многие врачи, изучавшие проблему смерти, хотят другого. Мы уже писали об Элизабет Кнэблер-Росс, которая не хотела бы умереть скоропостижно и лишиться периода роста, познания и приближения к Богу. Нужно поблагодарить Бога, если смерть не застала нас врасплох и нам дано время подумать и подготовиться.

Прежде чем писать о причинах смерти человека, нужно оговориться. Душа бессмертна, поэтому говорить можно только о причинах смерти тела и, что не совсем одно и то же, о причинах выхода души из тела.

Нет, конечно, смысла упоминать тяжелую травму или перечислять разные болезни, разрушающие какой-либо жизненно необходимый орган; здесь причина смерти ясна. Но бывают случаи, когда тело выглядит здоровым и жизнеспособным и когда кажется, что Умирать нет никакой причины, а человек, тем не менее, умирает.

Многие хирурги смогут припомнить больного или больную, которые перед неопасной операцией вдруг говорят: «Я операции не перенесу». Это не страх. Говорят они это естественно и спокойно, как о неизбежно ожидаемом событии. Больной был перед операцией обследован — сердце, легкие, кровь и все прочее в порядке, — и тем не менее осторожный хирург оперировать не станет, особенно если когда-то в прошлом он встретился с подобным случаем.

Молодой и здоровый австралийский абориген, на которого злоумышленник, умелый в таких делах, «нацелил кость» («Pointing of the Bone»), впадает в депрессию, худеет, слабеет и через некоторое время умирает. Русский крестьянин прошлого века, обычно старик, но без какой-либо опасной болезни, решает, что его время пришло, и говорит об этом родным. Он надевает белую рубаху, его укладывают на лавке под образами, дают в руки горящую свечку, и он вскоре умирает.

Что это было? Предчувствие? Только предчувствие? Скорее всего, это было желание и призыв, подсознательный призыв, смысл которого: «Я уже готов, хочу перейти туда, прими».

Можно вспомнить много подобных случаев и ситуаций. Знает это и художественная литература, даже и нашего безбожного века. Есть рассказ Федора Абрамова «Последний старик деревни».

Автор после многих лет приезжает в свою деревню. Встречает знакомого старика. «„...Похудел, высох... да ты ли это?“ — спрашиваю. „Я, парень я... на другую фатеру приказано перебираться“».

Слов утешения старик не принял. „Нет, нет, не утешай — отгулял свое. На почту это ходил. Деньги на похороны сымал. Было 600 рублей накоплено, все снял. Не хочу, чтобы дети на меня разорялись. И хочу проститься с земляками по-хорошему: чтобы все, кто придет, были угощены“».

Старик умер в тот же день, под вечер, когда садилось солнце... Спал он обычно на своей кровати, а тут вдруг запросился на пол. Взрослые дети устроили его на полу. „А теперь Матрена (жена) пушай ляжет рядом со мной“. Дети пытались отговорить — „нехорошо ведь“, но он настаивал.

Матрену, уже три года бывшую не в своем уме, положили рядом с ним. К ней, видимо каким-то чудом,

в эту минуту вернулся рассудок, и она неловко охватила мужа суковатыми руками.

„Вот и ладно, — прослезился старик. — А теперь оставь меня одного, я помирать буду“. И вскоре на глазах у всех умер».

Смерть, когда не видно никакой физической причины, ученые называют «психологической смертью». Причины они не нашли, но название придумали, и все выглядит объясненным.

Хорошо известно, что в критическое время тяжелой болезни исход — жить или умереть — во многом зависит от желания больного. И не только во время опасной болезни. Если человек уверен, что он скоро умрет, и спокойно говорит об этом, как о чем-то очевидном, он, вероятно, скоро умрет.

Достоевский утром 28 января 1881 года спокойно сказал: «Я знаю, я должен сегодня умереть». Вечером он умер.

Желание и готовность перейти в другой мир, сознательные или бессознательные, чаще возникают у старых людей, но бывают и у молодых. «Природа» часто идет навстречу такому желанию. Уныние, депрессия, потеря интересов и энергии, разочарование, бесцельность жизни рождают желание «уйти от всего этого» и приводят к появлению и развитию разных болезней, включая и рак.

Наполеон, еще далеко не старый и недавно бывший полным энергии, в ссылке на острове св. Елены теряет всякую надежду, скоро заболевает раком и умирает.

Солженицын, имея раковую опухоль, знает, что должен еще много сказать всему миру, хочет сделать это и выздоравливает.

Сильное желание рождает в человеке и в природе какие-то силы, которые способствуют осуществлению его желания.

Другим источником жизненной силы, еще более могущественным, чем желание, может быть вера в Бога и понимание, что наша жизнь и смерть в Божьей воле, а нам нужно просто делать на земле то, к чему мы призваны. Такие люди часто доживают до глубокой старости. У людей без веры часто появляется ощущение бесцельности существования и желание уйти, в результате возникают какие-либо психологические, а потом и физические болезни.

Смерть имеет не только внешние, но и внутренние причины.

У физической смерти часто есть внутренняя психологическая причина. О роли депрессии и чувства бессмысленности жизни мы уже писали. Есть, однако, много и других причин. Любое сильное неожиданное переживание может повести к моментальной смерти. «Умер от испуга» — не только оборот речи. На войне солдат может умереть в момент близкого разрыва снаряда, не получив никаких повреждений.

Люди умирали в приступе глубокого горя или даже при неожиданной большой радости. Пишут, что смерть может быть результатом мысленного внушения, посланного врагом, внушения, о котором его жертва ничего не знала. В древности и в средние века верили в действенность заклинаний и проклятий.

Причина смерти может быть совершенно тривиальной и непонятной. Смерть может наступить в момент любого мелкого, но острого ощущения, связанного с опасением или ожиданием неприятного.

Один из таких очень горьких случаев произошел в моей практике. Мой пациент, крепкий мужчина средних лет, получал раз в неделю внутримышечные инъекции. Их можно делать безболезненно, вкалывая иглу в момент шлепка ладонью по ягодице. Шлепок не сильный, должен быть очень острым и коротким. Боли нет, но от неожиданности больной может вздрогнуть. Мой пациент уже получил две или три такие инъекции, но каждый раз был беспокоен, ожидая этого безобидного укола. При его последнем визите ко мне, получив укол, он упал ничком на пол без дыхания и без пульса. Я в тревоге бросился поворачивать его на спину, чтобы делать сердечный массаж, но он вдруг вздохнул, и через несколько минут мы мирно беседовали и посмеивались над происшедшим. Я не придавал всему этому никакого значения — простой обморок.

Через два дня я уехал в месячный отпуск. Следующую инъекцию делал мой заместитель. Произошло то же самое, что и после моей инъекции. Больной упал, но на этот раз жизнь не вернулась. Он умер.

В известной книге «Откровенные рассказы странника» описан следующий случай. Крестьянский обоз. Подъехали к проточному пруду с ледоходом. Молодой крестьянин испытывает желание выкупаться. Начинает раздеваться. Его отговаривают, не пускают. Он вырывается. «Ах так, ну вот тебе!» — и, шутя, обливают его холодной водой из ведра. Он вскрикивает. «Ах, как хорошо», спокойно

ложится на землю и умирает. Было вскрытие — ничего не нашли.

Душа может выходить из тела не только перед смертью. О поднятии на небо в духе пишут христианские подвижники. Астральные полеты йогов широко известны. Современная наука тоже изучает этот феномен. Выход души из тела может достигаться известными приемами или происходить сам по себе, при усталости, стрессе, во сне и так далее. Такие случаи нередки.

Целия Грин, директор психологических исследований в Оксфорде, на свой запрос получила 400 положительных ответов. Восприятия были аналогичны с наблюдавшимися при умирании — чувства сохранялись, слепые видели и память о происшедшем оставалась.

После первого эпизода повторные выходы души из тела происходят легче и быстрее. Доктор Сабом (с. 162) сообщает, что у трех пациентов при состоянии, близком к смерти, бывали повторные выходы души из тела, а у одной женщины — многократно и по ее собственному желанию. Сабом считает, что происходит пробуждение латентной способности: «Я предполагаю, что аутоскопический эпизод зависит от неизвестного нам механизма (trigger), нейрохимического или другого, который включается на какой-то стадии процесса умирания и в других ситуациях.

О существовании «механизма», который служит для отключения души из тела, пишут и другие ученые.

Существование какого-то физиологического фактора кажется несомненным. Как можно иначе объяснить моментальную смерть при испуге, при бурной радости, неожиданную смерть от какой-либо ничтожной причины? Конечно, обычно тело умирает от тех или иных физических причин, от патологических изменений в тканях и органах. Но есть и какой-то психологический механизм, включение которого ведет к выходу души из тела и к остановке жизненных функций.

Этот фактор (слово «механизм», употребляемое некоторыми исследователями, мало подходит к живому организму), существуя в латентном состоянии от рождения, активизируется каким-либо психологическим воздействием. Душа может отделиться от тела под влиянием желания, сильной эмоции, каких-то нейрохимических процессов, иногда связанных с близостью физической смерти, может быть — предчувствием («не зови смерть — придет»). Нельзя исключить априори и возможность

внешних воздействий на психику человека (внушение, «нацеливание костью»).

Видимо, этот фактор более чувствителен у старых людей. У них он более готов «срабатывать» в критической ситуации, чем у молодых. Старики хуже переносят болезни и любой стресс, чем молодые.

Психологическая настроенность имеет громадное значение. Были проведены интересные опыты на крысах. Если обрезать крысам усы, их сопротивляемость падает, и в воде тонут быстрее, чем неоскорбленные крысы.

Смерть, и также и жизнь, какими мы их знаем на земле, могут показаться бессмысленными. Родился ребенок, его воспитывали и учили, а он умирает, не успев ничего сделать в жизни. Беспомощный старик живет, а юноша умирает. Невеста умирает сразу после венца. Солдат идет домой с войны и погибает, попав под автомобиль. Смысл может быть только в том случае, если смерть тела не конец существования личности.

Смерть солдата может показаться бессмысленной и несправедливой. На войне он подвергался опасности и жил безрадостно и трудно. Ночи без сна, иногда в холодном и мокром окопе, приходилось и голодать, усталость, грязь, окрики начальства. Без женщин, без радости. Был ранен и намучился немало.

Было, конечно, и хорошее: тесная дружба с товарищами, о себе не думал, делился иногда последним куском хлеба, рискуя жизнью, вынес раненого товарища из зоны огня. Теперь война кончилась, и он хотел наверстать потерянное — пожить в свое удовольствие — есть, ну и выпить, и хорошо провести время. Думал о еще молодой и любимой жене, но... на селе много одиноких женщин, и они истосковались. Есть много и других соблазнов, а он еще молод и после долгих лет войны хочет наслаждаться жизнью. Что ждет его? Как сложится его жизнь? Каким станет он сам?

Полный радужных надежд идет он со станции домой, и вдруг почти моментальная смерть под автомобилем. Предсмертной болезни не было. А что, если бы была? Как перенес бы он крах всех своих надежд? Примирился бы с судьбой? С Богом? За что ему такая жизнь и такая смерть?

Что было бы, знает Господь, и Он посылает человеку такую смерть и в такое время, когда это ему лучше всего.

Прочитайте теперь еще раз в восьмой главе, что пишут архиепископ Лука и святой новомученик Герман о значении земной жизни и смерти для души и тела.

Жизнь человека на земле нужна только для формирования духа, поисков того пути, по которому душа пойдет в жизни вечной. Это дает ответ на все наши недоумения и объясняет раннюю смерть праведников, длинную жизнь плохих людей (которым, значит, Господь дает время понять и изменить свои пути) и все те смерти, которые нам могли казаться бесцельными и ненужными.

Важны не дарования и способности, которыми мы владеем, а то, как мы ими пользуемся. Протоиерей Сергей Булгаков пишет: «Физическая смерть имеет для своего наступления внутренние времена и сроки».

У смерти есть свои внутренние причины; внешние факторы — болезни и несчастные случаи — ведут к смерти человека тогда, когда дальнейшее земное существование уже не имеет смысла для жизни души.

Время нашей жизни и смерти в руках Господа. Час смерти очень часто связан с духовной миссией человека. Праведник иногда хочет умереть и просит об этом, но Бог может оставить его жить дольше. Отец Матта эль Мескин пишет в «Вестнике РХД» (№ 44, 1985) про Антония Великого, который услышал голос Господа: «Ты как благая мать... и Я оставляю тебя добре воспитывать твоих чад».

Некоторые люди недоумевают, почему Господь не дал нам предвидения смерти, если помышление о ней столь благотворно. Святоотеческие писания поясняют, что это нужно для нашего спасения: «Ибо... человек, задолго предузнавший время своей смерти, проводил бы жизнь свою в беззакониях и на самом исходе из сего мира приходил бы к покаянию. Но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второю природою, и он оставался бы совершенно без исправления».

Предвидения смерти нам не дано, но предчувствие смерти бывает нередко.

Предчувствие — это не страх смерти, в известной степени они даже противоположны друг другу. Страх смерти чаще всего бывает у нераскаянных людей плохой жизни, отвергающих Бога. Для них смерть означает потерю всего, что они знают и любят. Они ее боятся и не хотят, предчувствие смерти у них бывает очень редко. Может быть предчувствие и боязнь чего-то плохого после смерти,

но ее близости они не чувствуют. Даже наоборот, до самого конца они могут не видеть явных признаков ее приближения, как у Солженицына в «Раковом корпусе»: «Уж кислородную подушку сосет... а языком доказывает „не умру“».

Человек праведной жизни часто предчувствует свою скорую смерть. Он не боится, просто спокойно ждет, а иногда даже хочет ее прихода. После естественной и неисковерканной жизни он и смерть принимает как что-то естественное и нормальное. Вероятно, это похоже, на то, как человеку, уставшему от дневных трудов, хочется заснуть. Его смерть будет мирной и легкой, как засыпание, как успление.

Глава 17

Смерть детей. Дети знают, что они умирают. Эпизоды выхода души из тела. При переходе дети не одиноки.

Есть ли смысл в смерти ребенка.

Горе родителей. Изживание горя.

Сейчас вышло уже немало богословских и медицинских книг о смерти детей. Описан ряд наблюдений, и ученые стараются оценить их. Много делают доктор Кюблер-Росс и другие.

Элизабет Кюблер-Росс — по специальности детский врач, психиатр. Она пишет, что дети знают, что они умирают, но знают это сердцем, а не головой. Они говорят об этом, не бояться и умирают очень хорошо. Чем младше ребенок, тем больше он знает.

, Дети от двух лет и старше во время тяжелой болезни становятся более духовными и серьезными, как бы сразу повзрослевшими.

Врачи, сестры, санитарки и другие люди, видевшие, как умирают дети, свидетельствуют, что у детей, как и у взрослых, черты лица незадолго до смерти принимают выражение покоя и будто внимания к чему-то.

Кюблер-Росс считает это состояние покоя и отвлеченности роковым признаком, предвещающим близость смерти. Дети в это время могут видеть уже умерших, особенно тех, кого они любили.

Кюблер-Росс была не только врачом, но и другом своих маленьких пациентов. Сидя у постели тяжело больного ребенка, она разговаривала с ним. На свой вопрос

часто получала ответ: «Нет, мне теперь хорошо, папа и Петя ждут меня». Отец и брат больной девочки Петя умерли раньше.

Архиепископ Лука пишет об этом. Маленький брат видел и слышал своего старшего, уже умершего брата, который звал его к себе. Маленькая девочка видела и слышала свою умершую тетю Луизу, много раз являвшуюся ей и звавшую ее в загробный мир.

Есть много и других подобных сообщений. Дети часто видели, что их ждут родные и всегда только те, кто уже умер. В последние часы своей жизни они никогда не видели, чтобы их встречали еще живущие на земле родственники. Но они могли видеть «там» умерших, например во время автомобильной катастрофы, о смерти которых еще не знали. Кроме родных, они могут видеть других умерших детей, с которыми они играли, ангелов-хранителей, «помощников». Детям это помогает ориентироваться с местом, куда они идут. «Мама, все в порядке, папа ждет меня».

У тяжелобольных детей, в возрасте от двух до семи лет, бывают эпизоды выхода души из тела не только при умирании тела, а иногда и раньше, например в полубытии и во сне. В одном из медицинских журналов описан следующий случай. Девочка, после нескольких эпизодов выхода из тела, рассказывала, как хорошо было все то, что она видела. Ее маме это не нравилось, «потому что матери не любят, когда их детям другое место нравится больше, чем их дом». Наконец девочка рассказала отцу, как она встретила брата и какой хорошей была их встреча. Кончив рассказ, она добавила: «Только ведь у меня никогда не было брата». Ее отец начал плакать и сказал ей, что у нее действительно был брат, но он умер за три месяца до ее рождения, и они никогда не говорили ей о нем.

Больные дети обычно очень боятся одиночества. Они просят маму или медсестру не уходить. А потом вдруг ребенок говорит маме с заботливостью взрослого человека: «Мама, походи домой, отдохни, я теперь не один». Может быть, ребенок видит умершего отца или брата и знает, что они ждут его и помогут ему. Известно, что и больные и здоровые дети, а иногда и взрослые летают во сне, чувствуя себя в это время легко, хорошо и очень реально. Ребенок уже знает, что он может в любое время сам прийти к маме и побыть с ней, где бы она ни была. Он вдруг перестал бояться одиночества.

Если мать или отец больного ребенка уже умерли, скажите ему, что они ждут и встретят его.

Может иногда случиться, что родители старались ни на минуту не оставлять больного ребенка одного, но он умер, когда они отлучились на короткое время, а их известили из больницы по телефону. Родители будут чувствовать себя виноватыми — ребенок был покинут в самое трудное для него время. Вы можете облегчить их горе, объяснив, что он ни на секунду не оставался одиноким, что он все время был окружен заботой и любовью.

Смерть близкого человека всегда приносит горе, но особенно трудно бывает родителям, потерявшим ребенка, «Почему он, а не я?» «Он был так молод, он только начинал жить». Это может повести к кризису веры. Родители могут считать Бога несправедливым и обвинять Его.

Смерть молодого существа была бы не только несправедливой, но и бессмысленной, если бы она была концом его существования. Но бессмыслицы в природе нет, а воля Бога нам часто неизвестна.

Ребенок умирает, не успев нагрешить, и в загробном мире его душа должна быть счастлива. Люди простой естественной жизни чувствуют это. Неверующего интеллигента может удивить спокойное отношение крестьян к смерти ребенка.

- «Что же ты не плачешь? Не жаль ребенка?»

«А о чем плакать? Он был чистый, ведь не успел нагрешить, а мы в нем имеем своего родного молитвенника».

Эта беседа взята из книги А. Н. «Смерти нет» (изд-во «Христианская жизнь», 1957).

Автор описывает еще один случай. В 1919 году, во время гражданской войны, он встретился с вдовой, недавно потерявшей своего единственного 12-летнего сына. Его поразило спокойное отношение матери к ее потере, и она рассказала ему о том, как это произошло.

Сын тяжело заболел, и был момент, когда мать поняла, что ребенок умирает. В отчаянии она вспомнила про великого старца иеромонаха В., жившего в монастыре, на краю города. Она нашла старца в церкви, бросилась к нему и стала умолять его спасти ее ребенка. Старец ответил: «Я могу его вымолить. Но возьмешь ли ты на себя все те грехи, которые совершит твой сын потом? А вдруг он станет разбойником или душегубцем?».

Эти слова поразили ее и открыли ей то, о чем она раньше никогда не думала. Мать мальчика и старец несколько минут молча, как бы испытывая, смотрели друг на друга. Потом старец ушел в алтарь, а она вернулась домой, где застала мальчика уже мертвым. Женщина закончила свой рассказ словами: «Эта смерть дорогого для меня существа раскрыла для меня двери вечности. Вот почему я так спокойна. Я поняла милосердие Бога».

Как и чем можно облегчить неутешное горе родителей? Как это ни трудно, горе нужно принять и изжить. Другого пути нет. В одном из сборников статей Кюблер-Росс приводится рассказ мудрого старого человека.

Двухлетний мальчик, его внук, утонул в бассейне соседа. Тело отвезли в покойницкую ближайшей больницы. Через 24 часа после смерти ребенка старик посетил родителей мальчика. Его сын и невестка сидели за столом, курили и молча смотрели на стоявшие перед ними стаканы остывшего кофе. Они буквально онемели от горя и сидели неподвижные и без мыслей. Пришедший понял, что происходит, и обратился к ним: «Ребенок в морге. Отнесите туда одежду и оденьте его. Сами оденьте, не поручайте другим». Родители послушались, и это было началом изживания их горя.

Может, конечно, облегчить горе сочувствие и хорошая теплая беседа. А если родные смогут понять истинный смысл смерти ребенка, им станет легче.

Глава 18

Уход за неизлечимо больным. Где умирать — в больнице или дома. Чем можно помочь ему. О чем говорить. Молитвы.

Эта глава о том, что могут сделать родственники и друзья тяжелобольного человека, чтобы облегчить его страдания и помочь ему, насколько это возможно, примириться с неизбежным.

- Предсмертная болезнь длится некоторое, иногда продолжительное время. Это не только процесс слабения и умирания. Мы уже писали, что терминальная болезнь может быть периодом роста личности и развития духовности. Тем не менее она приносит с собой душевные и телесные страдания. Трудно больному, трудно и его род-

ным. Следует сделать все возможное, чтобы как-то помочь.

В прошлом смерть часто принималась как явление естественное, ее знали и делали все так, как нужно. Сейчас все это изменилось. Смерть стараются не видеть и ее не знать, а когда она все-таки подходит близко, то становится особенно трудно не только больному, но и его родным.

Мы часто считаем, что умирающему нужны только уход и комфорт; это не так. Случается, что, когда заболел немолодой человек — отец, мать, муж или жена, родные, поняв, что болезнь неизлечима, быстро отправляют его или ее в больницу или другое учреждение. Раньше такие убежища называли «дом для неизлечимых» или еще хуже, теперь им дают другие, более гуманные названия. Об ужасных условиях существования в таком доме для престарелых, безнадежно больных пишет Людмила Медведева в статье «Прииде кротость на ны» в журнале «Знамя» (1988, № 8). Она описывает один из сравнительно хороших домов для престарелых, и все же: «Живут в этаже... без ботинок и верхней одежды... их мир — кровать и тумбочка. Дверь на лестницу заперта. Персонал бедный, тяжело работает — злятся, ссорятся... нужно лстить, угодять... одиночество».

Говорить не о чем и не с кем. «Ссоры у телевизора, доходит до драки — полуслепые, глухие, злые».

Старые люди, мужчины и женщины, подходят к самому важному часу своей жизни без любви, не успокоенными и не примиренными, а униженными, несчастными и иногда озлобленными.

Родственники считают, что там ему будет лучше, там знают, что делать. Время от времени жена или муж навещают больного и думают, что сделали все, что нужно и можно. Но видеть больного человека им трудно, и чем дальше заходит болезнь, тем труднее. Визиты делаются короче и реже. Дети тоже заняты своим; думают, конечно, и о больных отце или матери, но в общем, все это воспринимается, главным образом, как осложнение их собственной жизни.

О таких ситуациях мы писать не будем, здесь ничего изменить нельзя. К счастью, такое встречается не часто. Даже в наше время, когда семейные связи слабеют, больной чаще всего не останется одинок. Его или ее горе разделят жена, муж, мать, дети.

Скоро все же придется решать вопрос — где умирать, в больнице или дома. Умирать трудно в любых условиях, но умирать у себя дома, когда около тебя те, кого ты любишь и кто тебя любит, легче. Подумайте каждый и каждая о себе; когда придет ваша очередь — где?

Больница может быть неизбежной и необходимой для обследования и для технических лечебных процедур. Но когда эта стадия уже позади, больному лучше быть в знакомой обстановке, у себя дома, в окружении любящих родных.

Больница обеспечивает порядок, эффективность, стерильность и квалифицированный уход, но есть в ней бюрократизм и связанное с ним безразличие.

Мы молимся в церкви о даровании «кончины непостыдной, мирной». Человек хочет сохранить свое достоинство до самой смерти. В безличной обстановке больницы это особенно трудно.

Вот терминально больную женщину, жену и мать, отправляют в больницу. В приемный покой ее вносят на носилках. Перед этим могла быть спешка в автомобиле «скорой помощи» с воющей сиреной. Суeta, шум, яркий свет. Перевоз в больницу часто дает первое серьезное ощущение близости смерти.

Процесс обезличивания начинается с момента прибытия. Ожидание приема, заполнение разных формуляров, раздевание — даже если это не необходимо. А затем больничные правила, которым она должна подчиняться. Ее лишают индивидуальности, свободы, права решать и поступать по-своему; ею командуют, как ребенком, и притом без любви и каких-либо эмоций, выполняя холодную рутину власти над ней. Из жены и матери она превращается в больную на койке номер 4 в палате номер 6. Все время что-то происходит: врачи, сестры, лаборантки, насосы, трубки, рентген и так далее. Она может хотеть покоя, мира, какого-то уважения, а получит: вливания, переливания, аппараты и уколы по графику. Развивается угнетение, подавленность. «Я должна вести себя примерно, иначе за мной не будут хорошо следить».

Больная все время на людях, но чувствует себя одинокой. Обход больных обычно происходит таким образом: впереди профессор или заведующий отделением, за ним — врачи, сестра и группа студентов; Подойдя к кровати больного неизлечимым раком, профессор спросит: «Как себя чувствуете? Аппетит? Действовал ли кишечник?»

Пощупает пульс, беглый осмотр и назначения сестре. Профессор тут же объяснит студентам, что могут наступить такие-то осложнения. Неизлечим, но продлить жизнь можно. И пошли дальше. Все нормально, очень по-деловому, но у больного после обхода настроение хуже, чем до него, и чувство одиночества еще острее.

Чем ближе смерть, тем холоднее в больнице. Вокруг чужие и часто безразличные лица и неудобные стены. Последние часы жизни умирающего не освящены любовью, а он хочет быть с близкими, почувствовать их любовь и дать им свою.

Находясь у себя дома, больной сможет дольше сохранить свой обычный образ жизни. Кое-что придется менять, ему нужно научиться принимать опеку без огорчения, а родным суметь так ухаживать за ним, чтобы он не очень сильно заметил перемену и не почувствовал свою беспомощность и зависимость от других. Дайте ему возможность продолжать трудиться, заботиться о семье и участвовать в решениях вопросов, касающихся его самого и его семьи, возможно дольше.

Нужно обеспечить больному максимально возможный физический комфорт. Болей быть не должно. Теперь есть средства, которые могут устранить любую боль. В основном, это, конечно, дело врача, но также и родственников. Врач видит своего пациента не каждый час и даже не каждый день. Он обеспечит нужные обезболивающие средства — не инъекции, а таблетки или микстуры, но умелое пользование этими лекарствами — дело семьи. Не нужно навязывать их больному и давать регулярно, скажем, четыре раза в день. Если боль совсем легкая и больной не хочет лекарства, то и не нужно. Больной часто боится, что, если боль станет сильнее, он будет очень страдать. Он должен быть уверен, что в любой момент, как только он попросит, его боль будет устранена, и притом полностью.

Не нужно слишком бояться привыкания к лекарствам. При внимательном пользовании и смене лекарств можно не допустить серьезной зависимости от них, а если и привыкнет немного, не такая уж беда. А заставлять человека, близкого к смерти, страдать от болей из боязни, что он привыкнет к лекарствам, жестоко и не нужно.

Внимательный доктор может сильно уменьшить опасения больного и его семьи, если он скажет: «Я вас не оставляю, я вам помогу». Выписав рецепт, он уйдет, но вернется через несколько часов, а потом снова вернется,

чтобы установить дозу и длительность действия лекарства. Часто первая доза бывает недостаточной, и ее нужно будет увеличить.

Раньше в больницах или на дому за больными иногда ухаживали монахини. Можно было услышать мнение, что, раз боль послана Господом, ее не следует заглушать. Сейчас, конечно, никто так больше не думает. Лекарства тоже даны нам Господом.

Все, что было сказано о болях, относится и к другим неприятным симптомам болезни.

Мы уже писали, что можно применять болеутоляющие средства, но не следует давать никаких успокаивающих (транквилизаторов), голова больного должна оставаться ясной. Снотворные средства допустимы, но не злоупотребляя ими и только в случаях действительной необходимости.

У больных иногда бывает чувство беспокойства и даже вины. «Я затрудняю моих близких». Сделайте так, чтобы это чувство ушло.

Если в другой мир уходит глава семейства, его будет тревожить многое. Что потом будет с его семьей? Смогут ли жена (или муж) хорошо воспитать детей? Как будут вести себя дети? Сохранится ли мир в семье? Дружный уход всех членов семьи облегчит сомнения умирающего. Его душе и мыслям нужен покой. Если нет земных тревог и забот, легче уйти с миром.

О чем говорить с безнадежно больным? Можно ли говорить о болезни? Можно ли говорить о смерти? Конечно, можно, но не всегда. Ему самому трудно начать такой разговор, но он часто хочет. Пустые разговоры друзей и посетителей его только тяготят. Если удастся нарушить заговор молчания, и ему и родным станет легче. Но как это сделать? Здесь нужен большой такт и понимание настроения и состояния больного. В сфере эмоций безнадежно больные часто становятся почти как дети; они ищут у других понимания, сочувствия и любви. Дайте им это, если сможете.

Состояние больного хорошо описал Лев Толстой в «Смерти Ивана Ильича»: «Главное мучение Ивана Ильича была ложь, — та, всеми почему-то признанная ложь, что он только болен, а не умирает... он же знал, и его мучила эта ложь... и заставляла его самого принимать участие в этой лжи. Он видел... что никто не хочет даже понимать его положение.

Один только Герасим понимал это положение, и потому Ивану Ильичу было хорошо только с Герасимом... Ивану Ильичу очень хотелось, чтобы его жалели... чтобы его приласкали, поцеловали и поплакали бы над ним. Он знал, что он важный член, что у него седеющая борода... но ему все-таки хотелось этого».

Одна из больных доктора Кюблер-Росс незадолго до смерти написала письмо ухаживавшим за ней больничным сестрам. «Я умираю, и я боюсь. Вы приходите, меряете мое кровяное давление, и я чувствую, что вы, зная, что я скоро умру, боитесь, и это делает мой страх еще сильнее. Вы боитесь и не знаете, что делать. Но просто признайтесь, что вы думаете, и заботьтесь обо мне. Это то, чего мы ищем».

Постарайтесь облегчить страх человека, близкого к смерти. Это может быть трудно, но если есть искреннее желание, поможет ваша интуиция.

Больному раскрыться не так легко. Часто лучше не говорить, а слушать. Ему хочется рассказать о себе, встретить понимание и поделиться своими чувствами. Нередко они любят вспоминать свои молодые годы. Попросите его рассказать о себе, о том, как он раньше жил, о его друзьях и интересах.

Если вы близки ему, напомните о важных событиях его и вашей жизни, вспомните с благодарностью о трудном и счастливым, пережитом вместе. Спросите, как он спит, видит ли сны, и какие.

Иногда легче написать, чем разговаривать. Если так — напишите больному о вашем сочувствии. Это будет оценено, а потом он останется с вашим письмом один на один и получит облегчение. Написанное иногда доходит лучше сказанного.

Иногда, особенно в начале терминальной болезни, узнав о ее неизлечимости, больной находится в состоянии шока. Он отказывается понимать, он еще не способен видеть ужасную для него правду. В это трудное время больной нуждается в помощи и сочувствии больше, чем когда-либо. Здесь говорить о смерти нельзя. Наоборот — согласитесь с ним: «Да, это не то, на рак не похоже».

Всегда нужно стараться сохранить у больного надежду на выздоровление, а если сумеете, даже укрепить ее. Желание выздороветь и вера в это иногда делают чудеса. Известны случаи выздоровления больных с запущенными раковыми заболеваниями. Расскажите об этом больному.

Трудной для больного бывает также стадия протеста и гнева. Больной раздражителен, требователен и может стать неприятным. Если вы поймете его состояние, вы и здесь найдете нужные слова.

В более поздних стадиях, когда больной уже хоть частично принял неизбежное, можно и нужно говорить открыто, он ведь все время думает об этом и многое его тревожит. Можно рассказать ему про то, что сейчас известно науке о жизни после смерти тела, дать ему прочитать книгу об этом или, если возможно, познакомиться с человеком, имевшим личный опыт выхода души из тела.

Мы уже писали, что Кюблер-Росс говорила больным, что она пишет научную работу о смерти и просит его или ее рассказать об их переживаниях и ощущениях. Она пишет, что больные не пугались, а, наоборот, охотно соглашались, рассказывали и получали облегчение.

С людьми, знающими, что их болезнь неизлечима, можно говорить не скрываясь. Спросите у них, что они чувствуют, чего они хотели бы? Что еще хотят успеть сделать? К больному могут прийти мысли о других, забота о них, и ему станет легче. Иногда можно спросить и прямо: «Ты боишься?», «Ты молишься?».

Один из больных сказал, что, когда он узнал, что его рак неизлечим, ему стало легче. Неизвестность до этого вызывала колебания, смену надежды и отчаяния, и это было хуже всего.

Американцы, как обычно, не только советуют, а идут дальше. В Соединенных Штатах есть специальная организация, название которой в переводе на русский язык — «Рак — это не конец». Члены этой организации — больные и их семьи — собираются вместе, рассказывают о своих мыслях и переживаниях, дискутируют. Принимают участие и врачи, те из них, которые поняли, что традиционное отношение медиков к смерти (замалчивание) их пациентам не помогает. Цель этой организации помочь неизлечимым больным преодолеть стремление уйти от людей и продолжать жить полноценной жизнью как можно дольше. Теперь такие организации есть и в других странах.

Откровенность может помочь и больному, и его родным. Я знаю случай, когда муж и жена страдали отдельно, а начав говорить без утайки, оба получили облегчение.

Когда больные слабеют, их начинает тяготить одиночество. Это еще одна из причин, почему им бывает так

трудно в больнице, особенно ночами. Будьте с ними. Здесь уже не нужно много слов. Не призывайте больного стойко переносить несчастье, держаться и быть сильным. Ему не нужно стараться быть сильным; лучше признаться в своих опасениях и страхах. Это рождает взаимное доверие, и он примет ваше сочувствие, которое ему очень нужно.

Хорошо, если больной поплачет. Не мешайте ему в этом, а, наоборот, — помогите. Иногда больному полезно и рассердиться на кого-нибудь, даже на вас. Не обижайтесь.

Не оставляйте его или ее надолго одних. Просто будьте в одной комнате, посидите рядом. Молча. Касайтесь его руки, плеча, волос. Контакт, когда он не только эмоциональный, а и физический — полнее. Если вы его жена — спите в одной кровати или хотя бы в одной комнате. Когда он спит, он тоже чувствует, что вы близко. Даже если он забылся или без сознания, он все равно чувствует; говорите с ним, даже если он не понимает.

Есть еще одна причина не оставлять умирающего одного. Предугадать время смерти трудно. Больной может умереть, когда вас не будет, и вы потом будете упрекать себя — сделали не все, что могли.

Когда больной начинает чувствовать, что смерть не за горами, его мысли становятся глубже и серьезнее. Теперь ему нужно понять то, о чем он раньше не думал. Помогите ему. Прочитайте ему письмо Феофана Затворника к его умирающей сестре. Мы уже приводили выдержки из него, а сейчас даем его полностью:

«Прощай, сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твоем исходе. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в иной мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им, и наши им передай приветы и попроси попечиться о нас. Тебя окружают твои дети со своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя дверь в лучшую жизнь.

Ангел-хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит. Грехи будут приходить. — кайся во всех и будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаживает. Изглажены и твои, когда покаешься. Эту веру поживее

восставь в себе и пребудь с нею неразлучно. Даруй же тебе, Господи, мирный исход! День-другой, и мы с тобою. Поэтому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобой!»

Много нужного и утешительного можно найти в христианской и в хорошей светской литературе.

Последнее, но и самое важное. Нужно молиться и, если можно, молиться родственникам и больному вместе.

Вот несколько молитв об исцелении:

«Господь Иисусе Христе, на одре болезни лежащего и страждущего раба Твоего (имя) посети и исцели: Ты бо еси недуги и болезни рода нашего несомый и вся могий, яко Многомилостив».

«Пресвятая Богородице, всесильным заступлением Твоим помоги мне умолить Сына Твоего, Бога моего, об исцелении раба Его (имя)».

«Все святые и ангелы Господни, молитесь Бога о больном рабе Его (имя)».

Бывают обстоятельства, когда нужно молиться не о выздоровлении, а уже о другом. Можно молиться об избавлении больного от страданий, о прощении ему грехов, о мирной и спокойной кончине и о даровании его душе Царствия Небесного.

Несколько молитв было приведено в 14-й главе.

Можно молиться и своими словами.

Постарайтесь обеспечить умирающему исповедь и причастие. Если он достиг мира душевного, попросите его молиться за вас в загробном мире.

Глава 19

Родственники умершего. Горе потери. Опасности сильного горя. Изживание горя.

Горе после смерти любимого человека, если оно очень глубоко и продолжительно, может омрачить всю последующую жизнь остающихся жить. Его последствия могут отразиться на их психическом равновесии и подорвать здоровье.

Нам бывает так трудно еще и потому, что современный общественный уклад старается смерти не видеть, и когда она приходит, мы не готовы и не знаем, что делать.

Теперь родные обычно с телом не остаются. Умершего как можно скорее отправят в морг. Потом — короткая церковная служба, а то и вовсе без нее, быстрые похороны или кремация. Кладбище теперь посещают не так часто, как раньше.

Знакомые иногда советуют родственникам: «Не нужно идти на похороны». Последние соглашаются, тоже думая, что чем меньше видеть, тем легче перенести потерю. Это неверно. Плакать при посторонних почти что неприлично, а горевать открыто и вовсе не принято.

Я видел, как любящую старушку-жену, счастливо прожившую с мужем 50 лет, друзья уговорили не провозжать его тело на кладбище, считая, что этим они избавляют ее от излишних переживаний.

Такое отношение к смерти близкого человека неправильно и нехорошо и по отношению к нему и для оставшихся жить. *От горя невозможно спрятаться, его нужно пережить.* Здесь есть, однако, две возможности — горе может быть коротким или продолжительным.

Горе нужно принять и глубоко пережить; потеря должна быть воспринята не только умом, но и сердцем, не только интеллектуально, но и эмоционально. Без такого полного переживания горе будет очень продолжительным и может повести к хронической депрессии, потере радости жизни и даже всякого желания жить. Могут развиваться тяжелые болезни, включая такие, как колит и рак. Известно, что неизжитое горе чаще всего бывает у тех, кто не мог хорошо проститься с умершим: не видел мертвого тела, не был на похоронах; например, у любящей жены солдата или офицера, получившей официальное извещение о геройской смерти мужа и больше никогда ничего не узнавшей. Она не видела мертвого тела, и у нее появляется желание отрицать реальность смерти. Ее неизжитое горе будет тяжелым, продолжительным и опасным. Ей будет очень трудно вернуться в русло нормальной ежедневной жизни.

Медицина обозначает это состояние такими словами: «Неизжитое горе создает психологический дефицит». Эти слова очень сухие, но верные. Изживание горя делает человека способным вспоминать умершего без эмоциональной боли и сохранить живые чувства для других. Люди, испытавшие горе, становятся лучше, они взрослеют. Всякая встреча со смертью, с чужой или близкой своей, делает людей серьезнее и глубже. В горе может быть чувство протеста и всегда есть чувство подав-

ленности и стремление что-то исправить. Если умер близкий вам человек, вы много плачете, вы беспомощны и чувствуете себя виноватыми, вы огорчаетесь, что сделали для него не все, что могли. Вы одиноки, и это может быть самым трудным в вашем горе.

Первая стадия горя — шок, бесчувственность. Осознать потерю еще невозможно. Все, что нужно сделать, делается автоматически. Нет сна, нет аппетита; рассеянность и уныние; все пусто и ненужно. Но подумайте о том, что ведь умерший не хотел бы, чтобы вы все время горевали. Постарайтесь молиться за душу умершего — это нужно и ему и вам. Надеемся на встречу за гробом. Пройдет некоторое время, и постепенно эмоциональный баланс начнет восстанавливаться.

Первые сутки или двое нужно целиком посвятить умершему, видеть его, даже говорить с ним, а после этого и дальше горевать и молиться, но начинать работать и быть с людьми, а не уединяться.

Иногда может помочь записать пережитое. Записывая, вы еще раз испытываете то, что было, и немного утешаете ваше горе.

Есть мудрость в том, как раньше прощались с умершим близким человеком. Не скрывали своих чувств, плакали и горевали открыто. Тело держали в доме, проводили ночь у тела, читая Псалтырь или молясь, или просто сидя возле. Церковные службы, панихиды, достойные проводы и похороны. Последнее целование, участие в засыпании могилы. Поминки, даже плакальщицы — все это помогало родственникам в изживании горя. Подумайте и о том, что душа умершего продолжает жить, что она в это время находится вблизи тела и видит вас и все, что происходит.

Сейчас мы далеко ушли от этих старых обычаев. Менее цивилизованные народы, с естественным образом жизни, все еще соблюдают старые разумные обряды, а нам следовало бы вернуться к христианским обычаям, связанным со смертью и похоронами.

После смерти близкого человека родственникам придется позаботиться о многом. Если при умирании вы были с ним, закройте ему глаза, подвyezьте челюсть и сложите руки на грудь. Тело нужно убрать, но не торопитесь отправлять его в морг или в похоронное бюро. В бюро тело покойника оденут, а лицо иногда подкрасят, чтобы смерть выглядела как сон, но хотите ли вы этого?

Если можете, сделайте все сами, в последний раз. Если слишком трудно самим, пусть кто-нибудь из знакомых уберет и оденет умершего. А вы потом пробудьте у тела, вспомните его и себя и вашу жизнь вместе. Подумайте, поплачьте. Попросите его приготовить место и вам.

Церковь учит, чтобы над телом покойного был прочитан Канон на исход души, а затем как можно дольше читалась Псалтирь.

Ушедший от вас не умер, его душа с вами и думает о вас. Она близко, и ей не все равно, видит ли она свое тело замороженным в ящике морга или любимых людей, молящихся около тела. Дети тоже непременно должны видеть умершего и проститься с ним.

Примите активное участие в выполнении всех формальностей: заполнение разных бумаг, организация похорон на кладбище, извещение в газеты и друзьям, просьбы о панихидах и так далее.

В церкви дайте последнее целование. Попросите отслужить панихиду. Гроб должен быть простым. Дорогой гроб иногда служит искуплением вины у родных. Если есть такое чувство, его нужно искупить иначе — участием в погребении, молитвами.

Умершего нужно хоронить в земле, а не сжигать. Огонь — символ ада. Православная церковь порицает сожжение, тело следует возратить земле. Помогите нести гроб, опускать гроб в могилу. Бросьте горсть земли или поработайте лопатой. Советуют не закрывать цветами сырую землю возле еще открытой могилы. Смерть нужно принять.

Если почему-либо пришлось хоронить близкого человека без священника, возьмите немного земли с могилы и принесите ее в церковь или просто священнику для совершения отпевания, а после этого верните землю на могилу.

Похороны — это последнее прощание, но они должны быть и началом преодоления горя. Они должны сделать смерть реальностью. **Смерть** близкого человека должна быть принята не только головой. Это трудно, но и обязательно нужно. Запоздалое горе очень трудно и вредно.

Похороны — христианские или гражданские — должны быть достойными проводами с уважением к умершему и его близким. Есть люди, лишенные всякой духовности, которые даже эти последние проводы

близкого человека могут превратить в грубую и унижительную процедуру.

В сборнике «Русское возрождение» (№ 35) помещена статья Кирилла Головина о том, как прощались с умершими и как хоронили в 1986 году. Статья называется «Непосстыдно и мирно».

Головин с горечью пишет, что на Западе существуют все внешние условия, чтобы достойно умереть и быть погребенным, но часто не хватает внутренних предпосылок. В России же «положение для христиан обратное и трагичное. Для безбожников проблемы нет — хоронят близких хуже, чем язычники или дикари».

В России большинство людей умирает в больницах. Исповедаться и причаститься перед смертью трудно и не всегда возможно.

«К праву достойной кончины относятся с пренебрежением... Умер. Прежде обмывали, обряжали и оплакивали. Сейчас спешат, завернув в простыню, отправить в морг. Мужики, не снимая шапок, волокут, как куль, бросают в грузовик... часто по принципу — отработал и на свалку... В морге вскроют...»

«Если умер дома, тело тоже отправляют в морг. Это легче всего. Там знают, что нужно делать. Не нужно обмывать... думать... не нужны в доме гроб в цветах... чтение Псалтири. В обезбоженной стране все это стало обременительным и ненужным... Хоронить — не печально-горестный обряд, а суетливо-хлопотное дело... не катафалк, а автобус на полном ходу».

Автор, продолжая, пишет, что в России все это есть результат неофициального запрета. Так нужно властям. Там признано, что смерть — это конец.

Батюшка на кладбище не пойдет. «Растерянно стоят близкие у разверстой могилы и не знают, с какой молитвой опускать в нее покойника. Могильщики — задорные хапуги — без смущения поторапливают... курят, лениво переругиваются между собой».

Проще всего, конечно, сжигание, поощряемое властями. «Над пеплом молитва не рождается. Могилки, креста — нет... удобно... и не надо над дорогим холмиком проливать слезы, ибо над урной они почему-то не льются».

«Траура почти не носят — поскорее забыть».

После этого горького описания Головин кончает свою статью фразой: «Но есть и христианские семьи еще». А в последнее время таких семей становится больше. Осо-

бенно много есть молодых людей, которые хотят более достойно проститься с умершим и принимают участие в церковных проходах и похоронах *.

Можно надеяться, что в связи с перестройкой многое изменится к лучшему.

После похорон возвращение в опустевший дом может быть очень горьким. Одиночество. Жизнь кажется пустой. Хочется уйти от всего и зарыться в себя. Может облегчить молитва и мысль о том, что смерть — это только переход и что вы снова встретитесь. Кроме того, у всех есть друзья, и они в это время помогут разделить горе.

У евреев был хороший обычай. После похорон, время от времени, у родственников умершего собираются друзья и побуждают их вспомнить и рассказать о нем. Много не говорят — слушают, а если родные не хотят рассказывать — не настаивают. Просто посидят молча, так тоже хорошо.

Поминки тоже иногда могут быть уместны. До сих пор горящий уединялся в горе, теперь он возвращается к жизни общества.

Нехорошо смягчать горе лекарствами, его нужно изжить. Неизжитое горе уходит вглубь.

Не нужно превращать умершего в фетиш, хранить его вещи, одежду и прочее. Ему нужно дать умереть. Это не безразличие и не эгоизм. Не нужно забывать умершего, наоборот, нужно сохранить светлую память о нем до конца своих дней, но жить нужно без депрессии, без постоянного «горького горя», сохранив себя для жизни с другими. Забывать вовсе не нужно. Траур имеет смысл — есть обязанности и по отношению к умершему. Важно это и для себя — горевать лучше открыто.

Посещайте кладбище. У могилы поставьте крест, а не какой-нибудь языческий символ. На кладбище сами собой приходят мысли о бренной жизни, о духовном и о смысле смерти и в какой-то степени успокаивают.

Время от времени просите священника отслужить панихиду, особенно на 3, 9-й и 40-й день, а затем в каждую годовщину смерти.

Если вы молитесь утром и вечером, поминайте ваших умерших родных.

* В 1988 году в журнале «Новый мир» помещена повесть Сергея Каледина «Смирненное кладбище». Автор рисует картины похорон еще более безотрадными и горькими красками, чем Головин.

Архиепископ Антоний Женеvский пишет: «Душа умершего в ином мире сама не может, хотя бы и хотела, коренным образом измениться и начать новую жизнь, которая совершенно отличалась бы от ее жизни на земле... Для ее изменения необходима помощь извне».

Душа может соучаствовать в наших молитвах за нее и может и должна молиться вместе с нами. Это помогает ей очиститься и ускорит ее развитие. Она может молиться и за нас, живущих.

Отец Сергей Булгаков пишет: «Молитвы действенны, умершие нуждаются в наших молитвах».

Может быть, вы не верите в действенность молитвы за умерших? Но подумайте о том, что она им нужна и они ждут ее, пока вы тут сомневаетесь.

Есть много свидетельств тому, что умершие являются живым в их снах или видениях и просят молиться за них. Есть сообщения и в Житиях святых и в наше время, говорящих о том, что душа умершего после молитв и церковных служб за нее обретала покой.

Феофан Затворник умел послать слова утешения не только умирающим, но и их родственникам. Матери, недавно схоронившей дочь, он написал:

«Милость Божия да будет с вами. Плачьте, плачьте. В этом нет ничего неестественного и укорного. Диво было бы, если бы мать не плакала о смерти дочери. Но при этом надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам христианством.

Умерла! Не она умерла, а умерло тело; а она жива, и так же живет, как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, когда ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если бы вы могли поговорить с ней лицом к лицу и попросить ее опять войти в тело, она ни за что не согласилась бы... Ну вот и поплачьте. Только все немножко... Благослови вас, Господи, и утеши!»

А мужу своей умиравшей сестры он пишет: «...Что судил Бог, тому надо покориться... Вашей жене нужна помощь. Вот на что надлежит нам устремить все внимание и всю любовь к умершему. Я думаю, самый действительный показатель любви вашей к усопшей будет то, если вы с минуты отхода души погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых неожиданных нуждах. Начав так, непрестанно молитесь Богу о помощи ей,

особенно в продолжение шести недель да и далее... не забудьте сделать так — вот и любовь! А слишком горевать и убиваться — мало имеет смысла».

Молясь за умерших, мы говорим: «Упокой, Господи, душу раба Твоего». А веря, что при нашей помощи может молиться душа умершего, мы произносим и другие слова: «Упокой Господи, душу усопшего раба Твоего, нами Тебе молящегося».

- Вот еще две короткие молитвы за умерших:

«Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего (рабы Твоея), идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

«Едина чистая и непорочная Дево, Бога без семени рождшая, моли спастися души его».

Можно молиться и своими словами. Отцы Церкви советуют: «...Старайся молиться глубоко, искренне, своими словами... просто думай об умерших, это поможет и им и тебе... беседуй с ними во имя Божия...»

Особенно действенны молитвы за умерших, творимые в церкви, во время Божественной литургии. Вы подаете просфору за успокоение души и в ней записку с именами тех, за кого вы просите священника помолиться.

Из поданных молящимися просфор священник вырезает частицы и, опустив их в чашу, молится об упокоении усопших. Это самое большое, что вы можете сделать для умерших дорогих вам людей.

Христианство учит: «Души святых и праведных и любящих нас умерших родственников молятся за нас, как и мы им и за них. Общение в молитве между живыми и умершими никогда не прекращается». Просите умершего приготовить место и вам. Сохраняйте любовь к умершему. Как жизнь вечна, так вечна и любовь». «Она никогда не отпадет», — учит апостол Павел. «Любовь, вместе с душой, переходит за гроб, в царство любви, где без любви ничего не может быть».

Протоиерей Путягин пишет: «Связанных союзом любви не разлучит Бог. Бог есть беспредельная любовь. Неужели, научая здесь нас любить друг друга, Бог будет по смерти отлучать нас от этой любви?»

Чтобы помочь душам умерших, Церковь советует не только молиться, но и делать добро во имя их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Душа и тело

Наука о смерти — молодая наука, но она уже принесла в мир новое понимание процесса умирания и самой смерти. Наука подтвердила учение христианства. При умирании какая-то часть личности переходит в новые условия реальности и продолжает сознательное существование.

Человек имеет душу и тело. В земных условиях они соединены и живут вместе, но *они не неразделимы*. После смерти тела душа продолжает жить в загробном мире. Она может жить вне тела и в земном мире. В наше время этот факт подтвержден объективной наукой. Научно-исследовательские институты разных стран теперь изучают условия жизни души вне тела.

Душа нуждается в теле для ее деятельности в материальном мире, но не для жизни; душа может жить и без тела.

Возникает встречный вопрос — может ли тело жить без души?

В природе какой-то низший уровень существования возможен и без души, или, во всяком случае, без того, что мы обычно называем душой. Однако сознательной человеческой жизни без души не существует.

При умирании душа покидает тело раньше, чем наступает смерть последнего. После ее выхода тело становится неподвижным и теряет все признаки жизни, но в тех случаях, когда душа возвращается в тело, человек оживал и все жизненные функции восстанавливались. Следовательно, и при отсутствии души тело может сохранять некоторое время потенциальную способность жить.

Смерть не «момент», а процесс перехода, занимающий известное время, и до какой-то стадии перехода душа иногда может вернуться в тело и в жизнь на земле.

В то же время когда душа и тело существовали раздельно, жила и сохраняла контакт с окружающей средой душа, а не тело. Если душа и тело во время их раздельного существования пребывали в разных местах, возвращенный к жизни человек помнил обстановку, в которой была его душа, и описывал события,

происходившие с его душой, а не с телом. Его тело в это время ничего не видело, не слышало и не воспринимало.

Мозг, видимо, не функционировал или, во всяком случае, не реагировал на контакт с окружающим и не фиксировал восприятий, если они были. Все происходившее с телом не оставило никаких отпечатков в памяти человека, вернувшегося к жизни. Провала в памяти тоже не было, в ней сохранилось то, в чем принимала участие его душа.

Воссоединение души с телом возможно, конечно, далеко не всегда. Душа может жить только в способном функционировать теле. После разрушения какого-либо жизненно важного органа телесная жизнь больше невозможна.

Попытки реанимации бывали успешными, как правило, только в первые минуты, может быть, 1–2 часа после угасания жизненных функций, до тех пор пока не началось структурное разрушение тканей.

Существуют отдельные свидетельства и о более длительных сроках. В Евангелии и в Деяниях описано много чудесных случаев воскрешения мертвых Иисусом Христом и апостолами. Иисус Христос воскресил Лазаря на третий день после смерти, когда уже началось разрушение тела. Такие же случаи приводятся в книгах других религий. Есть подобные описания и в светской литературе. Тело Икскуля вернулось к жизни из состояния трупного окоченения.

' (У многих такие сообщения вызовут только ироническую усмешку. Однако «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» (Шекспир), а предвзятый скептицизм не говорит о ясности мышления. Конечно, трудно поверить в возвращение к жизни из трупного окоченения или при запахе начавшегося тления, и я колебался, нужно ли упоминать об этих сообщениях. Но замалчивание было бы равнозначно отрицанию не только описываемых событий, но и самих сообщений. В мир входит новое понимание смерти и жизни души. Данные и сообщения о них настолько новы, что утверждать или отрицать что-либо еще не время.)

Мы не будем обсуждать их; важно то, что в наше время наука подтвердила учение христианства о продолжении жизни после смерти тела.

Выйдя из умершего тела, душа человека переходит в другие условия существования и продолжает жить там.

Значит, кроме знакомого нам материального мира существует другая реальность, которую мы, живя на земле, не постигаем. В этом другом мире тоже есть жизнь. Мы знаем теперь об этом нездешнем мире немного больше, чем раньше.

Христианство и все великие ученые всегда учили, что во вселенной существует всеобъемлющий разум, много выше человеческого разума, и всегда прозревали существование высших условий жизни духа.

Нам было показано, что смерть не разделяет «два мира непроеходимой стеной». В этой стене есть дверь, и закрыта эта дверь не совсем наглухо. Смерть — это только переход из одного мира в другой.

Кант писал: «Человеческую душу следовало бы считать одновременно связанной уже и в настоящей жизни человека с двумя мирами, из которых она, пока образует со своим телом одно личное целое, воспринимает ясно только мир материальный».

Мы знаем также, что души умерших людей и другие духи, живущие в «том» мире, могут иногда посещать и наш мир.

Нам было дано посмотреть сквозь приоткрытую дверь и увидеть то, что нам нужно знать о другом мире.

За последние 10–12 лет все больше людей получают личный опыт загробной жизни и убеждаются в существовании загробного мира. Господь дал нам это знание и возможность рассеять сомнения объективной проверкой в самое темное время в истории человечества.

Для каждого из нас, в плане личной жизни, этот успех науки важнее, чем все остальные научные и технические достижения. Все больше людей убеждаются в существовании потустороннего мира.

Сейчас значение этих открытий осознано еще далеко не всеми. Радикально новое всегда принимается людьми не сразу. Однако описанные выше феномены уже и сейчас более широко известны, чем иногда кажется. Люди, имевшие личный опыт, рассказывают неохотно, боясь недоверия и насмешек. Были случаи, когда рассказывавшие подвергались принудительному психиатрическому обследованию.

Однако о пережитом никогда не забывают. Новое понимание смерти меняет характер и образ жизни людей.

«Это было самое большое событие моей жизни».

«Что сделал я в моей жизни? Я должен теперь жить иначе».